

**ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА**  
**XX ВЕКА**  
**ХРЕСТОМАТИЯ-ПРАКТИКУМ**  
**ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ**

УДК

Рекомендовано вченою радою СумДПУ ім. А. С. Макаренка  
(протокол № 12 від 19 червня 2019 року)

Рецензенти:

О. М. Семенов, доктор педагогічних наук, професор

А. М. Коваленко, кандидат філологічних наук, доцент

В. С. Хромова, кандидат педагогічних наук, доцент

**Зарубежная литература XX века : хрестоматия-практикум для иностранных студентов** / Міністерство освіти і науки України, Сумський державний педагогічний університет імені А. С. Макаренка ; уклад. З. В. Савченко. – Суми : Вид-во СумДПУ імені А. С. Макаренка, 2019. – ... с. – Мова рос.

В пособии представлены основные тенденции развития мировой литературы XX века, а также наиболее репрезентативные образцы художественных произведений, рекомендованных к изучению в высшей школе. Целью пособия является развитие практических навыков работы с текстами, необходимых для формирования литературоведческих компетентностей иностранных студентов.

Сумы 2019

## ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Предисловие</b> .....	<b>4</b>
<b>Введение</b> .....	<b>6</b>
<b>Антивоенная тематика в мировой литературе первой половины XX века</b> .....	<b>7</b>
Э. М. Ремарк. На Западном фронте без перемен .....	<b>8</b>
<b>Жанр антиутопии в мировой литературе XX века</b> .....	<b>27</b>
Дж. Оруэлл. Скотный двор .....	<b>31</b>
<b>Жанр притчи в мировой литературе XX века</b> .....	<b>71</b>
А. де Сент-Экзюпери. Маленький принц .....	<b>72</b>
Э. Хемингуэй. Старик и море .....	<b>134</b>
Г. Гарсиа Маркес. Очень старый человек с огромными крыльями .....	<b>167</b>
<b>Вторая мировая война в творчестве зарубежных писателей XX века</b> .....	<b>177</b>
Стихотворения о войне .....	<b>182</b>
Г. Бёлль. Путник, придешь когда в Спа... ..	<b>192</b>
<b>Проблема отцов и детей в творчестве Джеймса Олдриджа</b> .....	<b>203</b>
Дж. Олдридж. Последний дюйм .....	<b>204</b>
<b>Список литературы для самостоятельного чтения</b> .....	<b>237</b>

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Главной целью обучающего курса «Зарубежная литература XX века» является ознакомление иностранных студентов с основными культурно-историческими процессами указанного периода, а также формами их художественного осмысления и выражения. Для достижения этой цели необходимо реализовать такие задачи:

- формировать навыки целостного восприятия литературного процесса XX века и его магистральных тенденций;
- содействовать усвоению литературоведческих понятий, необходимых для комплексного анализа художественных произведений;
- углублять представления о национальной самобытности и общечеловеческой ценности лучших образцов мировой литературы;
- развивать образное, ассоциативное, критическое мышление студентов-филологов;
- воспитывать уважение к высоким достижениям духовной культуры XX века посредством ознакомления с ее лучшими литературными образцами.

По итогам изучения дисциплины иностранные студенты должны знать:

- основные исторические и культурные события XX века, повлиявшие на формирование мировой литературы этого периода;
- особенности индивидуальной творческой манеры ведущих писателей разных стран в их взаимосвязи с эстетическими приоритетами эпохи.

А также уметь:

- рассматривать литературный процесс в культурно-историческом контексте эпохи;
- выявлять национальную специфику литературы отдельных стран;
- анализировать литературные произведения в биографическом, литературоведческом и культурологическом контекстах;

- компетентно оценивать эстетическую значимость изучаемых произведений;
- пользоваться справочной и критической литературой (литературными энциклопедиями, словарями, библиографическими справочниками);
- четко формулировать ответы на предложенные вопросы, аргументировано отстаивать собственную исследовательскую позицию;
- свободно владеть базовым понятийным аппаратом;
- вести аргументированный диалог в групповых дискуссиях.

Изучение дисциплины «Зарубежная литература XX века» ориентирует на следующие виды профессиональной деятельности учителя-словесника:

в воспитательной области:

- воспитание учащихся как формирование у них духовных и нравственных ценностей на основе индивидуального подхода

в научно-методической области:

- выполнение учебных и научно-исследовательских заданий с целью повышения квалификационного уровня будущего педагога;
- анализ собственной деятельности с целью ее дальнейшего совершенствования

в культурно-просветительской области:

- формирование общей культуры учащихся;
- совершенствование эстетического вкуса, коррекция ценностных приоритетов.

## ВВЕДЕНИЕ

В истории зарубежной литературы XX века выделяются два периода – 1910–1945 и 1945–1990-е годы, что позволяет представить литературный процесс в его динамике и связях с событиями, определившими облик эпохи и своеобразие мироощущения её современников.

XX век утвердил в истории человечества трагическое мироощущение, а в качестве ключевых понятий – войну и насилие, угрозу экологических катастроф, технократическое сознание, кризис гуманистических идеалов.

В то же время его первое десятилетие овеяно оптимизмом и романтикой, чему способствовало интенсивное развитие науки и техники, поначалу незамутнённое негативными последствиями: первые самолёты, первые походы к Северному и Южному полюсам, открытие квантовой теории, успехи в области генетики и под.

Однако сфера разума столкнулась с безумием, а самые крупные научные и технические достижения оказались использованными против человека – сначала в Первой мировой войне, затем во Второй, принёсших цивилизации многомиллионные человеческие жертвы, неисчисляемые культурные и материальные потери.

Всё это не могло не сказаться на мироощущении людей, на судьбах культуры, искусства, на роли литературы в современном мире. К этим проблемам, связанным с вопросами о развитии цивилизации, о будущем человечества, обращались писатели, философы, социологи всех стран, решая их по-разному: одни – в пессимистическом ключе, другие, не отрицая переживаемых искусством XX века кризисов, веря в его возрождение.

## АНТИВОЕННАЯ ТЕМАТИКА В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

**Первая мировая война** (1914-1918 годы) – один из самых ширококомасштабных вооружённых конфликтов в истории человечества. Формальным поводом к ее началу послужило покушение на наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда, осуществленное 28 июня 1914 года. Настоящей же причиной являлись глубокие противоречия между могущественными державами Германией, Австро-Венгрией, Италией, Францией, Великобританией и Россией, стремящимися к политическому и экономическому господству в Европе.

Особенную роль в этом процессе сыграла Германия. Окрепнув к середине 1880-х годов в экономическом и военном смысле, Германия заявила о необходимости колониального передела мира. Для этого ей необходимо было разгромить Францию и Англию как державы, ранее поделившие между собой колонии, а также заключившую военный союз с Францией Россию. Кроме того, постоянным очагом нестабильности в Европе оставалась многонациональная Австро-Венгрия, а на Ближнем Востоке сталкивались интересы всех влиятельных стран, стремящихся успеть к разделу ослабленной Османской империи.

К 1914 году оформились два блока, противостояние которых легло в глобальную первооснову мировой войны:

- Блок Антанты: Российская империя, Великобритания, Франция;
- Блок Тройственный союз: Германия, Австро-Венгрия, Италия.

По ходу войны Тройственный союз развалился: в 1915 году Италия перешла на сторону Антанты. Но после того, как к Германии и Австро-Венгрии присоединились Турция и Болгария, на месте Тройственного образовался Четверной союз, или блок Центральных держав.

Первая мировая война длилась более четырех лет и закончилась 11 ноября 1918 года. Всего в войне участвовало 38 государств, на ее полях

сражались свыше 74 миллионов человек, из которых 10 миллионов были убиты и 20 миллионов искалечены. Эта война привела к крушению самых могущественных европейских государств (Российской, Австро-Венгерской, Османской, Германской империй) и образованию новой политической ситуации в мире.

В мировой литературе первой половины XX века события 1914-1918 годов нашли свое яркое отражение и объективную оценку в творчестве немецкого писателя Эриха Марии Ремарка, французского прозаика Анри Барбюса, английского писателя Роберта Олдингтона, американца Эрнеста Хемингуэя. Они знали о войне не из газетных сообщений, а из личного фронтового опыта, поэтому писатели жестко осудили Первую мировую войну как захватническую, разрушительную и антигуманную.

### **ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК (1898-1970)**

Немецкий писатель Эрих Мария Ремарк родился в городе Оснабрюк в семье переплетчика. В 1916 году, сразу же после выпуска из гимназии, ушел на фронт и более двух лет принимал непосредственное участие в Первой мировой войне. Вернувшись с фронта, работал учителем, служащим в торговой фирме, репортером, а затем редактором журнала «Спорт в иллюстрациях».

В 1929 году вышел первый роман Ремарка «На Западном фронте без перемен», сразу же переведенный на многие языки мира и принесший автору всемирную известность. В его основу были положены воспоминания писателя о своем участии в военных действиях, поэтому произведение имеет ярко выраженный автобиографический характер и воспринимается как максимально правдивое. Свой замысел автор объяснял так: «Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о



поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов».

В 1931 году был опубликован роман «Возвращение», повествующий о судьбе солдат, пришедших с войны, но не сумевших найти свое место в условиях мирной жизни. Позже их назвали «потерянным поколением», а Ремарк стал одним из первых писателей, кто осудил войну не только за то, что она несла смерть и разрушение, но и за то, что она навсегда сломала жизнь тем, кто уцелел.

**Потерянное поколение** – это молодые люди, призванные на фронт в возрасте 18 лет, часто ещё не окончившие школу, рано начавшие убивать. После войны такие люди часто не могли адаптироваться к мирной жизни: они спивались, сходили с ума, кончали жизнь самоубийством.

Понятие «потерянное поколение» возникло в период между двумя войнами (Первой и Второй мировой). Оно стало лейтмотивом творчества многих писателей первой половины XX века.

С 1932 года Ремарк жил во Франции, в США, затем постоянно поселился в Швейцарии. Писатель вынужден был покинуть родину в связи с приходом к власти нацистской партии Гитлера. Находясь за границами Германии, он создал ряд произведений, преисполненных пафоса утверждения лучших человеческих качеств – верности, любви, бескорыстия, служения долгу, принципам демократии и свободы. Эти вечные темы Ремарк отразил в романах «Три товарища», «Триумфальная арка», «Искра жизни», «Время жить и время умирать». В 1956 году написал роман «Черный обелиск», в котором события 20-х годов XX века рассмотрел в исторической перспективе и увидел в них причины возникновения Второй мировой войны.

В последних произведениях – «Жизнь взаимы» и «Ночь в Лиссабоне» – Ремарк повествует о событиях послевоенного времени, сохраняя прежнюю

гуманность и правдивость, присущие более ранним его произведениям. Умер писатель в Локарно, в Швейцарии.

### ЗАДАНИЕ

1. Прочитайте отрывки из романа «На Западном фронте без перемен». Определите главную мысль каждого отрывка. Назовите художественные приемы, используемые автором для реализации своего творческого замысла.
2. Составьте облако тегов к каждому отрывку и карту памяти к роману Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» в целом.
3. Подготовьте устное сообщение на тему: «Первая мировая война в творчестве Э. М. Ремарка».

*Ссылки на электронную версию романа «На Западном фронте без перемен»:*

- [http://loveread.ec/read\\_book.php?id=3319&p=1](http://loveread.ec/read_book.php?id=3319&p=1)
- <https://litportal.ru/avtory/erih-mariya-remark/read/page/1/kniga-na-zapadnom-fronte-bez-peremen-795238.html>
- <http://booksonline.com.ua/blog/erih-mariya-remark-na-zapadnom-fronte-bez-peremen/>

### НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

\*\*\*\*\*

С тех пор как мы здесь, наша прежняя жизнь резко прервалась, хотя мы со своей стороны ничего для этого не предпринимали. Порой мы пытаемся припомнить все по порядку и найти объяснение, но у нас это как-то не получается. Особенно неясно все именно нам, двадцатилетним, — Кроппу, Мюллеру, Лееру, мне, — всем тем, кого Канторек называет железной молодежью. Люди постарше крепко связаны с прошлым, у них есть почва под ногами, есть жены, дети, профессии и интересы; эти узы уже настолько

прочны, что война не может их разорвать. У нас же, двадцатилетних, есть только наши родители, да у некоторых — девушка. Это не так уж много, — ведь в нашем возрасте привязанность к родителям особенно ослабевает, а девушки еще не стоят на первом плане. А помимо этого, мы почти ничего не знали: у нас были свои мечтания, кой-какие увлечения да школа; больше мы еще ничего не успели пережить. И от этого ничего не осталось.

Канторек сказал бы, что мы стояли на самом пороге жизни. В общем это верно. Мы еще не успели пустить корни. Война нас смыла. Для других, тех, кто постарше, война — это временный перерыв, они могут ее мысленно перескочить. Нас же война подхватила и понесла, и мы не знаем, чем все это кончится. Пока что мы знаем только одно: мы огрубели, но как-то по-особенному, так что в нашем очерствении есть и тоска, хотя теперь мы даже и грустим-то не так уж часто.

...Когда мы шли в окружное военное управление, мы еще представляли собой школьный класс, двадцать юношей, и прежде чем переступить порог казармы, вся наша веселая компания отправилась бриться в парикмахерскую, причем многие делали это в первый раз. У нас не было твердых планов на будущее, лишь у очень немногих мысли о карьере и призвании приняли уже настолько определенную форму, чтобы играть какую-то практическую роль в их жизни; зато у нас было множество неясных идеалов, под влиянием которых и жизнь, и даже война представлялись нам в идеализированном, почти романтическом свете.

В течение десяти недель мы проходили военное обучение, и за это время нас успели перевоспитать более основательно, чем за десять школьных лет. Нам внушали, что начищенная пуговица важнее, чем целых четыре тома Шопенгауэра. Мы убедились — сначала с удивлением, затем с горечью и наконец с равнодушием — в том, что здесь все решает, как видно, не разум, а сапожная щетка, не мысль, а заведенный некогда распорядок, не свобода, а муштра. Мы стали солдатами по доброй воле, из энтузиазма; но здесь делалось все, чтобы выбить из нас это чувство. Через три недели нам уже не

казалось непостижимым, что почтальон с лычками унтера имеет над нами больше власти, чем наши родители, наши школьные наставники и все носители человеческой культуры от Платона до Гете, вместе взятые. Мы видели своими молодыми, зоркими глазами, что классический идеал отечества, который нам нарисовали наши учителя, пока что находил здесь реальное воплощение в столь полном отречении от своей личности, какого никто и никогда не вздумал бы потребовать даже от самого последнего слуги. Козырять, стоять навтыжку, заниматься шагистикой, брать на караул, вертеться направо и налево, щелкать каблуками, терпеть брань и тысячи придинок, — мы мыслили себе нашу задачу совсем иначе и считали, что нас готовят к подвигам, как цирковых лошадей готовят к выступлению. Впрочем, мы скоро привыкли к этому. Мы даже поняли, что кое-что из этого было действительно необходимо, зато все остальное, безусловно, только мешало. На эти вещи у солдата тонкий нюх.

\*\*\*\*\*

Мы едем к передовой на саперные работы. С наступлением темноты к баракам подъезжают грузовые автомобили. Мы влезаем в кузов. Вечер теплый, и сумерки кажутся нам огромным полотнищем, под защитой которого мы чувствуем себя спокойнее. Сумерки сближают нас; даже скуповатый Тьяден протягивает мне сигарету и дает прикурить.

Мы стоим вплотную друг к другу, локоть к локтю, сесть никто не может. Да мы и не привыкли сидеть. Мюллер впервые с давних пор в хорошем настроении: он в новых ботинках.

Моторы завывают, грузовики громяхают и лязгают. Дороги разъезжены, на каждом шагу — ухаб, и мы все время ныряем вниз, так что чуть не вылетаем из кузова. Это нас нисколько не тревожит. В самом деле, что может с нами случиться? Сломанная рука лучше, чем простреленный живот, и многие только обрадовались бы такому удобному случаю попасть домой.

Рядом с нами идут длинные колонны машин с боеприпасами. Они спешат, все время обгоняют нас. Мы окликаем сопровождающих, перебрасываемся с ними шутками.

Впереди показалась высокая каменная стена, — это ограда дома, стоящего поодаль от дороги. Вдруг я начинаю прислушиваться. Не ошибся ли я? Нет, я снова явственно слышу гоготание гусей. Я гляжу на Катчинского, он глядит на меня, мы сразу же поняли друг друга.

— Кат, я слышу, тут есть кандидат на сковородку...

Он кивает:

— Это мы провернем, Когда возвратимся. Я в курсе дела.

Ну конечно же, Кат в курсе дела. Он наверняка знает каждую гусиную ножку в радиусе двадцати километров.

Мы въезжаем в район артиллерийских позиций. Для маскировки с воздуха орудийные окопы обсажены кустами, образующими сплошные зеленые беседки, словно артиллеристы собрались встречать праздник кущей. Эти беседки имели бы совсем мирный вид, если бы под их веселыми сводами не скрывались пушки.

От орудийной гари и капелек тумана воздух становится вязким. На языке чувствуется горький привкус порохового дыма. Выстрелы грохочут так, что наш грузовик ходит ходуном, вслед за ним с ревом катится эхо, все вокруг дрожит. Наши лица незаметно изменяют свое выражение. Правда, мы едем не на передовую, а только на саперные работы, но на каждом лице сейчас написано: это полоса фронта, мы вступили в ее пределы.

Это еще не страх. Тот, кто ездил сюда так часто, как мы, становится толстокожим. Только молоденькие новобранцы взволнованы. Кат учит их:

— А это тридцатилинейка. Слышите, вот она выстрелила, сейчас будет разрыв.

Но глухой отзвук разрывов не доносится до нас. Он тонет в смутном гуле фронта. Кат прислушивается к нему:

— Сегодня ночью нам дадут прикурить.

Мы все тоже прислушиваемся. На фронте беспокойно. Кропп говорит:

— Томми, уже стреляют.

С той стороны явственно слышатся выстрелы. Это английские батареи, справа от нашего участка. Они начали обстрел на час раньше. При нас они всегда начинали ровно в десять.

— Ишь, чего выдумали, — ворчит Мюллер, — у них, видать, часы идут вперед.

— Я же вам говорю, нам дадут прикурить, у меня перед этим всегда кости ноют.

Кат втягивает голову в плечи.

Рядом с нами ухают три выстрела. Косой луч пламени прорезает туман, стволы режут и гудят. Мы поеживаемся от холода и радуемся, что завтра утром снова будем в бараках.

Наши лица не стали бледнее или краснее обычного; нет в них особенного напряжения или безразличия, но все же они сейчас не такие, как всегда. Мы чувствуем, что у нас в крови включен какой-то контакт. Это не пустые слова; это действительно так. Фронт, сознание, что ты на фронте, — вот что заставляет срабатывать этот контакт. В то мгновение, когда раздается свист первых снарядов, когда выстрелы начинают рвать воздух, — в наших жилах, в наших руках, в наших глазах вдруг появляется ощущение сосредоточенного ожидания, настороженности, обостренной чуткости, удивительной восприимчивости всех органов чувств. Все тело разом приходит в состояние полной готовности.

Мне нередко кажется, что это от воздуха: сотрясаемый взрывами, вибрирующий воздух фронта внезапно возбуждает нас своей тихой дрожью; а может быть, это сам фронт — от него исходит нечто вроде электрического тока, который мобилизует какие-то неведомые нервные окончания.

Каждый раз повторяется одно и то же: когда мы выезжаем, мы просто солдаты, порой угрюмые, порой веселые, но как только мы видим первые оружейные окопы, все, что мы говорим друг другу, звучит уже по-иному...

Вот Кат сказал: «Нам дадут прикурить». Если бы он сказал это, стоя у барачков, то это было бы просто его мнение, и только; но когда он произносит эти слова здесь, в них слышится нечто обнаженно-резкое, как холодный блеск штыка в лунную ночь; они врезаются в наши мысли, как нож в масло, становятся весомее и вызывают к тому бессознательному инстинкту, который пробуждается у нас здесь, — слова эти с их темным, грозным смыслом: «Нам дадут прикурить». Быть может, это наша жизнь содрогается в своих самых сокровенных тайниках и поднимается из глубин, чтобы постоять за себя.

Фронт представляется мне зловещим водоворотом. Еще вдалеке от его центра, в спокойных водах уже начинаешь ощущать ту силу, с которой он всасывает тебя в свою воронку, медленно, неотвратно, почти полностью парализуя всякое сопротивление.

Зато из земли, из воздуха в нас вливаются силы, нужные для того, чтобы защищаться, — особенно из земли. Ни для кого на свете земля не означает так много, как для солдата. В те минуты, когда он припадает к ней, долго и крепко сжимая ее в своих объятиях, когда под огнем страх смерти заставляет его глубоко зарываться в нее лицом и всем своим телом, она его единственный друг, его брат, его мать. Ей, безмолвной надежной заступнице, стоном и криком поверяет он свой страх и свою боль, и она принимает их и снова отпускает его на десять секунд, — десять секунд перебежки, еще десять секунд жизни, — и опять подхватывает его, чтобы укрыть, порой навсегда.

Земля, земля, земля!..

Земля! У тебя есть складки, и впадины, и ложбинки, в которые можно залечь с разбега и можно забиться как крот! Земля! Когда мы корчились в предсмертной тоске, под всплесками несущего уничтожение огня, под леденящий душу вой взрывов, ты вновь дарила нам жизнь, вливала ее в нас могучей встречной струей! Смятение обезумевших живых существ, которых чуть было не разорвало на клочки, передавалось тебе, и мы чувствовали в наших руках твои ответные токи и вцеплялись еще крепче в тебя пальцами,

и, безмолвно, боязливо радуясь еще одной пережитой минуте, впивались в тебя губами!

Грохот первых разрывов одним взмахом переносит какую-то частичку нашего бытия на тысячи лет назад. В нас просыпается инстинкт зверя, — это он руководит нашими действиями и охраняет нас. В нем нет осознанности, он действует гораздо быстрее, гораздо увереннее, гораздо безошибочнее, чем сознание. Этого нельзя объяснить. Ты идешь и ни о чем не думаешь, как вдруг ты уже лежишь в ямке, и где-то позади тебя дождем рассыпаются осколки, а между тем ты не помнишь, чтобы слышал звук приближающегося снаряда или хотя бы подумал о том, что тебе надо залечь. Если бы ты полагался только на свой слух, от тебя давно бы ничего не оста — лось, кроме разбросанных во все стороны кусков мяса. Нет, это было другое, то, похожее на ясновидение, чутье, которое есть у всех нас; это оно вдруг заставляет солдата падать ничком и спасает его от смерти, хотя он и не знает, как это происходит. Если бы не это чутье, от Фландрии до Вогезов давно бы уже не было ни одного живого человека.

Когда мы выезжаем, мы просто солдаты, порой угрюмые, порой веселые, но как только мы добираемся до полосы, где начинается фронт, мы становимся полулюдьми-полуживотными.

\*\*\*\*\*

Английская артиллерия получила подкрепления, это мы слышим сразу же. Справа от фермы стоят по крайней мере четыре новые батареи двадцатилинеек, не считая старых, а за искалеченным тополем установлены минометы. Кроме того, сюда перебросили изрядное количество этих французских игрушек, что стреляют снарядами с ударными взрывателями.

Настроение у нас подавленное. Через два часа после того, как мы спустились в блиндажи, наши окопы обстреляла своя же артиллерия. Это уже третий случай за последний месяц. Пусть бы они еще ошибались в наводке, тогда никто бы им ничего не сказал, но это ведь все оттого, что стволы у



орудий слишком разношены; рассеивание такое большое, что зачастую снаряды ложатся как попало и даже залетают на наш участок. Из-за этого сегодня ночью у нас было двое раненых.

Фронт — это клетка, и тому, кто в нее попал, приходится, напрягая нервы, ждать, что с ним будет дальше. Мы сидим за решеткой, прутья которой — траектории снарядов; мы живем в напряженном ожидании неведомого. Мы отданы во власть случая. Когда на меня летит снаряд, я могу пригнуться, — и это все; я не могу знать, куда он ударит, и никак не могу воздействовать на него.

Именно эта зависимость от случая и делает нас такими равнодушными. Несколько месяцев тому назад я сидел в блиндаже и играл в скат; через некоторое время я встал и пошел навестить своих знакомых в другом блиндаже. Когда я вернулся, от первого блиндажа почти ничего не осталось: тяжелый снаряд разбил его всмятку. Я опять пошел во второй и подоспел как раз вовремя, чтобы помочь его откапывать, — за это время его успело засыпать.

Меня могут убить, — это дело случая. Но то, что я остаюсь в живых, это опять-таки дело случая. Я могу погибнуть в надежно укрепленном блиндаже, раздавленный его стенами, и могу остаться невредимым, пролежав десять часов в чистом поле под шквальным огнем. Каждый солдат остается в живых лишь благодаря тысяче разных случаев. И каждый солдат верит в случай и полагается на него.

Нам надо присматривать за своим хлебом. За последнее время, с тех пор как в окопах больше не поддерживается порядок, у нас расплодились крысы. По словам Детеринга, это самый верный признак того, что скоро мы хлебом горя.

Здесь крысы как-то особенно противны, уж очень они большие. Они из той породы, которую называют трупными крысами. У них омерзительные, злющие, безусые морды, и уже один вид их длинных, голых хвостов вызывает тошноту.

Их, как видно, мучит голод. Почти у каждого из нас они обглодали его порцию хлеба. Кропп крепко завязал свой хлеб в плащ-палатку и положил его под голову, но все равно не может спать, так как крысы бегают по его лицу, стараясь добраться до хлеба. Детеринг решил схитрить: он прицепил к потолку кусок тонкой проволоки и повесил на нее узелок с хлебом. Однажды ночью он включил свой карманный фонарик и увидел, что проволока раскачивается. Верхом на узелке сидела жирная крыса.

В конце концов мы решаем разделаться с ними. Мы аккуратно вырезаем обглоданные места; выбросить хлеб мы никак не можем, иначе завтра нам самим будет нечего есть.

Вырезанные куски мы складываем на пол в самой середине блиндажа. Каждый достает свою лопату и ложится, держа ее наготове. Детеринг, Кропп и Кат приготовились включить свои карманные фонарики.

Уже через несколько минут мы слышим шорохи и возню. Шорохи становятся громче, теперь уже можно различить царапанье множества крысиных лапок. Вспыхивают фонарики, и все дружно бьют лопатами по черному клубку, который с писком распадается. Результаты неплохие. Мы выгребаем из блиндажа искромсанные крысиные трупы и снова устраиваем засаду.

Нам еще несколько раз удается устроить это побоище. Затем крысы замечают что-то неладное, а может быть, они учуяли кровь. Больше они не появляются. Но остатки хлеба на полу на следующий день исчезают: они их все-таки растащили.

На соседнем участке они напали на двух больших кошек и собаку, искусали их до смерти и объели их трупы.

На следующий день нам выдают сыр. Каждый получает почти по четверти головки. С одной стороны это хорошо, потому что сыр — вкусная штука, но с другой стороны это плохо, так как до сих пор эти большие красные шары всегда были признаком того, что нам предстоит попасть в переплет. После того как нам выдали еще и водку, у нас стало еще больше

оснований ждать беды. Выпить-то мы ее выпили, но все-таки при этом нам было не по себе.

Весь день мы соревнуемся в стрельбе по крысам и слоняемся как неприкаянные. Нам пополняют запасы патронов и ручных гранат. Штыки мы осматриваем сами. Дело в том, что у некоторых штыков на спинке лезвия есть зубья, как у пилы. Если кто-нибудь из наших попадет на той стороне с такой штуковиной, ему не миновать расправы. На соседнем участке были обнаружены трупы наших солдат, которых недосчитались после боя; им отрезали этой пилой уши и выкололи глаза. Затем им набили опилками рот и нос, так что они задохнулись.

У некоторых новобранцев есть еще штыки этого образца; эти штыки мы у них отбираем и достаем для них другие.

Впрочем, штык во многом утратил свое значение. Теперь пошла новая мода ходить в атаку: некоторые берут с собой только ручные гранаты и лопату. Отточенная лопата — более легкое и универсальное оружие, ею можно не только тыкать снизу, под подбородок, ею прежде всего можно рубить наотмашь. Удар получается более увесистый, особенно если нанести его сбоку, под углом, между плечом и шеей; тогда легко можно рассечь человека до самой груди. Когда колешь штыком, он часто застревает; чтобы его вытащить, нужно с силой упереться ногой в живот противника, а тем временем тебя самого свободно могут угостить штыком. К тому же он иногда еще и обламывается.

Ночью на наши окопы пускают газ. Мы ждем атаки и, приготовившись отбить ее, лежим в противогазах, готовые сбросить их, как только перед нами вынырнет силуэт первого солдата.

Но вот уже начинает светать, а у нас все по-прежнему спокойно. Только с тыловых дорог по ту сторону фронта все еще доносится этот изматывающий нервы гул. Поезда, поезда, машины, машины, — куда только стягивают все это? Наша артиллерия все время бьет в том направлении, но гул не смолкает, он все еще не смолкает...

\*\*\*\*\*

Шквальный огонь. Заградительный огонь. Огневые завесы. Мины. Газы. Танки. Пулеметы. Ручные гранаты. Все это слова, слова, но за ними стоят все ужасы, которые переживает человечество.

Наши лица покрылись коростой, в наших мыслях царит хаос, мы смертельно устали; когда начинается атака, многих приходится бить кулаком, чтобы заставить их проснуться и пойти вместе со всеми; глаза воспалены, руки расцарапаны, колени стерты в кровь, локти разбиты.

Сколько времени прошло? Что это — недели, месяцы, годы? Это всего лишь дни. Время уходит, — мы видим это, глядя в бледные, бескровные лица умирающих; мы закладываем в себя пищу, бегаем, швыряем гранаты, стреляем, убиваем, лежим на земле; мы обессилели и отупели, и нас поддерживает только мысль о том, что вокруг есть еще более слабые, еще более отупевшие, еще более беспомощные, которые, широко раскрыв глаза, смотрят на нас, как на богов, потому что нам иногда удается избежать смерти.

В те немногие часы, когда на фронте спокойно, мы обучаем их: «Смотри, видишь дрыгалку? Это мина, она летит сюда! Лежи спокойно, она упадет вон там, дальше. А вот если она идет так, тогда драпай! От нее можно убежать».

Мы учили их улавливать жужжание мелких калибров, этих коварных шутоквин, которых почти не слышно; новобранцы должны так изощрить свой слух, чтобы распознавать среди грохота этот комариный писк. Мы внушаем им, что эти снаряды опаснее крупнокалиберных, которые можно услышать издалека. Мы показываем им, как надо укрываться от аэропланов, как притвориться убитым, когда противник ворвался в твой окоп, как надо взводить ручные гранаты, чтобы они разрывались за секунду до падения. Мы учим новобранцев падать с быстротой молнии в воронку, спасаясь от снарядов ударного действия, мы показываем, как можно связкой гранат разворотить окоп, мы объясняем разницу в скорости горения запала у наших

гранат и у гранат противника. Мы обращаем их внимание на то, какой звук издают химические снаряды, и обучаем их всем уловкам, с помощью которых они могут спастись от смерти.

Они слушают наши объяснения, они вообще послушные ребята, но когда дело доходит до боя, они волнуются и от волнения почти всегда делают как раз не то, что нужно.

Хайе Вестхуса выносят из-под огня с разорванной спиной; при каждом вдохе видно, как в глубине раны работают легкие. Я еще успеваю проститься с ним...

— Все кончено, Пауль, — со стоном говорит он и кусает себе руки от боли.

Мы видим людей, которые еще живы, хотя у них нет головы; мы видим солдат, которые бегут, хотя у них срезаны обе ступни; они ковыляют на своих обрубках с торчащими осколками костей до ближайшей воронки; один ефрейтор ползет два километра на руках, волоча за собой перебитые ноги; другой идет на перевязочный пункт, прижимая руками к животу расплзающиеся кишки; мы видим людей без губ, без нижней челюсти, без лица; мы подбираем солдата, который в течение двух часов прижимал зубами артерию на своей руке, чтобы не истечь кровью; восходит солнце, приходит ночь, снаряды свистят, жизнь кончена.

Зато нам удалось удержать изрытый клочок земли, который мы обороняли против превосходящих сил противника; мы отдали лишь несколько сот метров. Но на каждый метр приходится один убитый.

\*\*\*\*\*

Что такое отпуск? Ожидание на распутье, после которого все станет только труднее. Уже сейчас разлука вторгается в него. Мать молча смотрит на меня. Я знаю, она считает дни. По утрам она всегда грустна. Вот и еще одним днем меньше стало. Она прибрала мой ранец, — ей не хочется, чтобы он напоминал ей об этом.

За размышлениями часы убегают быстро. Я стряхиваю свою задумчивость и иду проводить сестру. Она собралась на бойню, чтобы получить несколько фунтов костей. Это большая льгота, и люди встают в очередь уже с раннего утра. Некоторым становится дурно.

Нам не повезло. Сменяя друг друга, мы ждем три часа, после чего очередь расходится, — костей больше нет.

Хорошо, что мне выдают мой паек. Я приношу его матери, и таким образом мы все питаемся немножко получше.

Дни становятся все тягостней, глаза матери — все печальней. Еще четыре дня. Мне надо сходить к матери Кеммериха.

Этого не опишешь. Где слова, чтобы рассказать об этой дрожащей, рыдающей женщине, которая трясет меня за плечи и кричит: «Если он умер, почему же ты остался в живых!», которая изливает на меня потоки слез и причитает: «И зачем вас только посылают туда, ведь вы еще дети...», которая падает на стул и плачет: «Ты его видел? Ты еще успел повидать его? Как он умирал?»

Я говорю ей, что он был ранен в сердце и сразу же умер. Она смотрит на меня, ей не верится.

— Ты лжешь. Я все знаю. Я чувствовала, как тяжело он умирал. Я слышала его голос, по ночам мне передавался его страх. Скажи мне всю правду, я хочу знать, я должна знать.

— Нет, — говорю я, — я был рядом с ним. Он умер сразу же.

Она тихо просит меня:

— Скажи. Ты должен сказать. Я знаю, ты хочешь меня утешить, но разве ты не видишь, что ты меня только еще больше мучаешь? Уж лучше скажи правду. Я не в силах оставаться в неведении, скажи, как было дело, пусть это даже будет очень страшно. Это все же лучше, чем то, что мне кажется сейчас.

Я никогда не скажу ей этого, хоть разруби меня на мелкие кусочки. Мне ее жалко, но в то же время она кажется мне немного глупой. И чего она только добивается, — ведь будет она это знать или нет, Кеммериха все равно

не воскресишь. Когда человек перевидал столько смертей, ему уже нелегко понять, как можно так горевать об одном. Поэтому я говорю с некоторым нетерпением:

— Он умер сразу же. Он даже ничего и не почувствовал. Лицо у него было совсем спокойное.

Она молчит. Затем с расстановкой спрашивает:

— Ты можешь поклясться?

— Да.

— Всем, что тебе свято? О господи, ну что мне сейчас свято? У нашего брата это понятие растяжимое.

— Да, он умер тотчас же.

— Повторяй за мной: «И если это неправда, пусть я сам не вернусь домой».

— Пусть я сам не вернусь домой, если он умер не сразу же.

Я бы ей еще и не таких клятв надавал. Но, кажется, она мне поверила. Она долго стонет и плачет. Потом она просит меня рассказать, как было дело, и я сочиняю историю, в которую теперь и сам почти что верю.

Когда я собираюсь уходить, она целует меня и дарит мне его карточку. Он снят в своем мундире новобранца и стоит, прислонившись спиной к круглому столу с ножками из березовых поленьев, с которых не снята кора. На заднем плане — декоративный лес. На столе стоит кружка пива.

\*\*\*\*\*

Этажом ниже лежат раненные в живот, в позвоночник, в голову и с ампутацией обеих рук или ног. В правом крыле — люди с раздробленными челюстями, отравленные газом, раненные в нос, уши и глотку. Левое крыло отведено слепым и раненым в легкие, в таз, в суставы, в почки, в мошонку, в желудок. Лишь здесь видишь наглядно, насколько уязвимо человеческое тело.

Двое раненых умирают от столбняка. Их кожа становится серой, тело цепенеет, под конец жизнь теплится, — еще очень долго, — в одних только глазах. У некоторых перебитая рука или нога подвязана на шнурке и висит в воздухе, словно вздернутая на виселице. У других к спинке кровати приделаны растяжки с тяжелыми гирями на конце, которые держат заживающую руку или ногу в напряженном положении. Я вижу людей с распоротыми кишками, в которых постоянно скапливается кал. Писарь показывает мне рентгеновские снимки бедренных, коленных и плечевых суставов, раздробленных на мелкие осколки.

Кажется непостижимым, что к этим изодранным в клочья телам приставлены человеческие лица, еще живущие обычной, повседневной жизнью. А ведь это только один лазарет, только одно его отделение! Их сотни тысяч в Германии, сотни тысяч во Франции, сотни тысяч в России. Как же бессмысленно все то, что написано, сделано и передумано людьми, если на свете возможны такие вещи! До какой же степени лжива и никчемна наша тысячелетняя цивилизация, если она даже не смогла предотвратить эти потоки крови, если она допустила, чтобы на свете существовали сотни тысяч таких вот застенков. Лишь в лазарете видишь воочию, что такое война.

Я молод — мне двадцать лет, но все, что я видел в жизни, — это отчаяние, смерть, страх и сплетение нелепейшего бездумного прозябания с безмерными муками. Я вижу, что кто-то натравливает один народ на другой и люди убивают друг друга, в безумном ослеплении покоряясь чужой воле, не ведая, что творят, не зная за собой вины. Я вижу, что лучшие умы человечества изобретают оружие, чтобы продлить этот кошмар, и находят слова, чтобы еще более утонченно оправдать его. И вместе со мной это видят все люди моего возраста, у нас и у них, во всем мире, это переживает все наше поколение. Что скажут наши отцы, если мы когда-нибудь поднимемся из могил и предстанем перед ними и потребуем отчета? Чего им ждать от нас, если мы доживем до того дня, когда не будет войны? Долгие годы мы занимались тем, что убивали. Это было нашим призванием, первым



призванием в нашей жизни. Все, что мы знаем о жизни, — это смерть. Что же будет потом? И что случится с нами?

\*\*\*\*\*

Осень. Нас, старичков, осталось уже немного. Из моих одноклассников, — а их было семеро, — я здесь последний.

Все говорят о мире и о перемирии. Все ждут. Если это снова кончится разочарованием, они будут сломлены, — слишком уж ярко разгорелись надежды, их теперь нельзя притушить, не вызвав взрыва. Если не будет мира, будет революция.

Две недели я отдыхаю, — я хлебнул немного газа. Целый день я сижу на солнышке в небольшом садике. Перемирие скоро будет заключено, теперь я тоже верю в это. И тогда мы поедem домой.

На этом моя мысль приостанавливается, и я никак не могу сдвинуть ее с места. Что влечет меня туда с такой неотразимой силой, что меня там ожидает? Жажда жизни, тоска по дому, голос крови, пьянящее ощущение свободы и безопасности. Но все это только чувства. Это не цели.

Если бы мы вернулись домой в 1916 году, не утихшая боль пережитого и неостывший накал наших впечатлений вызвали бы в мире бурю. Теперь мы вернемся усталыми, в разладе с собой, опустошенными, вырванными из почвы и растерявшими надежды. Мы уже не сможем прижиться.

Да нас и не поймут, — ведь перед нами есть старшее поколение, которое, хотя оно провело вместе с нами все эти годы на фронте, уже имело свой семейный очаг и профессию и теперь снова займет свое место в обществе и забудет о войне, а за ними подрастает поколение, напоминающее нас, какими мы были раньше; и для него мы будем чужими, оно столкнет нас с пути. Мы не нужны самим себе, мы будем жить и стариться, — одни приспособятся, другие покорятся судьбе, а многие не найдут себе места. Протекут годы, и мы сойдем со сцены.

А может, все, о чем я сейчас думаю, просто навеяно тоской и смятением, которые разлетятся во прах, лишь только я вновь приду под тополи, чтобы послушать шелест их листвы. Не может быть, чтобы все это ушло навсегда, — теплое, нежное дыхание жизни, волновавшее нам кровь, неведомое, томящее, надвигающееся, тысячи новых лиц в будущем, мелодии снов и книг, упоительное предчувствие сближения с женщиной. Не может быть, чтобы все это сгнуло под ураганным огнем, в муках отчаяния и в солдатских борделях.

Деревья здесь сверкают всеми красками и отливают золотом, в листве рдеют алые кисти рябины, белые проселки бегут к горизонту, а в солдатских столовых шумно, как в улье, от разговоров о мире.

Я встаю. Я очень спокоен. Пусть приходят месяцы и годы, — они уже ничего у меня не отнимут, они уже ничего не смогут у меня отнять. Я так одинок и так разучился ожидать чего-либо от жизни, что могу без боязни смотреть им навстречу. Жизнь, пронесшая меня сквозь эти годы, еще живет в моих руках и глазах. Я не знаю, преодолел ли я то, что мне довелось пережить. Но пока я жив, жизнь проложит себе путь, хочет того или не хочет это нечто, живущее во мне и называемое «я».

Он был убит в октябре 1918 года, в один из тех дней, когда на всем фронте было так тихо и спокойно, что военные сводки состояли из одной только фразы: «На Западном фронте без перемен».

Он упал лицом вперед и лежал в позе спящего. Когда его перевернули, стало видно, что он, должно быть, недолго мучился, — на лице у него было такое спокойное выражение, словно он был даже доволен тем, что все кончилось именно так.

## ЖАНР АНТИУТОПИИ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Литературный жанр антиутопии стал своеобразной летописью глобальной трагедии XX века – формирования идеологий, способных подчинить человечество законам антигуманных политических режимов. Этот жанр можем воспринимать как предупреждение об опасности деградации общества, в котором граждане не способны самостоятельно мыслить, брать на себя ответственность, принимать активное участие в жизни государства, а значит в итоге не способны противостоять давлению тоталитарных систем.

**Тоталитаризм** (от лат. *totalis* – весь, целый, полный) – политический режим, подразумевающий полнейший (*тотальный*) контроль государства над всеми аспектами общественной и частной жизни

Антиутопические общества описаны во многих художественных произведениях, действие которых зачастую происходит в будущем. При этом главный акцент писатели делают на анализе механизмов подавления личности в условиях жесткого государственного контроля, на изображении процесса дегуманизации, приводящего к уничтожению человеческих прав и свобод.

В литературоведческом контексте антиутопия противопоставляется жанру утопии. Первоначально история утопии тесно переплеталась с легендами о «золотом веке», а также с различными теологическими и этическими концепциями о прекрасном идеальном мире. Затем, во времена античности и в эпоху Возрождения, она приняла форму описания совершенных обществ, которые якобы существовали где-то на земле в прошлом. Сам термин «утопия» появился благодаря английскому писателю и общественному деятелю XVI века Томасу Мору. «Утопией», что в переводе означает «место, которого нигде нет», он назвал книгу, повествующую о

государстве будущего, где все построено по законам разума, где люди равны в работе, в отдыхе, в быту; где все подчинено строгому расписанию и неукоснительному соблюдению дисциплины. Позже, в XVII-XVIII веках большое распространение получили различные утопические проекты социальных и политических реформ.

С момента своего возникновения жанр утопии был представлен научными и публицистическими трактатами, например: Платон «Государство», Т. Мор «Утопия», Т. Кампанелла «Город Солнца», Ф. Бэкон «Новая Атлантида», Дж. Уинстенли «Закон свободы», Дж. Харрингтон «Океания», В. Гудвин «Исследование о политической справедливости». И только лишь в XVIII веке утопия стала частью художественной литературы. Примером могут служить романы Д. Дефо «Робинзон Крузо», Л.-С. Мерсье «2240», Дж. Свифта «Путешествия Гулливера», В. Морриса «Весть ниоткуда» и другие. В этот период утопия продолжала оставаться абстрактной моделью идеального общества, где человек и государство пребывают в полной гармонии.

Ситуация существенно изменилась тогда, когда возник вопрос о возможности осуществить ту или иную утопическую теорию на практике. В 20-40-х годах XX века в разных странах начали формироваться идеологии, якобы призванные улучшить жизнь отдельно взятых народов. Они были весьма привлекательны, но в то же время таили скрытые угрозы, предупредить о которых попытались некоторые писатели-фантасты. Так появился жанр антиутопии.

Причины поворота от утопии к антиутопии прежде всего обусловлены сложностью, динамикой и драматизмом развития XX века, насыщенного масштабными потрясениями. Речь идет об экономических кризисах, революциях, о мировых, гражданских и колониальных войнах, о возникновении антигуманных идеологических концепций, о противоречивых последствиях научно-технического прогресса. В итоге если утопия представляла собой позитивную модель социальной системы, то антиутопия

ставила перед собой задачу отрицания предлагаемых вариантов идеализированного будущего.

**Антиутопия** (от греческого «anti» – против и «utopos» – место, которого нигде не существует) – направление в художественной литературе, в узком смысле описание тоталитарного государства или общества, в широком смысле описание любого общества, в котором возобладали негативные тенденции развития. Термин «антиутопия» как название литературного жанра ввели Гленн Негли и Макс Патрик. Антиутопией называется изображение вымышленного мира, которого никогда не должно существовать. Весь антиутопический мир построен на логике, и человек уже не является личностью, он превращается в социальную единицу. На самом деле в антиутопических произведениях просто не может существовать личности, ведь так называемое человеческое «Я» уничтожается, а вместо этого появляется «Мы». Люди не имеют права высказывать собственное мнение, они подчиняются некоему ритуалу и играют в нем определенную роль. Там, где царит ритуал, невозможно какое-либо свободное движение мысли, напротив, ее движение полностью запрограммировано. Сюжетный конфликт возникает там, где человек отказывается от своей роли в ритуале и предпочитает собственный путь. Внутреннюю атмосферу антиутопии составляет страх главного героя не соответствовать правилам того общества, в котором он живет, боязнь быть не таким как все и в то же время непреодолимое желание этот страх преодолеть. Можно сказать, что антиутопия является попыткой человека заглянуть в будущее, предсказать, что может случиться с обществом при запрограммированном развитии событий.

Наиболее яркими представителями антиутопической литературы в первой половине XX века являются Е. Замятин (роман «Мы»), В. Винниченко (роман «Солнечная машина»), А. Платонов (роман «Котлован»), О. Хаксли (роман «Этот удивительный мир»), Дж. Оруэлл (роман «1984», повесть «Скотный двор») и др.

В целом следует отметить, что антиутопия в литературе XX века – это критическое художественное изображение государственных систем, которые противоречат принципам подлинного гуманизма. В антиутопии выражен протест против насилия, против абсурдных общественных порядков, против тоталитарных политических режимов и бесправного положения личности. Авторы антиутопий, опираясь на анализ реальных общественных процессов, с помощью фантастики пытались предупредить человечество об опасных последствиях многих популярных идеологий и тем самым уберечь мировое сообщество от непоправимых ошибок.

### ЗАДАНИЕ

1. Заполните сравнительную таблицу, указав характерные особенности жанров утопии и антиутопии.
2. Определите главную задачу произведений, созданных в жанре антиутопии

Характерные особенности	Утопия	Антиутопия
Место действия		
Время действия		
Пафос произведения		
Идея, утверждающаяся в произведении		
Цель создания произведения		

## **ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ** **(1903-1950)**

Джордж Оруэлл (настоящее имя – Эрик Артур Блэр) – английский писатель и публицист. Наиболее известен как автор антиутопического культового романа «1984» и повести «Скотный двор».

Эрик Артур Блэр родился 25 июня 1903 года в Мотихари (Индия) в семье британского торгового агента, обучался в школе св. Киприана, в 1917 году получил именную стипендию и до 1921 года посещал Итонский колледж. С 1922 по 1927 год служил в колониальной полиции в Бирме, затем долго жил в Великобритании и Европе, перебиваясь случайными заработками; тогда же начал писать художественную прозу и публицистику. С 1935 года публиковался под псевдонимом Джордж Оруэлл.

Был участником гражданской войны в Испании 1936-1939 годов. Свои впечатления от военных действий изложил в книге «Памяти Каталонии» (1938) и очерке «Вспоминая войну в Испании» (1943, полностью опубликован в 1953). В целом Джордж Оруэлл является автором множества эссе и статей социально-критического и культурологического характера.

Во время Второй мировой войны писатель вел антифашистскую программу на Би-би-си. В послевоенный период, незадолго до смерти, сотрудничал с Департаментом информационных исследований британского министерства иностранных дел.

В своей широко известной повести «Скотный двор» (1945) Джордж Оруэлл показал перерождение на первый взгляд прогрессивных коммунистических принципов и программ. Это произведение воспринимается как притча, аллегория на революцию 1917 года и последующие события в России. Роман-антиутопия «1984» (1949) стал идейным продолжением «Скотного двора». В нем Оруэлл изобразил возможное будущее мировое общество как тоталитарный иерархический строй, основанный на изошрённом физическом и духовном порабощении,

пронизанный всеобщим страхом и ненавистью. В этой книге впервые прозвучали получившее политическую окраску выражение «Большой брат следит за тобой» («Старший брат смотрит на тебя»), а также ставшие широко известными термины «двоемыслие», «мыслепреступление», «новояз», «правоверность».

Умер Джордж Оруэлл 21 января 1950 года.

## ЗАДАНИЕ

1. Подготовьте устное сообщение о творчестве английского писателя Джорджа Оруэлла.
2. Прочитайте повесть Дж. Оруэлла «Скотный двор»  
*Ссылки на электронную версию книги:*
  - [http://orwell.ru/library/novels/Animal\\_Farm/russian/rsd\\_ip](http://orwell.ru/library/novels/Animal_Farm/russian/rsd_ip)
  - [http://www.lib.ru/ORWELL/animalfarm.txt\\_with-big-pictures.html](http://www.lib.ru/ORWELL/animalfarm.txt_with-big-pictures.html)
  - <https://lib.misto.kiev.ua/ORWELL/animalfarm.dhtml>
3. Подготовьтесь к аудиторному обсуждению отрывков из повести «Скотный двор», составив карту памяти к каждому из них.

## СКОТНЫЙ ДВОР

\*\*\*\*\*

Мистер Джонс с фермы «Усадьба» закрыл на ночь курятник, но он был так пьян, что забыл заткнуть дыры в стене. Ткнув ногой заднюю дверь, он проковылял через двор, не в силах выбраться из круга света от фонаря, пляшущего в его руке, нацедил себе последний стаканчик пива из бочонка на кухне и отправился в постель, где уже похрапывала миссис Джонс.

Как только в спальне погас свет, на ферме началось беспокойное движение. Весь день ходили слухи, что старый майор, призовой боров из Миддлуайта, прошлой ночью видел странный сон и хотел бы поведать о нем остальным животным. Все договорились встретиться в большом амбаре, как



только мистер Джонс окончательно скроется из глаз. Старый майор (так его всегда звали, хотя имя, под которым его представляли на выставках, звучало как «Краса Уиллингдона»), пользовался на ферме таким уважением, что все безоговорочно согласились.

Майор уже ждал, как обычно, уютно расположившись на своей соломенной подстилке на возвышении в конце амбара, под фонарем, подвешенным к балке. Ему было уже двенадцать лет, и в последнее время он раздавался скорее в ширину, но тем не менее продолжал оставаться все тем же благородным боровом, в глазах которого светилась мудрость и доброжелательность, несмотря на устрашающие клыки. Пока все животные собрались и устроились каждый по своему вкусу, прошло довольно много времени. Первыми пришли три пса — Блюбелл, Джесси и Пинчер, а за ними свиньи, которые сразу же расположились на соломе перед возвышением. Куры разместились на подоконниках, голуби толкаясь, расселись на стропилах, а овцы и коровы прилегли сразу же за свиньями и принялись за свою жвачку. Вместе пришли упряжные лошади Боксер и Кlover. Они двигались медленно и осторожно, стараясь, чтобы их широкие волосатые копыта занимали как можно меньше места. Кlover была рослая кобыла средних лет, окончательно расплывшаяся после рождения четвертого жеребца. Внешность Боксера вызывала невольное уважение — высотой в холке более 6 футов, он был так силен, как две обыкновенные лошади вместе взятые. Белая полоса, пересекавшая его физиономию, придавала ему довольно глупый вид, да он и в самом деле не блистал интеллектом, но пользовался всеобщим расположением за ровный характер и удивительное трудолюбие. После лошадей явилась Мюриель, белая коза и осел Бенджамин. На ферме он жил дольше всех и отличался препротивным характером. Говорил он редко, но и в этих случаях обычно изрекал какое-нибудь циничное замечание — например, он как-то обмолвился, что господь бог наделил его хвостом, чтобы отмахиваться от оводов, но он предпочел бы обходиться и без оводов и без хвоста. Единственный среди всех животных,

на ферме он никогда не смеялся. На вопрос о причинах такой мрачности он отвечал, что не видит поводов для смеха. Тем не менее, он был привязан к Боксеру; как правило, они проводили воскресные дни бок о бок в небольшом загончике рядом с садом, пощипывая травку.

Едва только Боксер и Кlover прилегли, как в амбар ворвался выводок утят, потерявших мать; взволнованно крикая, они стали метаться из стороны в сторону в поисках безопасного места, где бы их никто ненароком не придавил. Обнаружив, что вытянутые передние ноги Кlover представляют собой нечто вроде защитной стенки, утята попрыгали в это убежище и сразу же погрузились в сон. Наконец в амбар, хрустя куском сахара, кокетливо вошла Молли, глупая, но красивая белая кобылка, которая таскала двуколку мистера Джонса. Она заняла место в первых рядах и сразу же начала игриво помахивать белой гривой в надежде привлечь внимание к вплетенным в нее красным ленточкам. И последней явилась кошка, которая, как обычно, огляделась в поисках самого теплого местечка и наконец скользнула между Боксером и Кlover; здесь она беспристанно возилась и мурлыкала во время речи майора, не услышав из нее ни единого слова.

Кроме Мозуса, ручного ворона, который дремал на шесте около задней двери, теперь все животные были в сборе. Предложив всем устраиваться поудобнее и дождавшись тишины, майор прочистил горло и начал:

— Товарищи, все вы уже слышали, что прошлой ночью мне привиделся странный сон. Но к нему я вернусь позже. Первым делом я должен вам сказать вот о чем. Не думаю, что я проведу с вами еще много месяцев, и чувствую, что перед смертью я должен поделиться с вами приобретенной мудростью. Я прожил долгую жизнь, у меня было достаточно времени для размышлений, когда я лежал один в своем загоне и, думаю, могу утверждать, что понимаю смысл жизни лучше, чем кто-либо из моих современников. Вот об этом я и хотел бы вам поведать.

Итак, друзья, в чем смысл нашего с вами бытия? Давайте посмотрим правде в лицо: краткие дни нашей жизни проходят в унижении и тяжком

труде. С той минуты, как мы появляемся на свет, нам дают есть ровно столько, чтобы в нас не угасла жизнь, и те, кто обладает достаточной силой, вынуждены работать до последнего вздоха; и, как обычно, когда мы становимся никому не нужны, нас с чудовищной жестокостью отправляют на бойню. Ни одно животное в Англии после того, как ему минет год, не знает, что такое счастье или хотя бы заслуженный отдых. Ни одно животное в Англии не знает, что такое свобода. Жизнь наша — нищета и рабство. Такова истина.

Но таков ли истинный порядок вещей? Происходит ли это от того, что наша земля бедна и не может прокормить тех, кто обитает на ней и возделывает ее? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Климат в Англии мягкий, земля плодородна, и она в состоянии досыта накормить гораздо большее количество животных, чем ныне обитают на ней. Такая ферма, как наша, способна содержать дюжину лошадей, двадцать коров, сотню овец — и жизнь их будет полна такого комфорта, такого чувства собственного достоинства, о которых мы сейчас не можем даже и мечтать. Но почему же мы продолжаем жить в столь жалких условиях? Потому что почти все, что мы производим своим трудом на свет, уворовывается людьми. Вот, товарищи, в чем кроется ответ на все наши вопросы. Он заключается в одном-единственном слове — человек. Вот кто наш единственный подлинный враг — человек. Уберите со сцены человека, и навсегда исчезнет причина голода и непосильного труда.

Человек — единственное существо, которое потребляет, ничего не производя. Он не дает молока, он не несет яиц, он слишком слаб для того, чтобы таскать плуг, он слишком медлителен для того, чтобы ловить кроликов. И все же он верховный владыка над всеми животными. Он гонит их на работу, он отсыпает им на прокорм ровно столько, чтобы они не мучились от голода — все же остальное остается в его владении. Наш труд возделывает почву, наш навоз удобряет ее, — и все же у каждого из нас есть всего лишь его шкура. Вот вы, коровы, лежащие сейчас передо мной, —

сколько тысяч галлонов молока вы уже дали за прошлый год? И что стало с этим молоком, которым вы могли бы вспоить крепких телят? Все оно, до последней капли, было поглощено глотками наших врагов. А вы, куры, сколько яиц вы снесли в этом году и сколько взрастили цыплят? А остальные были отправлены на рынок, чтобы в карманах у Джонса и иже с ними звенели денежки. Скажи и ты, Кlover, где твои четверо жеребят, которых ты выносила и родила в страданиях, жеребят, что должны были стать тебе опорой и утехой на старости лет? Все они были проданы еще в годовалом возрасте — и никого из них тебе не доведется увидеть вновь и после того, как ты четырежды мучилась в родовых муках, после того, как ты поднимала под пашню поля — что у тебя есть, кроме горсти овса и старого стойла?

Но даже наша жалкая жизнь не может кончиться естественным путем. Я не говорю о себе, потому что мне повезло. Я дожил до двенадцати лет и произвел на свет более четырехсот детей. Для свиньи я прожил достойную жизнь. Но ни одно животное не может избежать в конце жизни безжалостного ножа. Вот вы, юные поросята, что сидят передо мной, — все вы до одного, не пройдет и года, кончите свою жизнь в той загородке. И эта ужасная судьба ждет всех — коров, свиней, кур, овец, всех до единого. Даже лошадям и собакам достается не лучшая доля. Придет тот далекий день, когда могучие мускулы откажутся тебе служить, Боксер, и Джонс отправит тебя к живодеру, который перережет тебе горло и сделает из тебя собачью похлебку. Что же касается собак, то когда они состарятся и у них выпадут зубы, Джонс привяжет им на шею кирпич и пинком ноги швырнет в ближайший пруд.

И разве не стало теперь предельно ясно, товарищи, что источник того зла, которым пронизана вся наша жизнь, — это тирания человечества? Стоит лишь избавиться от человека, и плоды трудов наших перейдут в нашу собственность! И уже этим вечером может загореться заря нашей свободы, которая сделает нас богатыми и независимыми. Что нам предстоит делать для этого? Работать день и ночь, отдавая и тело и душу для избавления от

тирании человека! И я призываю вас, товарищи, — восстание! Я не знаю, когда оно вспыхнет, через неделю или через сто лет, но столь же ясно, как я вижу эту солому под моими ногами, я знаю, что рано или поздно справедливость восторжествует. И сколько бы вам ни осталось жить, товарищи, посвятите свою жизнь этой идее! И кроме того, завещаю передать мое послание тем, кто придет после вас, чтобы будущие поколения могли продолжать борьбу до победного конца.

И помните, товарищи, — ваша решимость должна оставаться непоколебимой. Пусть никакие доводы не собьют вас с пути. Не слушайте, когда вам начнут говорить, что у людей и у животных общие интересы, что процветание одной стороны означает благоденствие и для другой. Все это ложь! Людей не интересуют ничьи интересы, кроме их собственных. А среди нас, животных, пусть восторжествует нерушимое единство, крепкая дружба в борьбе. Все люди — враги. Все животные — друзья.

Едва только майор кончил говорить, поднялся ужасный гам. Пока длилась его речь, из своих нор выскользнули четыре большие крысы и, присев на задние лапы, внимательно слушали майора. В это время их увидели собаки, и только мгновенная реакция крыс, юркнувших обратно в норы, спасла их жизнь. Майор поднял ногу, призывая к молчанию.

— Товарищи, — сказал он, — нам необходимо обсудить еще один вопрос. Дикие звери, такие, как крысы и кролики — друзья или враги? Давайте проголосуем. Я выдвигаю этот вопрос на рассмотрение собрания: являются ли крысы нашими товарищами?

Голосование прошло безотлагательно, и подавляющим большинством голосов было решено, что крыс можно считать товарищами. Против голосовали лишь четверо — три собаки и кошка, относительно которой позже было выяснено, что голосовала она в обоих случаях. Майор продолжил:

— Добавить мне осталось немного. Я лишь повторю: помните, что ваша обязанность — враждовать с людьми и со всеми их начинаниями. Каждый,

кто ходит на двух ногах — враг. Каждый, кто ходит на четырех ногах или имеет крылья — друг. И помните также, что в борьбе против человека мы не должны ничем походить на него. Даже одержав победу, отвергните все, что создано человеком. Ни одно из животных не должно жить в доме, спать в постели, носить одежду, пить алкоголь, курить табак, притрагиваться к деньгам или заниматься торговлей. Все человеческие привычки — это зло! И, кроме всего, ни одно животное не должно тиранить своих сородичей. Слабые или сильные, умные или глупые — все мы братья! Ни одно животное не должно убивать других животных. Все животные равны.

А теперь, товарищи, я расскажу вам о своем сне, что привиделся мне прошлой ночью. Я не в силах описать вам эту мечту. Это была мечта о земле, какой она станет после того, как человек исчезнет с ее лица. И все помнилось мне давно забытое. Много лет назад, когда я был совсем маленьким поросенком, моя мать и вся наша родня любили петь старую песню, из которой они знали только первые три строчки и мотив. Песню эту я помню с детства, но прошло столько времени, что многое забылось. И вот прошлой ночью она вернулась ко мне вместе с мечтой. И, что самое удивительное, — всплыли те слова, которые, я уверен, пели животные в давно прошедшие времена и которые, казалось, были навсегда потеряны в памяти поколений. Я сейчас спою вам эту песню, товарищи. Я стар, и у меня хриплый голос, но когда я научу вас мотиву, вы ее споете лучше. Она называется «Скоты Англии».

Старый майор прочистил горло и начал. Как он и говорил, голос у него был хриплый, но волнующая мелодия, нечто среднее между «Клементиной» и «Кукарачей» звучала достаточно чисто. Слова были таковы:

*Звери Англии и мира,  
всех загонов и полей,  
созывает моя лира  
вас для счастья новых дней.*

*Он настанет, он настанет,  
мир великой чистоты,  
и людей совсем не станет —  
будут только лишь скоты.  
Кнут над нами не взовьется,  
и ярмо не нужно нам,  
пусть повозка расшибется,  
не возить ее коням!  
Наше завтра изобильно,  
клевер, сено и бобы,  
и запасы так обильны,  
что прекрасней нет судьбы.  
Небо Англии сияет,  
и чиста ее вода,  
ветер песни напевает —  
мы свободны навсегда!  
Мы дадим друг другу слово —  
отстоим судьбу свою!  
Свиньи, куры и коровы,  
будем стойкими в бою!  
Звери Англии и мира,  
всех загонов и полей,  
созывает моя лира  
вас для счастья новых дней.*

Совместное исполнение этой песни привело животных в дикое возбуждение. И едва только майор дошел до последних слов, они сразу же начали петь ее снова. Даже самые тупые из присутствующих уже уловили мотив и несколько слов, а что же касается самых умных, таких, как свиньи и собаки, то уже через пару минут песня как бы рвалась из глубин их сердец. Несколько попыток приладиться один к другому — и вся ферма в

потрясающем единстве взревела «Скоты Англии». Коровы мычали ее, собаки влаивали, овцы блеяли, лошади ржали и утки вскрикивали. Пели они с таким наслаждением, что песня была исполнена пять раз подряд, и каждый раз все лучше, и они могли бы петь всю ночь — если бы их не прервали.

\*\*\*\*\*

Случилось это в начале марта. Последующие три месяца были отмечены размахом тайной деятельности. Речь майора заставила большинство самых сообразительных жителей фермы посмотреть на жизнь под новым углом зрения. Они не знали, когда вспыхнет восстание, предсказанное майором, у них не было никаких оснований считать, что оно произойдет еще при их жизни, но ясно понимали, что они должны готовить восстание. Работа по просвещению и организации всех остальных, естественно, легла на свиней, чьи выдающиеся умственные способности были единодушно признаны всеми. Но и среди них явно выделялись два молодых борова, Сноуболл и Наполеон, которых мистер Джонс откармливал на продажу. Наполеон был большим и даже несколько свирепым с виду беркширским боровом, единственным беркширцем на ферме. Он не был многословен, но пользовался репутацией личности себе на уме. Сноуболл отличался большей живостью характера, быстрой речью и изобретательностью, но относительно меньшей серьезностью. Остальные свиньи на ферме были еще поросятами. Наибольшей известностью среди них пользовался маленький толстенный поросенок по имени Визгун, с круглыми щечками, вечно помаргивающими глазками, быстрыми движениями и пронзительным голосом. Он был блестящим оратором. Обсуждая какую-то сложную проблему, он метался из стороны в сторону, и хвостик его все время подрагивал, что придавало его словам особую убедительность. Кое-кто говорил о Визгуне, что он способен превратить белое в черное и наоборот.

Они втроем переработали проповеди старого майора в стройную систему воззрений, которую называли анимализмом. Несколько ночей в



неделю после того, как мистер Джонс отходил ко сну, на тайных сборищах в амбаре они объясняли всем остальным принципы анимализма. Сначала они встретились с тупостью и равнодушием. Кое-кто говорил о необходимости соблюдать лояльность по отношению к мистеру Джонсу, которого они называли не иначе, как хозяин или отпускали идиотские замечания типа «Мистер Джонс нас кормит. Если его не будет, мы умрем с голоду». Другие задавали вопросы: «С какой стати нам заботиться о том, что будет после нашей смерти?» Или «Если восстание так и так произойдет, то какой смысл в том, работаем мы для него или нет?», И свиньям стоило немалых трудов объяснить им, что все это противоречит духу анимализма. Самый глупый вопрос задала Молли, белая кобылка. Первое, с чем она обратилась к Сноуболлу, было: «Будет ли сахар после восстания?»

— Нет, — твердо сказал Сноуболл. — Мы не собираемся производить сахар на этой ферме. Кроме того, ты можешь обойтись и без него. Тебе хватит овса и сена.

— А разрешено ли мне будет носить ленточки в гриве? — Спросила Молли.

— Товарищ, — сказал Сноуболл, — эти ленточки, к которым ты так привязана, — символ рабства. Неужели ты не можешь понять, что свобода дороже любых ленточек?

Молли согласилась, что это именно так, но похоже было, что она осталась при своем мнении.

Гораздо больше трудов доставила свиньям необходимость опровергать ложь, пущенную Мозусом, ручным вороном. Мозус, любимец мистера Джонса, был болтуном и сплетником, но в то же время краснобайствовать он умел. Он распространял слухи о существовании таинственной страны под названием Леденцовая гора, куда после смерти якобы попадают все животные. Она расположена где-то на небе, рассказывал Мозус, сразу же за облаками. На леденцовой горе семь дней в неделю — воскресенье, клевер в соку круглый год, а колотый сахар и льняной жмых растут прямо на кустах.

На ферме терпеть не могли Мозуса за то, что он только рассказывает басни и не работает, но кое-кто верил в Леденцовую гору, и свиньям пришлось немало потрудиться, прежде чем они убедили всех в том, что такого места не существует.

Самой безграничной преданностью отличались две тягловые лошади, Кловер и Боксер. Сам процесс мышления доставлял им немалые трудности, но раз и навсегда признав свиней своими пастырями, Кловер и Боксер впитывали в себя все, что было ими сказано и затем терпеливо втолковывали это остальным животным. Они неизменно присутствовали на всех сборищах в амбаре и первыми затыгивали «Скоты Англии», которым обычно заканчивались встречи.

Но, как оказалось, восстание состоялось значительно раньше и произошло куда легче, чем кто-либо мог предполагать. В свое время мистер Джонс был неплохим фермером, хотя и отличавшимся крутым характером, но потом дела его пошли значительно хуже. Просадив массу денег в судебных тяжбах, он перестал интересоваться делами фермы и стал регулярно выпивать. Целые дни он проводил на кухне, развалившись в своей качалке — проглядывал газеты, прикладываясь к бутылке и время от времени кормил Мозуса кусками хлеба, вымоченными в пиве. Работники его слонялись без дела и тащили все, что плохо лежит; поля заросли сорняками; изгороди зияли прорехами, а животные часто оставались некормленными.

Пришел июнь, и поля были готовы к жатве. В канун середины лета, который выпал на субботу, мистер Джонс поехал в Уиллингдон и так надрался в «Красном льве», что добрался домой только к полудню воскресного дня. Подоив коров ранним утром, батраки ушли ловить кроликов, не позаботившись о том, чтобы накормить животных. Вернувшись, мистер Джонс немедленно завалился спать на кушетке в гостиной, прикрыв лицо газетой, то есть и к вечеру обитатели фермы оставались голодными. В конце концов их терпение истощилось. Одна из коров вышибла рогами дверь в закрома, которые немедленно наполнились животными. Как раз в это время

проснулся мистер Джонс. В следующий момент он и четверо его батраков, вооружившись кнутами, которыми они полосовали во все стороны, были уже на месте происшествия. Чаша терпения оголодавших животных переполнилась. В едином порыве они ринулись на своих мучителей. Внезапно Джонс и остальные почувствовали, что их толкают и бьют со всех сторон. Инициатива была вырвана из их рук. Им никогда раньше не приходилось сталкиваться с животными в таком состоянии, и этот внезапный взрыв ярости тех, с кем они привыкли обращаться с небрежной жестокостью, испугал их почти до потери сознания. Они поняли, что им остается только думать о собственном спасении и уносить ноги. Минутой позже они впятером впопыхах вывалились на проселок, который вел к дороге, а торжествующие животные преследовали их.

Миссис Джонс выглянула из окна спальни, увидела, что происходит, торопливо покидала в саквояж первое, что попало под руку, и покинула ферму через заднюю дверь. Мозус сорвался со своего шеста и, громко каркая, последовал за ней. Тем временем животные гнали мистера Джонса и его приспешников по дороге до тех пор, пока за ними не захлопнулись тяжелые ворота. Таким образом, прежде, чем они поняли, что произошло, восстание было успешно завершено: Джонс изгнан, и ферма «Усадьба» перешла в их владение.

\*\*\*\*\*

После завтрака Сноуболл и Наполеон снова созвали всех.

— Товарищи, — сказал Сноуболл, — уже полшестого, и нас ждет долгий день. Сегодня мы начнем жатву. Но прежде всего мы должны кое-что сделать.

И свиньи сообщили, что в течение последних трех месяцев они учились читать и писать по старому сборнику прописей, который когда-то принадлежал детям мистера Джонса, но был выброшен в кучу хлама. Наполеон послал за банками с черной и белой красками и направился к

воротам, за которыми начиналась основная дорога. Затем Сноуболл (именно Сноуболл, поскольку у него был самый лучший почерк) взял своими раздвоенными копытцами кисть, закрасил название «Ферма "Усадьба"» на верхней перекладине ворот и на этом месте написал «Скотский хутор». Отныне таково должно было быть название фермы. После этого они вернулись к зданию, где уже стояла прислоненная к задней стенке большого амбара лестница, доставленная по приказанию Наполеона и Сноуболла. Они объяснили, что последние три месяца, когда они изучали прописи, им, свиньям, удалось сформулировать в семи заповедях принципы анимализма. Эти семь заповедей будут запечатлены на стене; и в них найдут отражение непререкаемые законы, по которым отныне и до скончания века будут жить все животные на ферме. С некоторыми трудностями (ибо свинье не так просто балансировать на лестнице) Сноуболл забрался наверх и принялся за работу; несколькими ступеньками ниже Визгун держал банку с краской. Заповеди были написаны на темной промасленной стене большими белыми буквами, видными с тридцати метров. Вот что они гласили:

### **СЕМЬ ЗАПОВЕДЕЙ**

- 1. Каждый, кто ходит на двух ногах, — враг.*
- 2. Каждый, кто ходит на четырех ногах или у кого есть крылья, — друг.*
- 3. Животные не носят платья.*
- 4. Животные не спят в кроватях.*
- 5. Животные не пьют алкоголя.*
- 6. Животное не может убить другое животное.*
- 7. Все животные равны.*

Написано все было очень аккуратно, не считая только, что вместо «друг» было «дург», а одно из «с» было развернуто в другую сторону, но в целом все было очень правильно. Чтобы собравшиеся твердо уяснили написанное, Сноуболл громко прочел заповеди. Все кивали в полном согласии, а самые сообразительные сразу же стали учить заповеди наизусть.

— А теперь, товарищи, — сказал Сноуболл, отбрасывая кисточку, — на нивы! Пусть для нас станет делом чести убрать урожай быстрее, чем Джонс и его рабы!

Но в этот момент три коровы, которые давно уже тоскливо переминались с ноги на ногу, стали громко мычать. Их не доили уже целые сутки, и все три вымени у них болели. Немного подумав, свиньи послали за ведрами и весьма успешно подоили коров, поскольку, как оказалось, свиные копытца были словно специально приспособлены для этой цели. Скоро пять ведер наполнились жирным парным молоком, на которое остальные животные смотрели с нескрываемым интересом.

— Что будем делать с этим молоком? — Спросил кто-то.

— Джонс иногда подмешивал его нам в кормушки, — сказала одна из кур.

— Не о молоке надо думать, товарищи! — Вскричал Наполеон, закрывая собой ведра. — О нем позаботятся. Урожай — вот что главное. Товарищ Сноуболл поведет вас. Я последую за вами через несколько минут. Вперед, товарищи! Жатва не ждет.

И животные двинулись на поля, где принялись за уборку, а когда вечером вернулись домой, то обнаружили, что молоко исчезло.

\*\*\*\*\*

Все лето работы шли с точностью часового механизма. Обитатели фермы даже не представляли себе, что можно трудиться с таким удовольствием. Они испытывали острое наслаждение, наблюдая, как заполняются закрома, потому что это была их пища, которую они вырастили и собрали сами для себя, пища, которую отныне не отнимет у них безжалостный хозяин. После изгнания паразитических и бесполезных людей, никто больше не претендовал на собранные запасы. Конечно, на досуге приходилось о многом подумать. Не обладая еще достаточным опытом, они встречались с определенными трудностями — например, когда они

приступили к уборке зерновых, им пришлось, как в старые времена, вылушивать зерна и собственным дыханием сдувать мякину — но сообразительность свиней и могучие мускулы Боксера всегда приходили на помощь. Боксер вызывал у всех восхищение. Он много работал еще во время Джонса, ну а теперь трудился за троих; бывали дни, когда, казалось, вся работа на ферме ложилась на его всемогущие плечи. С восхода и до заката он трудился без устали, и всегда там, где работа шла труднее всего. Он договорился с одним из петухов, чтобы тот поднимал его на полчаса раньше всех, и до начала дня он уже добровольно успевал что-то сделать там, где был нужнее всего. Сталкиваясь с любой задержкой, с любой проблемой, он неизменно говорил одно и то же: «Я буду работать еще больше» — таков был его личный девиз.

Но и остальные работали с полной отдачей. Так, например, во время уборки куры и утки снесли в закрома пять бушелей пшеницы, которую они собрали по зернышку. Хищения, воркотня из-за порции, ссоры, свары и ревность, то есть все, что было нормальным явлением в старые времена — все это практически исчезло. Никто — или почти никто — не жаловался. Правда, Молли не нравилось вставать рано утром, и если на ее пашне попадались камни, она могла сразу же бросить работу. Довольно сообразительным было и поведение кошки. Скоро было замечено, что, как только возникала неотложная работа, кошки не могли доискаться. Она пропадала часами, а потом, как ни в чем не бывало, появлялась к обеду или вечером, когда все работы были завершены, но она всегда умела столь убедительно извиняться и так трогательно мурлыкала, что было просто невозможно не верить в ее добрые намерения. Старый Бенджамин, осёл, казалось, совершенно не изменился со времен восстания. Он никогда не напрашивался ни на какую работу и ни от чего не отлынивал; но все, что он делал, было проникнуто духом того же медленного упрямства, что и во времена мистера Джонса. О восстании и о том, что оно принесло, Бенджамин предпочитал помалкивать. Когда его спрашивали, чувствует ли он, насколько

счастливее стало жить после изгнания Джонса, он только бурчал: «У ослон долгий век. Никто из вас не видел дохлого ослон», и остальным оставалось лишь удовлетворяться его загадочным ответом.

В воскресенье все отдыхали. Завтракали на час позже, а затем все спешили на церемонию, которая неукоснительно проводилась каждую неделю. Первым делом торжественно поднимался флаг. Сноуболл нашел в кладовке старую зеленую скатерть миссис Джонс и нарисовал на ней белое копыто и рог. Каждое воскресное утро этот стяг поднимался по флагштоку, водруженному в саду фермы. Зеленый цвет, объяснил Сноуболл, символизирует поля Англии, а копыто и рог олицетворяют будущую республику животных, которая восторжествует после того, как будет окончательно покончено со всем родом человеческим. После поднятия флага все собирались в большом амбаре на общий совет, который получил название ассамблеи. Здесь планировалась работа на будущую неделю, выдвигались и обсуждались различные решения. Как правило, предлагали свиньи. Все остальные понимали, как они должны голосовать, но им никогда не приходило в голову выступить с собственными предложениями. Сноуболл и Наполеон бурно участвовали в дебатах. Но было замечено, что они редко приходят к соглашению: что бы ни предлагал один из них, второй всегда выступал против. Даже когда все было совершенно ясно и было достигнуто единодушное согласие — например, оставить нетронутым небольшой выгон за садом, который мог бы служить местом отдыха для животных, окончивших работу, — то и тогда разгорелись бурные споры о пределе пенсионного возраста для каждого вида животных. Ассамблея всегда кончалась пением гимна «Скоты Англии», и после полудня все отдыхали.

Помещение, где хранилась упряжь, свиньи превратили в свою штаб-квартиру. Здесь, пользуясь книгами, которые нашлись на ферме, вечерами они изучали кузнечное дело, плотницкие работы и другие искусства. Сноуболл, кроме того, занимался созданием организаций, которые он называл комитеты животных. Этим он занимался с неутомимой энергией. Он

организовывал комитет по производству яиц для кур, лигу чистых хвостов для коров, комитет по вторичному образованию диких товарищей (его целью было приручить крыс и кроликов), движение за белую шерсть среди овец и множество других, не говоря уже о курсах чтения и письма. Обычно все эти проекты постигала неудача. Например, попытки приручения рухнули почти немедленно. Все дикие вели себя точно так же, как и раньше и, если чувствовали, что к ним относятся с подчеркнутым великодушием, просто старались использовать такое отношение. Кошка вошла в комитет по вторичному образованию и несколько дней проявляла большую активность. Так, однажды она была замечена сидящей на крыше и беседующей с воробьями, которые располагались несколько поодаль от нее. Она рассказывала им, что теперь все животные стали братьями и что ныне любой воробей, если захочет, может подойти и сесть к ней на лапу, но воробьи продолжали сохранять дистанцию.

Тем не менее, ликбез пользовался большим успехом. К осени почти все животные в той или иной степени стали грамотными.

Что касается свиней, они свободно читали и писали. Собаки успешно учились читать, но кроме семи заповедей их ничего не интересовало. Мюриель, коза, умела читать еще лучше собак и порой по вечерам она читала остальным обрывки газет, которые валялись в куче мусора. Бенджамин читал так же, как свиньи, но никогда не демонстрировал своих способностей. Насколько мне известно, говорил он, нет ничего стоящего, чтобы читать. Кlover освоила алфавит, но так и не овладела искусством складывать из букв слова. Боксер добрался лишь до буквы Г. Своим огромным копытом он выводил в пыли А, Б, В, Г, а затем, прижав уши и временами потряхивая челкой, стоял, глядя на них, изо всех сил стараясь вспомнить, что следует дальше. Временами он твердо осваивал следующие четыре буквы, но, как правило, выяснялось, что забывал предыдущие. Наконец, он решил удовлетвориться первыми четырьмя буквами и писал их на земле один-два раза в день, что позволяло ему освежать память. Освоив пять букв, из



которых состояло ее имя, Молли отказалась учиться дальше. Она изящно выкладывала свое имя из веточек, украшала его парой цветочков и прохаживалась рядом, в восхищении глядя на свое произведение.

Большинство же остальных животных фермы так и не продвинулись дальше буквы а. Кроме того, было выяснено, что самые глупые из них, такие, как овцы, утки, куры были не в состоянии выучить наизусть семь заповедей. После долгих размышлений Сноуболл объявил, что семь заповедей могут быть успешно сведены к афоризму, который звучал следующим образом: «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо». В этом, он сказал, заключен основной принцип анимализма. И тот, кто глубоко усвоит его, будет спасен от человеческого влияния. На первый взгляд, этот принцип исключал птиц, поскольку у них тоже были две ноги, но Сноуболл доказал, что это не так.

\*\*\*\*\*

Скоро прояснилась и таинственная история с исчезновением молока. Свиньи каждый день подмешивали его в свою кормушку. Пospели и ранние яблоки. Теперь после каждого порыва ветра они устилали траву в саду. Было принято как должное, что все имеют на них право, но однажды установившийся порядок был изменен: все яблоки должны быть собраны и доставлены в помещение для свиней. Кое-кто попробовал роптать, но это не принесло результатов. Касательно этого предмета все свиньи проявили редкостное единодушие, даже Наполеон со Сноуболлом. На Визгуна была возложена обязанность объяснить ситуацию остальным.

— Товарищи! — Вскричал он. — Надеюсь, вы не считаете, что мы, свиньи, поступаем подобным образом лишь из мелкого эгоизма. Многие из нас на самом деле терпеть не могут молока и яблок. Сам я на них и смотреть не стану. Единственная цель, с которой мы их используем, — сохранить ваше здоровье. Яблоки и молоко (и это совершенно точно доказано наукой, товарищи) содержат элементы, абсолютно необходимые для поддержания жизни и хорошего самочувствия у свиней. Мы, свиньи, — работники

интеллектуального труда. Забота о процветании нашей фермы и об организации работ лежит исключительно на нас. День и ночь мы неусыпно заботимся о вашем благосостоянии. Мы пьем молоко и едим эти яблоки только ради **вас**. Можете ли вы представить, что произойдет, если мы, свиньи, окажемся не в состоянии исполнять свои обязанности? Вернется Джонс! Да, снова воцарится Джонс! И я уверен, товарищи, — в голосе Визгуна, который метался из стороны в сторону, крутя хвостиком, появились почти рыдающие ноты, — без сомнения, нет ни одного, кто хотел бы возвращения Джонса!

И если существовало хоть что-нибудь, в чем все животные были безоговорочно уверены, так это было именно то, о чем говорил Визгун: никто из них не хотел возвращения Джонса. Когда положение дел предстало перед ними в таком свете, у них не нашлось слов для возражений. Слишком очевидной стала необходимость заботы о здоровье свиней. И без дальнейших рассуждений все согласились, что и молоко и падалицы (и кроме того, значительную часть поспевающих яблок) необходимо беречь только для свиней.

\*\*\*\*\*

Несмотря на шок, который вызвало изгнание Сноуболла, животные почувствовали глубокое разочарование при этом сообщении. Некоторые из них даже испытали желание выступить с протестом — если бы они были в состоянии найти убедительные аргументы. Даже Боксер был несколько взволнован. Он прижал уши, несколько раз встряхнул челкой и принялся приводить мысли в порядок; но в конечном счете он так и не нашелся, что сказать. Остальные свиньи проявили больше сообразительности. Четверо поросят, сидевших в первом ряду, пронзительным визгом выражая свое несогласие, вскочили на ноги и стали говорить все разом. Но внезапно собаки, кольцом окружавшие Наполеона, издали низкое глубокое рычание, что заставило свиней замолчать и занять свои места. Затем овцы принялись

громогласно блеять: «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо», это длилось примерно около четверти часа и окончательно положило конец всяческому разговорам.

После этого Визгун обошел всю ферму с целью объяснить остальным новый порядок вещей.

— Товарищи, — сказал он, — я верю, что все, живущие на ферме, ценят ту жертву, которую принес товарищ Наполеон, взяв на себя столь непосильный труд. Не надо думать, товарищи, что руководить — это такое уж удовольствие! Напротив — это большая и нелегкая ответственность. Товарищ Наполеон глубоко верит в то, что все животные обладают равными правами и возможностями. Он был бы только счастлив передать вам груз принятия решений. Но порой вы можете ошибиться — и что тогда ждет вас? Представьте себе, что вы дали бы увлечь себя воздушными замками Сноуболла — этого проходимца, который, как нам теперь известно, является преступником...

— Он смело дрался в битве у коровника, — сказал кто-то.

— Смелость — это еще не все, — сказал Визгун. — Преданность и послушание — вот что самое важное. Что же касается битвы у коровника, то я верю, придет время, когда станет ясно, что роль Сноуболла была значительно преувеличена. Дисциплина, товарищи, железная дисциплина! Вот лозунг сегодняшнего дня! Стоит сделать один неверный шаг, — и враги одолеют нас! И, конечно, товарищи, вы не хотите возвращения Джонса?

И, как всегда, этот аргумент оказался неопровержимым. Конечно, никто из животных не хотел возвращения Джонса; и если споры о том, как проводить утро воскресенья, могли вернуть его, то эти споры, без сомнения, надо было кончать. Боксер, у которого теперь было достаточно времени подумать, выразил обуревавшие его чувства словами: «Если товарищ Наполеон так сказал, то, значит, это правильно». И после этого в дополнение к своему девизу «Я буду работать еще больше» он изрек еще один афоризм: «Наполеон всегда прав».

В эти дни погода стала меняться; пора было приступать к пахоте. Сарай, в котором Сноуболл чертил свой план мельницы, был закрыт, и всем было объявлено, что чертеж стерт. Теперь каждое воскресенье по утрам в десять часов все собирались в амбаре, где получали задания на неделю. Череп старого майора, от которого ныне остались только одни кости, был выкопан из могилы и водружен на пень у подножия флагштока, рядом с револьвером. И теперь после поднятия флага все животные были обязаны строем проходить мимо черепа, выражая таким образом ему почтение. Теперь, войдя в амбар, они не садились вместе, как это было заведено раньше. Наполеон, Визгун и еще одна свинья по имени Минимус, который отличался удивительным талантом писать стихи и песни, занимали переднюю часть возвышения, а девять псов закрывали их полукругом; прочие свиньи занимали места за ними. Все прочие животные располагались в остальной части амбара. Отрывисто и резко Наполеон отдавал приказы на неделю, и после однократного исполнения гимна «Скоты Англии» все расходились.

\*\*\*\*\*

В одно воскресное утро, когда все собирались получать задания на неделю, Наполеон объявил, что он решил ввести новую политику. Отныне скотский хутор приступает к торговле с соседними фермами: конечно же не с целью коммерции, а просто для того, чтобы приобрести жизненно необходимые материалы. Забота о мельнице должна подчинить себе все остальное, сказал он. Поэтому он принял решение продать несколько стогов пшеницы и часть уже собранного урожая ячменя, а позже, если денег все же не хватит, придется пустить в оборот яйца, для которых в Уиллингдоне всегда есть рынок сбыта. Куры, сказал Наполеон, могут считать жертву их вкладом в строительство мельницы.

В первые минуты всех собравшихся охватило некоторое смущение. Никогда не иметь дела с людьми, никогда не заниматься торговлей, никогда не употреблять денег — не эти высокие заветы прозвучали на том

триумфальном собрании сразу же после изгнания Джонса? Все животные помнили, как принимались эти решения; или, в конце концов, думали, что помнят. Четверо поросят, в свое время протестовавшие, когда Наполеон отменил ассамблеи, робко попробовали подать голос, но угрожающее рычание собак сразу же успокоило их. Затем, как обычно, овцы принялись за свое «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо!». И чувство неловкости сразу же исчезло. Наконец, Наполеон поднял ногу, призывая к молчанию, и сказал, что он уже сделал все необходимые распоряжения. Никто из животных не должен будет вступать в контакт с людьми, которые по-прежнему не заслуживают ничего, кроме презрения. Он берет эту ношу на свои плечи. Мистер Уимпер, юрист из Уиллингдона, согласился служить посредником между скотским хутором и остальным миром; каждый понедельник по утрам он будет посещать ферму для получения инструкций. Наполеон закончил свою речь обычным возгласом «Да здравствует скотский хутор!» И, исполнив гимн «Скоты Англии», все разошлись.

Несколько позже Визгун обошел ферму, успокаивая смущенные умы. Он убедил их, что решение не заниматься торговлей и не иметь дело с деньгами никогда не принималось и даже не предполагалось к обсуждению. Все это чистая фикция, мираж, пробный шар, пущенный Сноуболлом, который собирался начать грандиозную кампанию лжи. А так как кое-кто еще чувствовал сомнение, то Визгун прямо спросил их: «А вы уверены, что это вам не приснилось, товарищи? Где зафиксированы эти решения? Где они записаны?» И так как в самом деле нигде не было записано, все пришли к выводу, что они просто были введены в заблуждение.

\*\*\*\*\*

Эти события относятся примерно к тому времени, когда свиньи внезапно переселились на ферму и основали там свою резиденцию. Снова животные принялись вспоминать, что, вроде, принималось решение о недопустимости подобных действий, и снова Визгуну пришлось убеждать их,

что в действительности ничего подобного не было. Абсолютно необходимо, сказал он, чтобы свиньи, которые представляют собой мозговой центр всей фермы, могли спокойно работать. Кроме того, жить в доме более подобает достоинству вождя (теперь при упоминании Наполеона употреблялся только этот титул), чем существование в стойле. И тем не менее, некоторые животные были взволнованы слухами, что свиньи не только отдыхают в гостиной и едят на кухне, но и спят в постелях. Боксер отбросил все сомнения своим обычным «Наполеон всегда прав!», Но Кlover, которой казалось, что она помнит заповедь, направленную против постелей, подошла к задней стенке амбара и попыталась разобрать написанные здесь семь заповедей. Убедившись, что кроме отдельных букв она не может разобрать ничего, Кlover обратилась к помощи Мюриель.

— Мюриель, — сказала она, — прочти мне четвертую заповедь. Разве в ней не сказано о запрещении спать в постелях?

С некоторыми затруднениями Мюриель по складам прочитала заповедь.

— Здесь сказано: «Ни одно животное не будет спать в постели с **простынями**», — наконец объявила она.

Достаточно наблюдательная Кlover что-то не помнила, чтобы в четвертой заповеди упоминались простыни, но раз так было написано на стене, так оно и должно быть. И Визгун, который как раз в этот момент проходил мимо в сопровождении двух или трех собак, смог дать предмету спора правильное толкование.

— Вы, конечно, слышали, товарищи, — сказал он, — что теперь мы, свиньи, спим в кроватях на ферме. А почему бы и нет? Вы же, конечно, не считаете, что это правило направлено против **постелей**? Постель означает просто место для сна. Откровенно говоря, охапка соломы в стойле — тоже постель. Правило направлено против **простыней**, которые действительно являются чисто человеческим изобретением. Мы сняли простыни со всех кроватей и спим просто между одеялами. Это очень удобно. Но это всего лишь те минимальные удобства, которые необходимы

при нашей умственной работе. Ведь вы же не собираетесь лишать нас заслуженного отдыха, не так ли, товарищи? И не заставите нас непосильно переутомляться при исполнении наших обязанностей? Ведь, я уверен, никто из вас не хочет возвращения мистера Джонса?

Животные сразу же уверили его в этом, и с тех пор вопрос о кроватях для свиней больше не поднимался. И когда через несколько дней было объявлено, что отныне свиньи будут вставать на час позже остальных, никто не позволил себе проронить ни слова осуждения.

\*\*\*\*\*

Через четыре дня Наполеон приказал всем животным собраться во дворе после обеда. Когда это было исполнено, из дверей дома появился Наполеон, украшенный двумя своими медалями (ибо недавно по его распоряжению ему было присвоено «Животное — герой первого класса» и «Животное — герой второго класса») и в сопровождении девяти огромных псов, которые рыскали вокруг, издавая рычание, заставляющее подрагивать шкуры собравшихся. Они молча стояли, чувствуя, что их ждет нечто страшное.

Наполеон остановился и обвел всех суровым взглядом; затем он повелительно взвизгнул. Собаки мгновенно рванулись вперед, схватили за уши четырех свиней и выволокли их, визжащих от боли и страха, к ногам Наполеона. Уши свиней кровоточили, и на мгновение всем показалось, что собаки, облизывающие кровь просто сошли с ума. В эти секунды всеобщего изумления трое собак кинулись к Боксеру. Увидев их, тот вознес свое огромное копыто и так поддал распластавшуюся в прыжке собаку, что та, жалобно скуля, покатила по земле, а остальные, поджав хвосты, вильнули в сторону. Боксер посмотрел на Наполеона, спрашивая указания — должен ли он пришибить собаку или позволить ей унести ноги. Похоже было, что Наполеону изменило спокойствие, и он резко приказал Боксеру оставить собаку в покое; Боксер опустил копыто, и собака, повизгивая, уползла в сторону.

Наступила мертвая тишина. Четверо свиней с дрожью ожидали развития событий, не скрывая вины, о которой говорила каждая черточка их физиономий. Наполеон обратился к ним, призывая их покаяться в своих преступлениях. Это были те четверо, которые протестовали, когда Наполеон отменил воскресные ассамблеи. Они незамедлительно признались, что, начиная со дня изгнания Сноуболла, поддерживали с ним тайную связь, что они помогали ему разрушить мельницу и что они вошли в соглашение с ним, ставя целью отдать скотский хутор в руки мистера Фредерика. Они добавили, что Сноуболл по секрету признался им: в течение долгих лет он был тайным агентом мистера Джонса. Когда они кончили каяться, собаки перегрызли им горло, и Наполеон страшным голосом спросил, не хочет ли еще кто-либо сознаться в совершенных преступлениях.

Те трое кур, которые возглавляли попытку волнений из-за яиц, вышли вперед и сказали, что им во сне являлся Сноуболл и призывал не подчиняться приказам Наполеона. Они также были разорваны на куски. Затем вышел гусь и признался, что в прошлом году во время уборки урожая он утаил шесть зерен, которые съел ночью. Одна из овец покалась, что мочилась в пруд — естественно, как она сказала, по настоянию Сноуболла — а две другие овцы признались, что они довели до смерти старого барана, одного из самых преданных поклонников Наполеона, заставляя его бегать вокруг костра, когда он задыхался от приступов кашля. Их постигла та же судьба, что и всех прочих. Процесс признаний и наказаний длился до тех пор, пока у ног Наполеона не выросла гора трупов, а в воздухе не сгустился тяжелый запах крови, который был забыт со времен изгнания Джонса.

Когда все было кончено, остальные животные, кроме собак и свиней, удалились, сбившись в кучу. Они были подавлены и унижены.

\*\*\*\*\*

В этом году пришлось работать еще тяжелее, чем в прошлом. Поднять мельницу, стены которой стали вдвое толще и пустить ее в ход в намеченное



время, не оставляя в то же время постоянную работу на ферме, было исключительно тяжело. Были времена, когда животным начинало казаться, что они и работают дольше, и питаются хуже, чем во времена Джонса. Но в одно воскресное утро перед ними появился Визгун, держа зажатый в копытцах длинный бумажный свиток и зачитал им, что производство продукции всех видов выросло за это время на 200, 300 и даже 500 процентов по сравнению с предыдущим временем. У животных не было никаких оснований не верить ему, тем более, что они уже очень смутно помнили, каковы были условия жизни до восстания. К тому же, надо добавить, случались дни, когда они чувствовали, что скоро работы станет меньше, а еды прибавится.

Все приказы исходили теперь от Визгуна или от другой свиньи. Наполеон показывался перед обществом не чаще, чем раз в две недели. Когда он выходил, его сопровождал не только привычный эскорт из собак, но и шествовавший впереди черный петух, который играл роль герольда, громко трубя «Ку-ка-ре-ку!» Перед тем, как Наполеон собирался что-то сказать. Даже на ферме, как говорилось, Наполеон занимал теперь отдельные апартаменты. Пищу он принимал в одиночестве, лишь в присутствии сидевших рядом двух собак, и ел он с посуды фирмы «Кроун Дерби», которая обычно хранилась в стеклянном буфете в гостиной. Было торжественно оповещено, что теперь, кроме дней традиционных празднеств, револьвер будет салютовать и в день рождения Наполеона.

Теперь о нем никогда не говорилось, как просто о «Наполеоне». При обращении к нему надо было употреблять официальный титул «Наш вождь, товарищ Наполеон», и свиньи настаивали, чтобы к этому титулу добавлялись и другие — «Отец всех животных, ужас человечества, покровитель овец, защитник утят» и тому подобные. В своих речах Визгун, не утирая катящихся по щекам слез, говорил о мудрости Наполеона, о глубокой любви, которую он испытывает ко всем животным, особенно к несчастным, которые все еще томятся в рабстве и в унижении на других фермах. Стало привычным

благодарить Наполеона за каждую удачу, за каждое достижение. Можно было услышать, как одна курица говорила другой: «Под руководством нашего вождя товарища Наполеона я отложила шесть яиц за пять дней»; или как две коровы, стоя у водопоя, восклицали: «Спасибо товарищу Наполеону за то, что под его руководством вода стала такой вкусной!» Обуревавшие всех чувства нашли выражение в песне, сочиненной Минимусом. Она называлась «Товарищ Наполеон» и звучала следующим образом:

*Отец всех обездоленных!*

*Источник счастья!*

*Повелитель колод с помоями! О, как пылает*

*моя душа, когда я смотрю в твои*

*спокойные и властные глаза,*

*подобные солнцу в небе,*

*товарищ Наполеон!*

*Ты овладел искусством дарить*

*все, что нужно твоим детям —*

*дважды в день полное брюхо, чистую солому,*

*чтобы валяться;*

*каждое животное, большое или малое,*

*спокойно спит в своем стойле,*

*пока ты бдишь над всеми,*

*товарищ Наполеон!*

*И будь я хоть сосунок,*

*или будь я уже большим,*

*пустой бутылкой будь я или пробкой —*

*все мы должны учиться*

*верности и преданности тебе*

*и приветствовать мир первым криком:*

*«Товарищ Наполеон!»*

Наполеон одобрил песню и приказал написать ее большими буквами на другой стене амбара, напротив семи заповедей. Она была увенчана портретом Наполеона в профиль, который белой краской исполнил Визгун.

\*\*\*\*\*

А через несколько дней случилась история с виски, что хранилось в подвале. Его обнаружили еще в те дни, когда животные овладели фермой. В ту ночь, о которой идет речь, с фермы доносились звуки громкого пения, в котором, к удивлению слушателей, звучали нотки «Скотов Англии». А примерно в полдевятого Наполеон со старой шляпой на голове, в которой мистер Джонс играл в крикет, мелькнув на мгновение, стремительно выскочил из задней двери, галопом промчался по двору и снова исчез в дверях. Утром над фермой царило глубокое молчание. Свиньи не показывались из дома. Около девяти часов появился Визгун. Он шел медленно и уныло, с опухшими глазами, с безвольно болтающимся хвостиком. Было видно, что он серьезно болен. Визгун созвал всех и сказал, что должен сообщить им печальную новость. Товарищ Наполеон умирает!

Горестный плач разнесся по ферме. Перед дверями была разложена солома. Все ходили на цыпочках. Со слезами на глазах животные вопрошали друг друга, как они будут жить, если вождь их покинет. Ходили слухи, что, несмотря на все предосторожности, Сноуболлу удалось подсыпать яд в пищу Наполеону. В одиннадцать Визгун вышел еще с одним сообщением. Уходя от нас, последним своим распоряжением на этой земле товарищ Наполеон повелел объявить: впредь употребление алкоголя будет караться смертью.

Но, тем не менее, к вечеру Наполеону стало несколько лучше, а на следующее утро у Визгуна появилась возможность сообщить, что товарищ Наполеон находится на пути к выздоровлению. Вечером того же дня он приступил к работе, а на следующий день стало известно, что он направил Уимпера в Уиллингдон с целью купить какую-нибудь литературу по пивоварению и винокурению. Через неделю он отдал распоряжение

распахать небольшой лужок в саду, который давно уже был отведен для пастьбы тем, кто уходит на отдых. Поступило сообщение, что пастбище истощено и нуждается в рекультивации; но скоро стало известно, что Наполеон решил засеять его ячменем.

Примерно в это время произошел странный инцидент, недоступный пониманию подавляющего большинства обитателей фермы. Как-то ночью, примерно около двенадцати, во дворе раздался грохот, и все животные высыпали наружу. Стояла лунная ночь. У подножия той стены большого амбара, на которой были написаны семь заповедей, лежала сломанная лестница. Рядом с ней копошился оглушенный Визгун, а неподалеку от него лежали фонарь, кисть и перевернутое ведро с белой краской. Собаки сразу же окружили его и, как только Визгун оказался в состоянии держаться на ногах, проводили его на ферму. Никто — кроме, конечно, старого Бенджамина, который лишь кивал с многозначительным видом и делал вид, что ему все ясно, — не понял, что все это значило, но не проронил ни слова.

Но через несколько дней Мюриель, перечитывая для себя семь заповедей, заметила, что одну заповедь животные усвоили неправильно. Они думали, что пятая заповедь звучала как «Животные не пьют алкоголя», но здесь были еще два слова, которые они упустили из виду: «Животные не пьют алкоголя **сверх необходимости**».

\*\*\*\*\*

Год выдался очень удачный, но денег на ферме по-прежнему не хватало. Были закуплены кирпичи, гравий и известь для строительства школы, но надо было снова экономить на оборудование для мельницы. Затем надо было приобретать керосин и свечи для освещения дома, сахар для личного стола Наполеона (он не давал его остальным свиньям под предлогом, что они потолстеют) и все остальное, как, например, инструменты, гвозди, бечевки, уголь, провода, кровельное железо и собачьи бисквиты. Были проданы на сторону несколько стогов сена и часть урожая картофеля, а контракт на

поставку яиц возрос до шестисот в неделю, так что куры напрасно надеялись, что вокруг них будут копошиться цыплята. После декабрьского сокращения рациона последовало новое сокращение в феврале, а для экономии керосина было ликвидировано освещение. Но, похоже, свиньи не страдали от этих лишений и, несмотря ни на что, прибавляли в весе. Как-то в февральский полдень из маленького домика за кухней, где стоял забытый Джонсом перегонный аппарат, по двору разнесся незнакомый теплый и сытный запах. Кто-то сказал, что это запах жареного ячменя. Животные жадно вдыхали его, предполагая, что, может быть, ячмень жарят для их похлебки. Но горячей похлебки никто так и не увидел, а в следующее воскресенье было объявлено, что впредь ячмень предназначается только и исключительно для свиней. Ячменем уже было засеяно поле за садом. А затем разнеслась новость, что теперь каждая свинья будет ежедневно получать пинту пива, а лично Наполеон — полгаллона, каковая порция, как обычно, будет подаваться ему в супнице из сервиза «Кроун Дерби».

Но эти отдельные трудности в значительной мере компенсировались сознанием того, что теперь они ни перед кем не склоняют шеи, как это было раньше. Они имели право петь, говорить, выходить на демонстрации. Наполеон распорядился, чтобы раз в неделю устраивались так называемые стихийные демонстрации с целью восславить достижения и победы скотского хутора. В назначенное время животные должны были оставлять работу и, собравшись во дворе, маршировать повзводно — сначала свиньи, затем лошади, а дальше коровы, овцы и домашняя птица. Собаки сопровождали демонстрацию с флангов, а впереди маршировал черный петух Наполеона. Боксер и Кlover, как обычно, несли зеленое знамя, украшенное рогом и копытом и увенчанное призывом «Да здравствует товарищ Наполеон!» Затем читались поэмы, сочиненные в честь Наполеона, Визгун произносил речь, как обычно, упоминая о былых лишениях. Гремел салют из револьвера. С наибольшей охотой спешили на стихийные демонстрации овцы, и если кто-нибудь жаловался (порой кое-кто из животных позволял

себе такие вольности, если поблизости не было свиней и собак), что они только теряют время и мерзнут на холоде, овцы сразу же заглушали его громогласным блянием «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо!» Но большинству животных нравились эти праздненства. Они считали, что такие шествия напоминают им, что, как бы там ни было, над ними нет господ и что они трудятся для собственного блага. И поэтому, когда звучали песни, шла демонстрация, Визгун зачитывал список достижений, грохотал салют, развевались флаги и кричал петух, они забывали о пустых желудках.

В апреле скотский хутор объявил себя республикой, и посему возникла необходимость в избрании президента. На этот пост претендовал только один кандидат, Наполеон, который был избран единогласно.

\*\*\*\*\*

Ферма процветала, на ней царил строгий порядок, она даже расширилась за счет двух участков, прикупленных у мистера Пилкингтона. Наконец мельница была успешно завершена, и теперь ферме принадлежали веялка и элеватор, не говоря уж о нескольких новых зданиях. Уимпер купил себе двуколку. Правда, электричества на ферме так и не появилось. На мельнице мололи муку, что давало ферме неплохие доходы. Животным пришлось немало потрудиться не только на строительстве мельницы; было сказано, что придется еще ставить динамо-машину. Но о том изобилии, о котором когда-то мечтал Сноуболл — электрический свет в стойлах, горячая и холодная вода, трехдневная рабочая неделя, — больше не говорилось. Наполеон отказался от этих идей, как противоречащих духу анимализма. Истина, сказал он, заключается в непрестанном труде и умеренной жизни.

Порой начинало казаться, что хотя ферма богатеет, изобилие это не имеет никакого отношения к животным — кроме, конечно, свиней и собак. Возможно, такое впечатление частично складывалось из-за того, что на ферме было много свиней и много собак. Конечно, они не отлынивали от работы. Они были загружены, как не уставал объяснять Визгун,

бесконечными обязанностями по контролю и организации работ на ферме. Многие из того, что они делали, было просто недоступно пониманию животных. Например, Визгун объяснял, что свиньи каждодневно корпят над такими таинственными вещами, как «сводки», «отчеты», «протоколы» и «памятные записки». Они представляли собой большие, густо исписанные листы бумаги, и, по мере того как они заполнялись, листы сжигались в печке. От этой работы зависит процветание фермы, объяснил Визгун. Но все же ни свиньи, ни собаки не создавали своим трудом никакой пищи; а их обширный коллектив всегда отличался отменным аппетитом.

Что же касается образа жизни остальных, насколько им было известно, они всегда жили именно так. Они испытывали постоянный голод, они спали на соломе, пили из колод и трудились на полях; зимой они страдали от холода, а летом от оводов. Порой старики, роясь в глубинах памяти, пытались разобраться, лучше или хуже им жилось в ранние дни восстания, сразу же после изгнания Джонса. Вспомнить они не могли. Им не с чем было сравнивать свою теперешнюю жизнь: единственное, что у них было, это сообщения Визгуна, который, вооружившись цифрами, убедительно доказывал им, что дела идут лучше и лучше. Животные чувствовали, что проблема неразрешима; во всяком случае, у них почти не оставалось времени, чтобы говорить на подобные темы. Только старый Бенджамин мог вспомнить каждый штрих своей долгой жизни, и он знал, что дела всегда шли таким образом, ни лучше, ни хуже — голод, лишения, разочарования; таков, говорил он, неопровержимый закон жизни.

И все же животных не покидала надежда. Более того, они никогда ни на минуту не теряли чувства гордости за ту честь, что была им предоставлена — быть членами скотского хутора. Они все еще продолжали оставаться единственной фермой в стране — во всей Англии! — которая принадлежала и которой руководили сами животные. Никто из них, даже самые молодые, даже новоприбывшие, которые были куплены на фермах в десяти или двадцати милях от скотского хутора, не теряли ощущения чуда, к которому

они были причастны. И когда они слышали грохот револьверного салюта, видели, как трепещет на мачте зеленый флаг, сердца их трепетали от чувства непреходящей гордости, и они неизменно вспоминали далекие легендарные дни, когда был изгнан Джонс, запечатлены семь заповедей, великие сражения, в которых человечество потерпело решительное поражение. Никто не был забыт, и ничто не было забыто. Вера в предсказанную майором республику животных, раскинувшуюся на зеленых полях Англии, на которые не ступит нога человека, продолжала жить. Когда-нибудь это время наступит: возможно, не скоро, возможно, никто из ныне живущих не увидит этих дней, но они придут. Порой тут и там тишком звучала мелодия «Скотов Англии», во всяком случае, все обитатели фермы знали ее, хотя никто не осмелился бы исполнить ее вслух. Да, жизнь была трудна, и не все их надежды сбылись; но они понимали, что отличаются от всех прочих. Если они голодали, то не потому, что кормили тиранов-людей; если их ждал тяжелый труд, то, в конце концов, они работали для себя. Никто из них не ходил на двух ногах. Никто не знал, как звучит «Хозяин»! Все были равны.

\*\*\*\*\*

Как-то в начале лета Визгун приказал овцам следовать за ним и увел их в отдаленный конец фермы, заросший молодым березняком. Под наблюдением Визгуна они провели здесь весь день, оципывая молодые побеги. К вечеру они, было, двинулись на ферму, но им было сказано оставаться на месте, поскольку теплая погода не препятствовала этому. В конце концов, они провели в березняке целую неделю, в течение которой их не видел никто из животных. Визгун проводил с ними большую часть дня. Он обучал их новой песне, для которой уединение было необходимо.

В один прекрасный вечер, как раз после возвращения овец, когда животные кончили работать и неторопливо шли на ферму, они услышали доносящееся со двора испуганное ржание. Животные остановились в удивлении. Это был голос Кlover. Она снова заржала, и тогда все галопом



поскакали на ферму. Ворвавшись во двор, они увидели то, что предстало глазам Кловер.

Это была свинья, шествовавшая на задних ногах.

Да, это был Визгун. Несколько скованно, так как он не привык нести свой живот в таком положении, но довольно ловко балансируя, он пересек двор. А через минуту из дверей фермы вышла вереница свиней — все на задних ногах. У некоторых это получалось лучше, у других хуже, кое-кто был так неустойчив, что, казалось, ему требуется подпорка, но все успешно совершили круг по двору. И наконец раздался собачий лай и торжественное кукареканье черного петуха, что оповестило о появлении самого Наполеона. Надменно глядя по сторонам, он величественно прошел через двор в окружении собак.

Между копытами у него был зажат хлыст.

Наступила мертвая тишина. Смущенные и напуганные животные, сбившись в кучу, наблюдали, как по двору медленно движется вереница свиней. Казалось, что мир перевернулся вверх ногами. Но, наконец, настал момент, когда исчез первый шок и, когда, несмотря ни на что — ни на страх перед собаками, ни на привычку, воспитанную долгими годами, никогда не жаловаться, никогда не критиковать, что бы ни случилось — раздалось слова протеста. Но как раз в этот момент, словно по сигналу, овцы хором начали громогласно блеять:

— Четыре ноги хорошо, две ноги **лучше!** Четыре ноги хорошо, две ноги **лучше!** Четыре ноги хорошо, две ноги **лучше!**

И так без остановки продолжалось минут пять. И когда овцы наконец смолкли, время для протестов уже было упущено, поскольку свиньи уже двигались обратно на ферму.

Бенджамин почувствовал, как кто-то ткнул носом ему в плечо. Он оглянулся. Это была Кловер. Ее старые глаза помутнели еще больше. Не говоря ни слова, она осторожно потянула его за гриву и повела к той стене

большого амбара, на которой были написаны семь заповедей. Через пару минут они уже стояли у стены с белыми буквами на ней.

— Зрение слабеет, — сказала она наконец. — Но даже когда я была молода, то все равно не могла прочесть, что здесь написано. Но мне кажется, что стена несколько изменилась. Не изменились ли семь заповедей, Бенджамин?

Единственный раз Бенджамин согласился нарушить свои правила и прочел ей то, что было написано на стене. Все было по-старому — кроме одной заповеди. Она гласила:

ВСЕ ЖИВОТНЫЕ РАВНЫ,  
НО НЕКОТОРЫЕ ЖИВОТНЫЕ РАВНЫ БОЛЕЕ,  
ЧЕМ ДРУГИЕ.

После этого уже не показалось странным, когда на следующий день свиньи, надзиравшие за работами на ферме, обзавелись хлыстами. Не показалось странным и то, что свиньи купили для себя радиоприемники, провели телефон и подписались на «Джон Буль», «Тит-бит» и «Дейли Миррор». Не показалось странным, что теперь можно было увидеть Наполеона, прогуливающимся в саду фермы с трубкой во рту — и даже то, что свиньи стали использовать по прямому назначению гардероб мистера Джонса. Наполеон облачился в черный пиджак, охотничьи бриджи и кожаные наколенники, а его любимая свиноматка одела шелковое платье, которое миссис Джонс носила по воскресеньям.

Через неделю, примерно около полудня на ферме появилось несколько дрожек. Это явилась делегация с соседних ферм, приглашенная для знакомства с фермой. Они осмотрели все с начала до конца и выразили свое глубокое восхищение увиденным, особенно мельницей. Животные выпалывали сорняки на свекольном поле. Они работали с предельным старанием, почти не отрывая глаз от земли и не зная, кого надо бояться больше — то ли свиней, то ли людей-визитеров.

Вечером с фермы доносились звуки пения и громкий смех. Внезапно, слушая эту мешанину голосов, животные испытали прилив острого любопытства. Что может произойти, когда животные и люди в первый раз встретились на равных? В едином порыве все стали тихонько скапливаться в саду фермы. Миновав калитку, они было остановились в испуге, но Кловер повела их за собой. На цыпочках они подошли к дому, и те, у кого хватало роста, заглянули в окна столовой. Здесь за круглым столом сидело полдюжины фермеров и такое же количество самых именитых свиней. Наполеон занимал почетное место во главе стола. Свиньи непринужденно развалились в креслах. Компания развлекалась игрой в карты, время от времени отвлекаясь от этого занятия для очередного тоста. По кругу ходил большой кувшин, из которого кружки регулярно наполнялись пивом. Никто не обратил внимания на удивленные физиономии, прижавшиеся к стеклу.

С кружкой в руке поднялся мистер Пилкингтон из Фоксвуда. Я прошу, – сказал он, – почтенную компанию присоединиться к моему тосту. Но предварительно он должен сказать несколько слов, которые рвутся наружу.

С чувством большого удовлетворения надо отметить, — сказал мистер Пилкингтон, — и, он уверен, к нему присоединятся все остальные — что долгий период недоразумений и недоверия ушел в прошлое. Наступает время — и так считает не только он, но его чувства разделяют все присутствующие — когда уважаемые владельцы скотского хутора будут относиться к своим соседям не только без враждебности, но и с определенным доверием. Все неприятные инциденты забыты, порочные идеи отвергнуты. В свое время бытовало мнение, что существование фермы, которой владеют и управляют свиньи, представляет собой ненормальное явление, оказывающее плохое влияние на соседей. Многие фермеры были безоговорочно уверены, что на ферме царит дух вседозволенности и распущенности. Они были обеспокоены тем влиянием, какое данная ферма может оказать на их собственный скот и даже на их работников. Но ныне не

существует никаких сомнений и тревог. Сегодня он лично и его друзья, посетив ферму, досконально осмотрели ее собственными глазами — и что же они обнаружили? Для всех фермеров могут служить вдохновляющим примером не только современные методы хозяйствования, но и установившиеся здесь дисциплина и порядок. Он уверен, что не будет ошибкой утверждать, что здесь рабочий скот трудится больше, а потребляет пищи меньше, чем на какой-либо другой ферме в округе. И он, и его друзья сегодня видели на ферме много нововведений, которые они постараются незамедлительно внедрить в своих хозяйствах.

Хотелось бы закончить свое выступление, сказал он, еще раз подчеркнув те дружеские связи, которые ныне должны существовать между скотским хутором и его соседями. Между свиньями и людьми ныне нет и не может быть коренных противоречий. У них одни и те же заботы и трудности, одни и те же проблемы, в частности, касающиеся работы. В этом месте мистер Пилкингтон хотел бросить собравшимся тщательно подготовленную концовку, но он слишком перенапрягся от волнения и оказался не в состоянии сделать это. Справившись с замешательством, отчего его многочисленные подбородки побагровели, он наконец произнес: «Если у вас есть рабочий скот, — сказал он, — то у нас есть рабочий класс!»

Этот каламбур вызвал за столом восторженный рев; а мистер Пилкингтон еще раз поблагодарил свиней за то, что с их помощью они смогут решить проблемы малого рациона, длинного рабочего дня и жесткой системы управления, которые они сегодня наблюдали на ферме.

А теперь, сказал он, он просит общество подняться, предварительно убедившись, что кружки наполнены. «Джентльмены, — завершая выступление, сказал он, — я предлагаю тост: за процветание скотского хутора!»

Все дружно и весело встали на ноги. В приливе благодарности Наполеон даже покинул свое место и обошел вокруг стола, чтобы чокнуться с мистером Пилкингтоном своей кружкой, прежде чем осушить ее. Когда

веселье несколько стихло, Наполеон, оставшийся стоять, заявил, что он тоже хочет сказать несколько слов.

Как и все выступления Наполеона, речь его была краткой и деловой. Он тоже, сказал Наполеон, счастлив, что период недоразумений подошел к концу. В течение долгого времени ходили слухи — распускавшиеся, как у него есть основания считать, нашими злостными врагами — что и он сам, и его коллеги придерживаются подозрительных и даже революционных воззрений. Что они, якобы, ставят себе целью вызвать волнения среди животных на соседних фермах. Но ничего нет более далекого от правды! Их единственное желание — и сейчас и в прошлом — жить в мире и поддерживать нормальные деловые отношения со своими соседями. Ферма, которой он имеет честь руководить, представляет собой кооперативное предприятие. Находящийся в его владении документ, определяющий право собственности, закрепляет это право за свиньями сообща.

Он не считает, сказал Наполеон, что какие-то старые подозрения еще могут иметь место, но, тем не менее, на ферме будут немедленно проведены определенные изменения, которые должны укрепить намечающийся между нами процесс сближения. Так, животные на ферме имеют дурацкую привычку обращаться друг к другу «товарищ». С этим будет покончено. Кроме того, существует очень странный обычай, истоки которого остаются неизвестными, по утрам в воскресенье маршировать мимо черепа старого хряка, прибитого гвоздями к палке. С этим тоже придется покончить, а череп, как полагается, предать погребению. Посетители также могли видеть развевающийся на мачте зеленый флаг. И они должны были обратить внимание, что, если раньше на нем красовались белые рог и копыто, то сейчас их уже нет. Отныне будет только чистое зеленое полотнище.

У него есть только одно замечание, сказал Наполеон, по поводу прекрасной, проникнутой духом добрососедства речи мистера Пилкингтона. Говоря о скотском хуторе, он, конечно, не знал, — поскольку Наполеон только сейчас сообщает об этом — что название «Скотский хутор» отныне не

существует. Отныне будет известна «Ферма "Усадьба"» — что, как он уверен, является ее исконным и правильным именем.

— Джентльмены, — завершил свое выступление Наполеон. — Я хочу вам предложить тот же самый тост, но несколько в иной форме. Наполните ваши стаканы до краев. Джентльмены, вот мой тост — за процветание «Фермы "Усадьба"»!

Этот тост был встречен таким же, как и раньше, взрывом веселья. Кружки были осушены до последней капли. Но тем, кто снаружи наблюдал эту сцену, начало казаться, что происходят странные вещи. Что изменилось в физиономиях свиней? Старые подслеповатые глаза Кловвер перебежали с одного лица на другое. Одно было украшено пятью подбородками, другое — четырьмя, у кое-кого было по три подбородка. Но почему лица эти расплывались перед ее глазами, меняя свое выражение? После того, как стихли аплодисменты и компания вернулась к картам, продолжая прерванную игру, животные тихо удалились.

Но не пройдя и двадцати метров, они остановились. С фермы до них донесся рев голосов. Кинувшись обратно, они снова приникли к окнам. Да, в гостиной разгорелась жестокая ссора. Раздавались крики, грохотали удары по столу, летели злобные взгляды, сыпались оскорбления. Источником волнения явилось то, что и Наполеон, и мистер Пилкингтон одновременно выбросили на стол по тузу пик.

Двенадцать голосов кричали одновременно, но все они были похожи. Теперь было ясно, что случилось со свиньями. Оставшиеся снаружи переводили взгляды от свиней к людям, от людей к свиньям, снова и снова всматривались они в лица тех и других, но уже было невозможно определить, кто есть кто.

## **ЖАНР ПРИТЧИ В МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА**

К общечеловеческим ценностям, издавна признанным мировым сообществом, относятся жизнь, свобода, счастье, а также высшие проявления природы человека, раскрывающиеся в его общении с другими людьми. В числе общечеловеческих ценностей также находятся мир, жизнь человека, представления о справедливости, свободе, правах и обязанностях людей, дружбе и любви, родственные связи, ценности самосохранения, ценности самоутверждения и др.

Проблему формирования правильных ценностных ориентиров человечества на протяжении XX века активно обсуждали авторитетные ученые, философы, социологи, культурологи. Не оставались в стороне и ведущие писатели. Они создавали произведения, которые даже спустя много лет воспринимаются как своеобразная позитивная программа развития каждой конкретной личности и общества в целом. Такие образцы мировой литературы часто имеют притчевый характер.

**Притча** – это небольшой рассказ в стихах или прозе в аллегорической, назидательной форме. Возник жанр притчи на Востоке в древности, где любили говорить загадками, иносказаниями, аллегориями. Притча обязательно включает объяснение аллегории, чтобы читателю был ясен смысл иносказания. Исходя из основной цели, притча претендует на общечеловеческое обобщение, не обращая порой внимания на частные вопросы.

**Аллегория (иносказание)** – выражение, заключающее в себе скрытый, иногда философский смысл.

**Назидание** – метод воспитания, состоящий в поучениях, наставлениях, личных и иных примерах. Таким методом учат людей жить, анализируют их и чужие поступки, дают образцы для подражания.

Немногие писатели-прозаики могут похвастаться тем, что читатель почти наизусть знает их произведения, целые фразы из которых самым естественным образом вошли в обычную жизнь. А бывает и наоборот: услышав интересную цитату, нам хочется прочитать книгу полностью. Именно так случилось с произведениями Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц», Эрнеста Хемингуэя «Старик и море» и Габриэля Гарсиа Маркеса «Очень старый человек с крыльями». Созданные в середине XX века, благодаря своей притчевой основе и глубокой философской проблематике они до сих пор остаются широко популярными среди читателей разных стран мира.

### **АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ (1900-1944)**

Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери – выдающийся французский писатель-эссеист, поэт-гуманист, профессиональный летчик. Многие моменты яркой биография А. де Сент-Экзюпери послужили толчком для развития его литературного дара.

Будущий писатель родился 29 июня 1900 года в Лионе, во Франции. Начальное образование он получил в школе братьев-христиан Святого Варфоломея. С 1908 по 1914 гг. обучался в иезуитском колледже Сент-Круа. А. де Экзюпери обладал многими талантами: сочинял стихи, рисовал, играл на скрипке, был неутомимым фантазером и выдумщиком. В 1919 г. он записался вольнослушателем в Национальную высшую школу изящных искусств, на архитектурное отделение. Но самой большой страстью Антуана было небо. Свой первый полет он совершил в 12 лет: его взял с собой знаменитый лётчик Габриэль Вроблевски. Поэтому не удивительно, что 1921 год стал поворотным в судьбе А. де Сент-Экзюпери. Молодого человека призвали в армию, где он был зачислен в Страсбургский полк истребительной авиации. После успешной сдачи экзамена, он получил права



военного летчика, а в 1922 г. – звание младшего лейтенанта. С этого времени небо стало для будущего писателя способом познания мира и человеческой души.

Год спустя А. де Сент-Экзюпери попал в первую в своей жизни авиакатастрофу, результатом которой стала черепно-мозговая травма. После комиссования, он перебрался в Париж и посвятил себя литературному творчеству. Но тосковать по небу не перестал и вскоре вернулся в авиацию – в 1926 г. получил должность пилота в компании «Аэропосталь». В это же время, став начальником промежуточной станции на краю Сахары, он создал роман «Южный почтовый».

В 1931 г. А. де Сент-Экзюпери опубликовал повесть «Ночной полет», получившую престижную литературную премию «Фемина». В 1938 г. было создано одно из лучших произведений писателя – «Планета людей», которую многие критики называли настоящей «одой гуманизму». В 1939 г. этот роман получил престижные награды – Большую премию Французской академии и Национальную премию США.

Во время Второй мировой войны А. де Сент-Экзюпери продолжал служить в авиации. Он совершил несколько боевых вылетов, выполнил немало задач по аэрофоторазведке, за что в итоге был представлен к награде «Военный крест». Когда Франция потерпела поражение от гитлеровской Германии, А. де Сент-Экзюпери перебрался в Соединенные Штаты Америки, где создал одно из наиболее популярных в мировой литературе произведений – философскую повесть-сказку для детей и взрослых «Маленький принц» (1943 г.). В этом же году он вернулся на фронт и успешно освоил пилотирование новейшего скоростного самолета «Лайтинг Р-38».

А. де Сент-Экзюпери ушел из жизни 31 июля 1944 года, не вернувшись из очередного полета. Долгое время место и обстоятельства его гибели не были известны. В конце 1998 года в море близ Марселя один рыбак обнаружил браслет, принадлежавший писателю. А в 2003 году со дна моря

были подняты обломки самолета. Экспертиза показала, что это был самолет А. де Экзюпери. Несколькими годами позже один из бывших немецких летчиков времен Второй мировой войны заявил, что именно он, скорее всего, сбил самолет, которым управлял знаменитый писатель. Правда, о том, кто был в кабине самолета, он не знал.

## ЗАДАНИЯ

1. **Познакомьтесь с биографией А. де Сент-Экзюпери. Подумайте, какие факты из жизни писателя имели влияние на его творчество.**
2. **Прочитайте повесть-сказку «Маленький принц». Определите основные проблемы, поднятые автором. Подумайте, какие художественные приёмы использует писатель для реализации своего замысла.**

*Ссылки на электронную версию книги:*

- [http://loveread.ec/view\\_global.php?id=1833](http://loveread.ec/view_global.php?id=1833)

- <https://deti-online.com/skazki/sbornik-skazok/malenkiy-princ/>

3. **Подготовьтесь к аудиторному обсуждению повести, составив карту памяти к каждой из глав.**

## МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

### Посвящение

*Прошу детей простить меня за то, что я посвятил эту книжку взрослому. Скажу в оправдание: этот взрослый - мой самый лучший друг. И еще: он понимает все на свете, даже детские книжки. И наконец, он живет во Франции, а там сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается в утешении. Если же все это меня не оправдывает, я посвящу свою книжку тому мальчику, каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все взрослые*

сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит. Итак, я исправляю посвящение:

*ЛЕОНУ ВЕРТУ, когда он был маленьким*

## Глава 1

Когда мне было шесть лет, в книге под названием "Правдивые истории", где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея - удав - глотала хищного зверя. Вот как это было нарисовано:



В книге говорилось: "Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит пищу".

Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок № 1. Вот что я нарисовал:



Я показал мое творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

- Разве шляпа страшная? - возразили мне. А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им ведь всегда нужно все объяснять. Вот мой рисунок № 2:



Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что с шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им все объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбрать другую профессию, и я выучился на летчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьешься с пути.

На своем веку я много встречал разных серьезных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумней и понятливей других, я показывал ему свой рисунок № 1 - я его сохранил и всегда носил с собой. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: "Это шляпа". И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звездах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

## **Глава 2**

Так я жил в одиночестве, и не с кем было мне поговорить по душам. И вот шесть лет назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам все починить, хоть это и очень

трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, и тот был бы не так одинок. Вообразите же мое удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

- Пожалуйста... нарисуй мне барашка!

- А?..

- Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протер глаза. Начал осматриваться. И вижу - стоит необыкновенный какой-то малыш и серьезно меня разглядывает.



Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моем рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые внушили мне, что

художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов - снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать, что это ребенок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья.

Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

- Но... что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьезно:

- Пожалуйста... нарисуй мне барашка...

Все это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться. Хоть и нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я все-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, - и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что не умею рисовать. Он ответил:

- Все равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать, - удава снаружи. И очень изумился, когда малыш воскликнул:

- Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасен, а слон слишком большой. У меня дома все очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.



Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

- Нет, этот барашек уже совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.



Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

- Ты же сам видишь, - сказал он, - это не барашек. Это большой баран. У него рога...

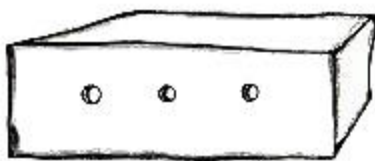
Я опять нарисовал по-другому.



Но он и от этого рисунка отказался.

- Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение - ведь надо было поскорее разобрать мотор - и нацарапал вот что:



И сказал малышу:

- Вот тебе ящик. А в нем сидит твой барашек.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

- Вот такого мне и надо! Как ты думаешь, много он ест травы?

- А что?

- Ведь у меня дома всего очень мало...

- Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

- Не такого уж маленького... - сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. - Смотри-ка! Мой барашек уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

### Глава 3

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но, когда я спрашивал о чем-нибудь, он будто и не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне все открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолет (самолет я рисовать не стану, мне все равно не справиться), он спросил:

- Что это за штука?

- Это не штука. Это самолет. Мой самолет. Он летает.

И я с гордостью объяснил, что умею летать. Тогда малыш воскликнул:

- Как! Ты упал с неба?

- Да, - скромно ответил я.

- Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьезно. Потом он прибавил:

- Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

- Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне! - подумал я и спросил напрямик:

- Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая самолет:

- Ну, на этом ты не мог прилететь издалека...

И надолго задумался о чем-то. Потом вынул из кармана барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.



Можете себе представить, как разгорелось мое любопытство от странного полупризнания о "других планетах". И я попытался разузнать побольше:

- Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

- Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

- Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе веревку, чтобы днем его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

- Привязывать? Для чего это?

- Но ведь если его не привязать, он забредет неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

- Да куда же он пойдет?

- Мало ли куда? Все прямо, прямо, куда глаза глядят.

Тогда Маленький принц сказал серьезно:

- Это ничего, ведь у меня там очень мало места.

И прибавил не без грусти:

- Если идти все прямо да прямо, далеко не уйдешь...

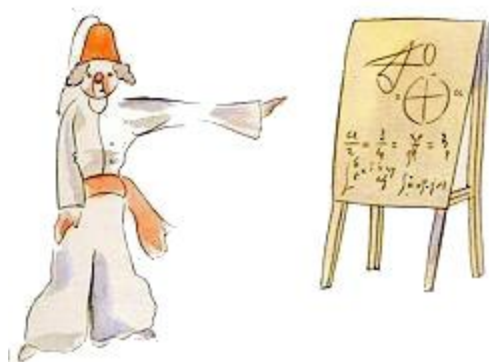
#### **Глава 4**

Так я сделал еще одно важное открытие: его родная планета вся-то величиной с дом!

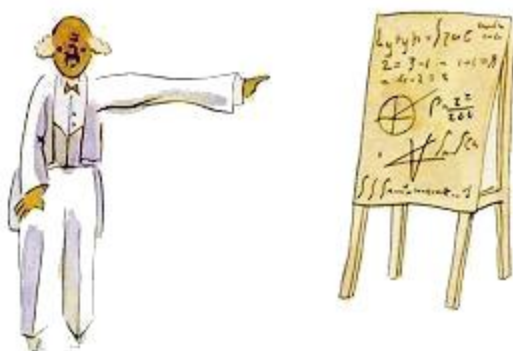
Впрочем, это меня не слишком удивило. Я знал, что кроме таких больших планет, как Земля, Юпитер, Марс, Венера, существуют еще сотни других, которым даже имен не дали, и среди них такие маленькие, что их и в телескоп трудно разглядеть. Когда астроном открывает такую планетку, он дает ей не имя, а просто номер. Например, астероид 3251.

У меня есть серьезные основания полагать, что Маленький принц прилетел с планетки, которая называется "астероид Б-612". Этот астероид был замечен в телескоп лишь один раз, в 1909 году, одним турецким астрономом.

Астроном доложил тогда о своем замечательном открытии на Международном астрономическом конгрессе. Но никто ему не поверил, а все потому, что он был одет по-турецки. Уж такой народ эти взрослые!



К счастью для репутации астероида Б-612, правитель Турции велел своим подданным под страхом смерти носить европейское платье. В 1920 году тот астроном снова доложил о своем открытии. На этот раз он был одет по последней моде - и все с ним согласились.



Я вам рассказал так подробно об астероиде Б-612 и даже сообщил его номер только из-за взрослых. Взрослые очень любят цифры. Когда рассказываешь им, что у тебя появился новый друг, они никогда не спросят о самом главном. Никогда они не скажут: "А какой у него голос? В какие игры он любит играть? Ловит ли он бабочек?" Они спрашивают: "Сколько ему лет? Сколько у него братьев? Сколько он весит? Сколько зарабатывает его отец?" И после этого воображают, что узнали человека. Когда говоришь

взрослым: "Я видел красивый дом из розового кирпича, в окнах у него герань, а на крыше голуби", - они никак не могут представить себе этот дом. Им надо сказать: "Я видел дом за сто тысяч франков", - и тогда они восклицают: "Какая красота!"

Точно так же, если им сказать: "Вот доказательства, что Маленький принц на самом деле существовал - он был очень, очень славный, он смеялся, и ему хотелось иметь барашка. А кто хочет барашка, тот уж конечно существует", - если сказать так, они только пожмут плечами и посмотрят на тебя как на несмышленного младенца. Но если сказать им: "Он прилетел с планеты, которая называется астероид Б-612", - это их убедит, и они не станут докучать вам расспросами. Уж такой народ эти взрослые. Не стоит на них сердиться. Дети должны быть очень снисходительны к взрослым.

Но мы, те, кто понимает, что такое жизнь, - мы, конечно, смеемся над номерами и цифрами! Я охотно начал бы эту повесть как волшебную сказку. Я хотел бы начать так:

"Жил да был Маленький принц. Он жил на планете, которая была чуть побольше его самого, и ему очень не хватало друга..." Те, кто понимает, что такое жизнь, сразу увидели бы, что это гораздо больше похоже на правду.

Ибо я совсем не хочу, чтобы мою книжку читали просто ради забавы. Сердце мое больно сжимается, когда я вспоминаю моего маленького друга, и нелегко мне о нем говорить. Вот уже шесть лет, как мой друг вместе с барашком меня покинул. И я пытаюсь рассказать о нем для того, чтобы его не забыть. Это очень печально, когда забывают друзей. Не у всякого был друг. И я боюсь стать таким, как взрослые, которым ничто не интересно, кроме цифр. Еще и потому я купил ящик с красками и цветные карандаши. Не так это просто - в моем возрасте вновь приниматься за рисование, если за всю свою жизнь только и нарисовал что удава снаружи и изнутри, да и то в шесть лет! Конечно, я стараюсь передать сходство как можно лучше. Но я совсем не уверен, что у меня это получится. Один портрет выходит удачно, а другой ни капли не похож. Вот и с ростом то же: на одном рисунке принц у

меня чересчур большой, на другом - чересчур маленький. И я плохо помню, какого цвета была его одежда. Я пробую рисовать и так и эдак, наугад, с грехом пополам. Наконец, я могу ошибиться и в каких-то важных подробностях. Но вы уж не взыщите. Мой друг никогда мне ничего не объяснял. Может быть, он думал, что я такой же, как он. Но я, к сожалению, не умею увидеть барашка сквозь стенки ящика. Может быть, я немного похож на взрослых. Наверно, я старею.

## Глава 5

Каждый день я узнавал что-нибудь новое о его планете, о том, как он ее покинул и как странствовал. Он рассказывал об этом понемножку, когда приходилось к слову. Так, на третий день я узнал о трагедии с баобабами.

Это тоже вышло из-за барашка. Казалось, Маленьким принцем вдруг овладели тяжкие сомнения, и он спросил:

- Скажи, ведь правда барашки едят кусты?

- Да, правда.

- Вот хорошо!

Я не понял, почему это так важно, что барашки едят кусты. Но Маленький принц прибавил: - Значит, они и баобабы тоже едят?

Я возразил, что баобабы - не кусты, а огромные деревья, вышиной с колокольню, и если даже он приведет целое стадо слонов, им не съесть и одного баобаба.

Услышав про слонов, Маленький принц засмеялся:

- Их пришлось бы поставить друг на друга...

А потом сказал рассудительно:

- Баобабы сперва, пока не вырастут, бывают совсем маленькие.

- Это верно. Но зачем твоему барашку есть маленькие баобабы?

- А как же! - воскликнул он, словно речь шла о самых простых, азбучных истинах.

И пришлось мне поломать голову, пока я додумался, в чем тут дело.

На планете Маленького принца, как на любой другой планете, растут травы полезные и вредные. А значит, есть там хорошие семена хороших, полезных трав и вредные семена дурной, сорной травы. Но ведь семена невидимы. Они спят глубоко под землей, пока одно из них не вздумает проснуться. Тогда оно пускает росток; он расправляется и тянется к солнцу, сперва такой милый, безобидный. Если это будущий редис или розовый куст, пусть растет на здоровье. Но если это какая-нибудь дурная трава, надо вырвать ее с корнем, как только ее узнаешь. И вот на планете Маленького принца есть ужасные, зловредные семена... Это семена баобабов. Почва планеты вся заражена ими. А если баобаб не распознать вовремя, потом от него уже не избавишься. Он завладеет всей планетой. Он пронизет ее насквозь своими корнями. И если планета очень маленькая, а баобабов много, они разорвут ее на клочки.

- Есть такое твердое правило, - сказал мне после Маленький принц. - Встал поутру, умылся, привел себя в порядок - и сразу же приведи в порядок свою планету. Непременно надо каждый день выпалывать баобабы, как только их уже можно отличить от розовых кустов: молодые ростки у них почти одинаковые. Это очень скучная работа, но совсем не трудная.



Однажды он посоветовал мне постараться и нарисовать такую картинку, чтобы и у нас дети это хорошо поняли.

- Если им когда-нибудь придется путешествовать, - сказал он, - это им пригодится. Иная работа может и подождать немного - вреда не будет. Но если дашь волю баоабам, беды не миновать. Я знал одну планету, на ней жил лентяй. Он не выполол вовремя три кустика...



Маленький принц подробно мне все описал, и я нарисовал эту планету. Терпеть не могу читать людям нравоучения. Но мало кто знает, чем грозят баобабы, а опасность, которой подвергается всякий, кто попадет на астероид, очень велика; вот почему на сей раз я решаюсь изменить своей обычной сдержанности. "Дети! - говорю я. - Берегитесь баобабов!" Я хочу предупредить моих друзей об опасности, которая давно уже их подстерегает, а они даже не подозревают о ней, как не подозревал прежде и я. Вот почему я так трудился над этим рисунком, и мне не жаль потраченного труда. Быть может, вы спросите: отчего в моей книжке нет больше таких внушительных рисунков, как этот, с баобабами? Ответ очень прост: я старался, но у меня ничего не вышло. А когда я рисовал баобабы, меня вдохновляло сознание, что это страшно важно и неотложно.

## Глава 6

О Маленький принц! Понемногу я понял также, как печальна и однообразна была твоя жизнь. Долгое время у тебя было лишь одно развлечение - ты любовался закатом. Я узнал об этом наутро четвертого дня, когда ты сказал:

- Я очень люблю закат. Пойдем посмотрим, как заходит солнце.

- Ну, придется подождать.

- Чего ждать?

- Чтобы солнце зашло.

Сначала ты очень удивился, а потом засмеялся над собою и сказал:

- Мне все кажется, что я у себя дома!

И в самом деле. Все знают, что, когда в Америке полдень, во Франции солнце уже заходит. И если бы за одну минуту перенестись во Францию, можно было бы полюбоваться закатом. К несчастью, до Франции очень, очень далеко. А на твоей планетке тебе довольно было передвинуть стул на несколько шагов. И ты опять и опять смотрел на закатное небо, стоило только захотеть...

- Однажды я за один день видел заход солнца сорок три раза!

И немного погодя ты прибавил:

- Знаешь... когда очень грустно, хорошо поглядеть, как заходит солнце...

- Значит, в тот день, когда ты видел сорок три заката, тебе было очень грустно?

Но Маленький принц не ответил.

## Глава 7

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришел к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

- Если барашек ест кусты, он и цветы ест?

- Он ест все, что попадется.

- Даже такие цветы, у которых шипы?

- Да, и те, у которых шипы.

- Тогда зачем шипы?

Этого я не знал. Я был очень занят: в моторе заело один болт, и я старался его отвернуть. Мне было не по себе, положение становилось серьезным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

- Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц уже не отступался, пока не получал ответа. Неподатливый болт выводил меня из терпенья, и я ответил наобум:

- Шипы ни за чем не нужны, цветы выпускают их просто от злости.

- Вот как!

Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

- Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают: если у них шипы, их все боятся...

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: "Если этот болт и сейчас не поддастся, я так стукну по нему молотком, что он разлетится вдребезги".

Маленький принц снова перебил мои мысли:

- А ты думаешь, что цветы...

- Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьезным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении.

- Серьезным делом?!

Он все смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

- Ты говоришь, как взрослые! - сказал он.



Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

- Все ты путаешь... ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он тряхнул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

- Я знаю одну планету, там живет такой господин с багровым лицом. Он за всю свою жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: складывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: "Я человек серьезный! Я человек серьезный!" - совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

- Что?

- Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

- Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело - понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьезнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растет только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек в одно прекрасное утро вдруг возьмет и съест его и даже не будет знать, что он натворил? И это все, по-твоему, не важно?

Он густо покраснел. Потом снова заговорил:

- Если любишь цветок - единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звезд, - этого довольно: смотришь на небо - и ты счастлив. И говоришь себе: "Где-то там живет мой цветок..." Но если барашек его съест, это все равно как если бы все звезды разом погасли! И это, по-твоему, не важно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Я и думать забыл про злополучный болт и молоток, про жажду и

смерть. На звезде, на планете - на моей планете по имени Земля, - плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на руки и стал баюкать. Я говорил ему: "Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку намордник... Нарисую для твоего цветка броню... Я..." Я не знал, что еще ему сказать. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез...

## Глава 8

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы - у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесенного неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нем появился бутон. Маленький принц никогда еще не видал таких огромных бутонов и предчувствовал, что увидит чудо. А неведомая гостья, скрытая в стенах своей зеленой комнатки, все готовилась, все прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрепанная, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днем. И вот однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позевывая:

- Ах, я насилу проснулась... Прошу извинить... Я еще совсем растрепанная...

Маленький принц не мог сдержать восторга:

- Как вы прекрасны!

- Да, правда? - был тихий ответ. - И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

- Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с ней измучился. У нее было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

- Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

- На моей планете тигры не водятся, - возразил Маленький принц. - И потом, тигры не едят траву.

- Я не трава, - тихо заметил цветок.

- Простите меня...

- Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

- Растение, а боится сквозняков... очень странно... - подумал Маленький принц. - Какой трудный характер у этого цветка.

- Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я прибыла...

Она не договорила. Ведь ее занесло сюда, когда она была еще зернышком. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда

тебя так легко уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

- Где же ширма?

- Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его все-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок, и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

- Напрасно я ее слушал, - доверчиво сказал он мне однажды. - Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И еще он признался:

- Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен был бежать. За этими жалкими хитростями и уловками надо было угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я еще не умел любить.

## Глава 9

Как я понял, он решил странствовать с перелетными птицами.

В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо прочистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был еще один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана - это все равно что пожар в печной трубе, когда там

загорится сажа. Конечно, мы, люди на Земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Потом Маленький принц не без грусти вырвал последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернется. Но в то утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил чудесный цветок и собрался накрыть колпаком, ему даже захотелось плакать.



- Прощайте, - сказал он.

Красавица не ответила.

- Прощайте, - повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

- Я была глупая, - сказала она наконец. - Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрека. Маленький принц очень удивился. Он застыл, растерянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

- Да, да, я люблю тебя, - услышал он. - Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как я. Постарайся быть счастливым... Оставь колпак, он мне больше не нужен.

- Но ветер...

- Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдет мне на пользу. Ведь я - цветок.

- Но звери, насекомые...

- Должна же я стерпеть двух-трех гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, наверно, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

- Да не таяни же, это невыносимо! Решил уйти - так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

## **Глава 10**

Ближе всего к планете Маленького принца были астероиды 325, 326, 327, 328, 329 и 330. Вот он и решил для начала посетить их: надо же найти себе занятие да и поучиться чему-нибудь.

На первом астероиде жил король. Облаченный в пурпур и горностаи, он восседал на троне, очень простом и все же величественном.



- А, вот и подданный! - воскликнул король, увидав Маленького принца.

- Как же он меня узнал? - подумал Маленький принц. - Ведь он видит меня в первый раз!

Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощенно: для них все люди - подданные.

- Подойди, я хочу тебя рассмотреть, - сказал король, ужасно гордый тем, что он может быть для кого-то королем.

Маленький принц оглянулся - нельзя ли где-нибудь сесть, но великолепная горностаевая мантия покрывала всю планету. Пришлось стоять, а он так устал... И вдруг он зевнул.

- Этикет не разрешает зевать в присутствии монарха, - сказал король. - Я запрещаю тебе зевать.

- Я нечаянно, - ответил Маленький принц, очень смущенный. - Я долго был в пути и совсем не спал...

- Ну, тогда я повелеваю тебе зевать, - сказал король. - Многие годы я не видел, чтобы кто-нибудь зевал. Мне это даже любопытно. Итак, зевай! Таков мой приказ.

- Но я робею... я больше не могу... - вымолвил Маленький принц и густо покраснел.

- Гм, гм... Тогда... тогда я повелеваю тебе то зевать, то...

Король запутался и, кажется, даже немного рассердился.

Ведь для короля самое важное - чтобы ему повиновались беспрекословно. Непокорства он бы не потерпел. Это был абсолютный монарх. Но он был очень добр, а потому отдавал только разумные приказания.

- Если я повелю своему генералу обернуться морской чайкой, - говаривал он, - и если генерал не выполнит приказа, это будет не его вина, а моя.

- Можно мне сесть? - робко спросил Маленький принц.

- Повелеваю: сядь! - отвечал король и величественно подобрал одну полу своей горностаевой мантии.

Но Маленький принц недоумевал. Планетка такая крохотная. Где же тут царствовать?

- Ваше величество, - начал он, - позвольте вас спросить...

- Повелеваю: спрашивай! - поспешно сказал король.

- Ваше величество... Где же ваше королевство?

- Везде, - просто ответил король.

- Везде?

Король повел рукою, скромно указывая на свою планету, а также и на другие планеты, и на звезды.

- И все это ваше? - переспросил Маленький принц.

- Да, - отвечал король.

Ибо он был поистине полновластный монарх и не знал никаких пределов и ограничений.

- И звезды вам повинуются? - спросил Маленький принц.

- Ну конечно, - отвечал король. - Звезды повинуются мгновенно. Я не терплю непослушания.



Маленький принц был восхищен. Вот бы ему такое могущество! Он бы тогда любовался закатом не сорок четыре раза в день, а семьдесят два, а то и сто, и двести раз, и при этом даже не приходилось бы передвигать стул с места на место! Тут он снова загрустил, вспоминая свою покинутую планету, и, набравшись храбрости, попросил короля:

- Мне хочется поглядеть на заход солнца... Пожалуйста, сделайте милость, повелите солнцу закатиться...

- Если я прикажу какому-нибудь генералу порхать бабочкой с цветка на цветок, или сочинить трагедию, или обернуться морской чайкой и генерал не выполнит приказа, кто будет в этом виноват - он или я?

- Вы, ваше величество, - ни минуты не колеблясь, ответил Маленький принц.

- Совершенно верно, - подтвердил король. - С каждого надо спрашивать то, что он может дать. Власть, прежде всего, должна быть разумной. Если ты повелишь своему народу броситься в море, он устроит революцию. Я имею право требовать послушания, потому что веления мои разумны.

- А как же заход солнца? - напомнил Маленький принц: раз о чем-нибудь спросив, он уже не отступался, пока не получал ответа.

- Будет тебе и заход солнца. Я потребую, чтобы солнце зашло. Но сперва дождусь благоприятных условий, ибо в этом и состоит мудрость правителя.

- А когда условия будут благоприятные? - осведомился Маленький принц.

- Гм, гм, - ответил король, листая толстый календарь. - Это будет... гм, гм... сегодня это будет в семь часов сорок минут вечера. И тогда ты увидишь, как точно исполнится мое повеление.

Маленький принц зевнул. Жаль, что тут не поглядишь на заход солнца, когда хочется! И, по правде говоря, ему уже стало скучновато.

- Мне пора, - сказал он королю. - Больше мне здесь нечего делать.

- Остайся! - сказал король: он был очень горд тем, что у него нашелся подданный, и не хотел с ним расставаться. - Остайся, я назначу тебя министром.

- Министром чего?

- Ну... правосудия.

- Но ведь здесь некого судить!

- Как знать, - возразил король. - Я еще не осмотрел всего моего королевства. Я очень стар, для кареты у меня нет места, а ходить пешком так утомительно...

Маленький принц наклонился и еще раз заглянул на другую сторону планеты.

- Но я уже посмотрел! - воскликнул он. - Там тоже никого нет.

- Тогда суди сам себя, - сказал король. - Это самое трудное. Себя судить куда труднее, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр.

- Сам себя я могу судить где угодно, - сказал Маленький принц. - Для этого мне незачем оставаться у вас.

- Гм, гм... - сказал король. - Мне кажется, где-то на моей планете живет старая крыса. Я слышу, как она скребется по ночам. Ты мог бы судить эту старую крысу. Время от времени приговаривай ее к смертной казни. От тебя будет зависеть ее жизнь. Но потом каждый раз надо будет ее помиловать. Надо беречь старую крысу: она ведь у нас одна.

- Не люблю я выносить смертные приговоры, - сказал Маленький принц.

- И вообще мне пора.

- Нет, не пора, - возразил король.

Маленький принц уже совсем собрался в дорогу, но ему не хотелось огорчать старого монарха.

- Если вашему величеству угодно, чтобы ваши повеления беспрекословно исполнялись, - сказал он, - вы могли бы отдать мне благоразумное приказание. Например, повелите мне пуститься в путь, не

мешкая ни минуты... Мне кажется, условия для этого самые что ни на есть благоприятные...

Король не отвечал, и Маленький принц немного помедлил в нерешимости, потом вздохнул и отправился в путь.

- Назначаю тебя послом! - поспешно крикнул вдогонку ему король.

И вид у него при этом был такой, точно он не потерпел бы никаких возражений.

- Странный народ эти взрослые, - сказал себе Маленький принц, продолжая путь.

## Глава 11

На второй планете жил честолюбец.



- О, вот и почитатель явился! - воскликнул он, еще издали завидев Маленького принца.

Ведь тщеславные люди воображают, что все ими восхищаются.

- Добрый день, - сказал Маленький принц. - Какая у вас забавная шляпа.

- Это чтобы раскланиваться, - объяснил честолюбец. - Чтобы раскланиваться, когда меня приветствуют. К несчастью, сюда никто не заглядывает.

- Вот как? - промолвил Маленький принц: он ничего не понял.

- Похлопай-ка в ладоши, - сказал ему честолюбец.

Маленький принц захлопал в ладоши. Честолюбец приподнял шляпу и скромно раскланялся.

- Здесь веселее, чем у старого короля, - подумал Маленький принц. И опять стал хлопать в ладоши. А честолюбец опять стал раскланиваться, снимая шляпу.

Так минут пять подряд повторялось одно и то же, и Маленькому принцу это наскучило.

- А что надо сделать, чтобы шляпа упала? - спросил он.

Но честолюбец не слышал. Тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвал.

- Ты и правда мой восторженный почитатель? - спросил он Маленького принца.

- А как это - почитать?

- Почитать - значит признавать, что на этой планете я всех красивее, всех наряднее, всех богаче и всех умней.

- Да ведь на твоей планете больше и нет никого!

- Ну, доставь мне удовольствие, все равно восхищайся мною!

- Я восхищаюсь, - сказал Маленький принц, слегка пожав плечами, - но какая тебе от этого радость?

И он сбежал от честолюбца.

- Право же, взрослые - очень странные люди, - только и подумал он, пускаясь в путь.

## Глава 12

На следующей планете жил пьяница. Маленький принц пробыл у него совсем недолго, но стало ему после этого очень невесело.



Когда он явился на эту планету, пьяница молча сидел, уставясь на полчища бутылок - пустых и полных.

- Что это ты делаешь? - спросил Маленький принц.

- Пью, - мрачно ответил пьяница.

- Зачем?

- Чтобы забыть.

- О чем забыть? - спросил Маленький принц. Ему стало жаль пьяницу.

- Хочу забыть, что мне совестно, - признался пьяница и повесил голову.

- Отчего же тебе совестно? - спросил Маленький принц. Ему очень хотелось помочь бедняге.

- Совестно пить! - объяснил пьяница, и больше от него нельзя было добиться ни слова.

И Маленький принц отправился дальше, растерянный и недоумевающий.

- Да, право же, взрослые очень, очень странный народ, - подумал он, продолжая путь.

### Глава 13

Четвертая планета принадлежала деловому человеку. Он был так занят, что при появлении Маленького принца даже головы не поднял.

- Добрый день, - сказал ему Маленький принц. - Ваша сигарета погасла.

- Три да два - пять. Пять да семь - двенадцать. Двенадцать да три - пятнадцать. Добрый день. Пятнадцать да семь - двадцать два. Двадцать два да шесть - двадцать восемь. Некогда спичкой чиркнуть. Двадцать шесть да пять - тридцать один. Уф! Итого, стало быть, пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать один.

- Пятьсот миллионов чего?

- А? Ты еще здесь? Пятьсот миллионов... Уж не знаю чего... У меня столько работы! Я человек серьезный, мне не до болтовни! Два да пять - семь...

- Пятьсот миллионов чего? - повторил Маленький принц: спросив о чем-нибудь, он не отступался, пока не получал ответа.



Деловой человек поднял голову.

- Уже пятьдесят четыре года я живу на этой планете, и за все время мне мешали только три раза. В первый раз, двадцать два года тому назад, ко мне откуда-то залетел майский жук. Он поднял ужасный шум, и я тогда сделал четыре ошибки в сложении. Во второй раз, одиннадцать лет тому назад, у меня был приступ ревматизма. От сидячего образа жизни. Мне разгуливать некогда. Я человек серьезный. Третий раз... вот он! Итак, стало быть, пятьсот миллионов...

- Миллионов чего?

Деловой человек понял, что надо ответить, а то не будет ему покоя.

- Пятьсот миллионов этих маленьких штук, которые иногда видны в воздухе.

- Это что же, мухи?

- Да нет же, такие маленькие, блестящие.

- Пчелы?

- Да нет же. Такие маленькие, золотые, всякий лентяй как посмотрит на них, так и размечтается. А я человек серьезный. Мне мечтать некогда.

- А, звезды?

- Вот-вот. Звезды.

- Пятьсот миллионов звезд? Что же ты с ними со всеми делаешь?

- Пятьсот один миллион шестьсот двадцать две тысячи семьсот тридцать одна. Я человек серьезный, я люблю точность.

- Что же ты делаешь со всеми этими звездами?

- Что делаю?

- Да.

- Ничего не делаю. Я ими владею.

- Владеешь звездами?

- Да.

- Но я уже видел короля, который...

- Короли ничем не владеют. Они только царствуют. Это совсем не одно и то же.

- А для чего тебе владеть звездами?

- Чтобы быть богатым.

- А для чего быть богатым?

- Чтобы покупать еще новые звезды, если их кто-нибудь откроет.

- Он рассуждает, почти как тот пьяница, - подумал Маленький принц.

И стал спрашивать дальше:

- А как можно владеть звездами?

- Звезды чьи? - ворчливо спросил делец.

- Не знаю. Ничьи.

- Значит, мои, потому что я первый до этого додумался.

- И этого довольно?

- Ну конечно. Если ты найдешь алмаз, у которого нет хозяина, - значит, он твой. Если ты найдешь остров, у которого нет хозяина, - он твой. Если тебе первому придет в голову какая-нибудь идея, ты берешь на нее патент: она твоя. Я владею звездами, потому что до меня никто не догадался ими завладеть.

- Вот это верно, - сказал Маленький принц. - А что же ты с ними делаешь?

- Распоряжаюсь ими, - ответил делец. - Считаю их и пересчитываю. Это очень трудно. Но я человек серьезный.

Однако Маленькому принцу этого было мало.

- Если у меня есть шелковый платок, я могу повязать его вокруг шеи и унести с собой, - сказал он. - Если у меня есть цветок, я могу его сорвать и унести с собой. А ты ведь не можешь забрать звезды!

- Нет, но я могу положить их в банк.

- Как это?

- А так: пишу на бумажке, сколько у меня звезд. Потом кладу эту бумажку в ящик и запираю его на ключ.



- И все?

- Этого довольно.

- Забавно! - подумал Маленький принц. - И даже поэтично. Но не так уж это серьезно.

Что серьезно, а что несерьезно - это Маленький принц понимал по своему, совсем не так, как взрослые.

- У меня есть цветок, - сказал он, - и я каждое утро его поливаю. У меня есть три вулкана, я каждую неделю их прочищаю. Все три прочищаю, и потухший тоже. Мало ли что может случиться. И моим вулканам, и моему цветку полезно, что я ими владею. А звездам от тебя нет никакой пользы...

Деловой человек открыл было рот, но так и не нашелся что ответить, и Маленький принц отправился дальше.

- Нет, взрослые и правда поразительный народ, - простодушно говорил он себе, продолжая путь.

## Глава 14

Пятая планета была очень занятная. Она оказалась меньше всех. На ней только и помещалось что фонарь да фонарщик.



Маленький принц никак не мог понять, для чего на крохотной, затерявшейся в небе планетке, где нет ни домов, ни жителей, нужны фонарь и фонарщик. Но он подумал:

"Может быть, этот человек и нелеп. Но он не так нелеп, как король, честолюбец, делец и пьяница. В его работе все-таки есть смысл. Когда он зажигает свой фонарь - как будто рождается еще одна звезда или цветок. А когда он гасит фонарь - как будто звезда или цветок засыпают. Прекрасное занятие. Это по-настоящему полезно, потому что красиво".

И, поравнявшись с этой планеткой, он почтительно поклонился фонарщику.

- Добрый день, - сказал он. - Почему ты сейчас погасил фонарь?

- Такой уговор, - ответил фонарщик. - Добрый день.

- А что это за уговор?

- Гасить фонарь. Добрый вечер.

И он снова засветил фонарь.

- Зачем же ты опять его зажег?

- Такой уговор, - повторил фонарщик.

- Не понимаю, - признался Маленький принц.

- И понимать нечего, - сказал фонарщик. - Уговор есть уговор. Добрый день.

И погасил фонарь.

Потом красным клетчатым платком утер пот со лба и сказал:

- Тяжкое у меня ремесло. Когда-то это имело смысл. Я гасил фонарь по утрам, а вечером опять зажигал. У меня оставался день, чтобы отдохнуть, и ночь, чтобы выспаться...

- А потом уговор переменялся?

- Уговор не менялся, - сказал фонарщик. - В том-то и беда! Моя планета год от года вращается все быстрее, а уговор остается прежний.

- И как же теперь? - спросил Маленький принц.

- Да вот так. Планета делает полный оборот за одну минуту, и у меня нет ни секунды передышки. Каждую минуту я гашу фонарь и опять его зажигаю.

- Вот забавно! Значит, у тебя день длится всего одну минуту!

- Ничего тут нет забавного, - возразил фонарщик. - Мы с тобой разговариваем уже целый месяц.

- Целый месяц?!

- Ну да. Тридцать минут. Тридцать дней. Добрый вечер!

И он опять засветил фонарь.

Маленький принц смотрел на фонарщика, и ему все больше нравился этот человек, который был так верен своему слову. Маленький принц вспомнил, как он когда-то переставлял стул с места на место, чтобы лишний раз поглядеть на закат. И ему захотелось помочь другу.

- Послушай, - сказал он фонарщику. - Я знаю средство: ты можешь отдыхать когда только захочешь...

- Мне все время хочется отдыхать, - сказал фонарщик.

Ведь можно быть верным слову и все-таки ленивым.

- Твоя планетка такая крохотная, - продолжал Маленький принц, - ты можешь обойти ее в три шага. И просто нужно идти с такой скоростью, чтобы все время оставаться на солнце. Когда тебе захочется отдохнуть, ты просто все иди, иди... И день будет тянуться столько времени, сколько ты пожелаешь.

- Ну, от этого мне мало толку, - сказал фонарщик. - Больше всего на свете я люблю спать.

- Тогда плохо твое дело, - посочувствовал Маленький принц.

- Плохо мое дело, - подтвердил фонарщик. - Добрый день.

И погасил фонарь.

"Вот человек, - сказал себе Маленький принц, продолжая путь, - вот человек, которого все стали бы презирать - и король, и честолюбец, и пьяница, и делец. А между тем из них всех он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому, что он думает не только о себе".

Маленький принц вздохнул.

"Вот бы с кем подружиться, - подумал он еще. - Но его планетка уж очень крохотная. Там нет места для двоих..."

Он не смел себе признаться в том, что больше всего жалеет об этой чудесной планетке еще по одной причине: за двадцать четыре часа на ней можно любоваться закатом тысячу четыреста сорок раз!

## Глава 15

Шестая планета была в десять раз больше предыдущей. На ней жил старик, который писал толстые книги.



- Смотрите-ка! Вот прибыл путешественник! - воскликнул он, заметив Маленького принца.

Маленький принц сел на стол, чтобы отдышаться. Он уже столько странствовал!

- Откуда ты? - спросил старик.

- Что это за огромная книга? - спросил Маленький принц. - Что вы здесь делаете?

- Я географ, - ответил старик.

- А что такое географ?

- Это ученый, который знает, где находятся моря, реки, города, горы и пустыни.

- Как интересно! - сказал Маленький принц. - Вот это настоящее дело!

И он окинул взглядом планету географа. Никогда еще он не видал такой величественной планеты.

- Ваша планета очень красивая, - сказал он. - А океаны у вас есть?

- Этого я не знаю, - сказал географ.

- О-о... - разочарованно протянул Маленький принц. - А горы есть?

- Не знаю, - повторил географ.

- А города, реки, пустыни?

- И этого я тоже не знаю.

- Но ведь вы географ!

- Вот именно, - сказал старик. - Я географ, а не путешественник. Мне ужасно не хватает путешественников. Ведь не географы ведут счет городам, рекам, горам, морям, океанам и пустыням. Географ - слишком важное лицо, ему некогда разгуливать. Он не выходит из своего кабинета. Но он принимает у себя путешественников и записывает их рассказы. И если кто-нибудь из них расскажет что-нибудь интересное, географ наводит справки и проверяет, порядочный ли человек этот путешественник.

- А зачем?

- Да ведь если путешественник станет врать, в учебниках географии все перепутается. И если он выпивает лишнее - тоже беда.

- А почему?

- Потому что у пьяниц двоится в глазах. И там, где на самом деле одна гора, географ отметит две.

- Я знал одного человека... Из него вышел бы плохой путешественник, - сказал Маленький принц.

- Очень возможно. Так вот, если окажется, что путешественник - человек порядочный, тогда проверяют его открытие.

- Как проверяют? Идут и смотрят?

- Ну нет. Это слишком сложно. Просто требуют, чтобы путешественник представил доказательства. Например, если он открыл большую гору, пускай принесет с нее большие камни.

Географ вдруг разволновался:

- Но ты ведь и сам путешественник! Ты явился издалека! Расскажи мне о своей планете!

И он раскрыл толстенную книгу и очинил карандаш. Рассказы путешественников сначала записывают карандашом. И только после того как путешественник представит доказательства, можно записать его рассказ чернилами.

- Слушаю тебя, - сказал географ.

- Ну, у меня там не так уж интересно, - промолвил Маленький принц. - У меня все очень маленькое. Есть три вулкана. Два действуют, а один давно потух. Но мало ли что может случиться...

- Да, все может случиться, - подтвердил географ.

- Потом, у меня есть цветок.

- Цветы мы не отмечаем, - сказал географ.

- Почему?! Это ведь самое красивое!

- Потому, что цветы эфемерны.

- Как это - эфемерны?

- Книжки по географии - самые драгоценные книжки на свете, - объяснил географ. - Они никогда не устаревают. Ведь это очень редкий случай, чтобы гора сдвинулась с места. Или чтобы океан пересох. Мы пишем о вещах вечных и неизменных.

- Но потухший вулкан может проснуться, - прервал Маленький принц. - А что такое "эфемерный"?

- Потух вулкан или действует - это для нас, географов, не имеет значения, - сказал географ. - Важно одно: гора. Она не меняется.

- А что такое "эфемерный"? - спросил Маленький принц, ведь раз задав вопрос, он не отступался, пока не получал ответа.

- Это значит: тот, что должен скоро исчезнуть.

- И мой цветок должен скоро исчезнуть?

- Разумеется.

"Моя краса и радость недолговечна, - сказал себе Маленький принц, - и ей нечем защищаться от мира: у нее только и есть что четыре шипа. А я бросил ее, и она осталась на моей планете совсем одна!"

Это впервые он пожалел о покинутом цветке. Но мужество тотчас вернулось к нему.

- Куда вы посоветуете мне отправиться? - спросил он географа.

- Посети планету Земля, - отвечал географ. - У нее неплохая репутация...

И Маленький принц пустился в путь, но мысли его были о покинутом цветке.

## **Глава 16**

Итак, седьмая планета, которую он посетил, была Земля. Земля - планета непростая! На ней насчитывается сто одиннадцать королей (в том числе, конечно, и негритянских), семь тысяч географов, девятьсот тысяч дельцов, семь с половиной миллионов пьяниц, триста одиннадцать миллионов честолюбцев - итого около двух миллиардов взрослых.

Чтобы дать вам понятие о том, как велика Земля, скажу лишь, что, пока не изобрели электричество, на всех шести континентах приходилось держать целую армию фонарщиков - четыреста шестьдесят две тысячи пятьсот одиннадцать человек.

Если поглядеть со стороны, это было великолепное зрелище. Движения этой армии подчинялись точнейшему ритму, совсем как в балете.

Первыми выступали фонарщики Новой Зеландии и Австралии. Засветив свои огни, они отправлялись спать. За ними наступал черед фонарщиков Китая. Исполнив свой танец, они тоже скрывались за кулисами. Потом приходил черед фонарщиков в России и в Индии. Потом - в Африке и

Европе. Затем в Южной Америке. Затем в Северной Америке. И никогда они не ошибались, никто не выходил на сцену не вовремя. Да, это было блистательно.

Только тому фонарщику, что должен был зажигать единственный фонарь на Северном полюсе, да еще его собрату на Южном полюсе - только этим двоим жилось легко и беззаботно: им приходилось заниматься своим делом всего два раза в год.

## Глава 17

Когда очень хочешь состричь, иной раз поневоле приврешь. Рассказывая о фонарщиках, я несколько погрешил против истины. Боюсь, что у тех, кто не знает нашей планеты, сложится о ней неверное представление. Люди занимают на Земле не так уж много места. Если бы два миллиарда ее жителей сошлись и стали сплошной толпой, как на митинге, все они без труда уместились бы на пространстве размером двадцать миль в длину и двадцать в ширину. Все человечество можно бы составить плечом к плечу на самом маленьком островке в Тихом океане.

Взрослые вам, конечно, не поверят. Они воображают, что занимают очень много места. Они кажутся сами себе величественными, как баобабы. А вы посоветуйте им сделать точный расчет. Им это понравится, они ведь обожают цифры. Вы же не тратьте время на эту арифметику. Это ни к чему. Вы и без того мне верите.

Итак, попав на Землю, Маленький принц не увидел ни души и очень удивился. Он подумал даже, что залетел по ошибке на какую-то другую планету. Но тут в песке шевельнулось колечко цвета лунного луча.

- Добрый вечер, - сказал на всякий случай Маленький принц.
- Добрый вечер, - ответила змея.
- На какую это планету я попал?
- На Землю, - сказала змея. - В Африку.



- Вот как. А разве на Земле нет людей?

- Это пустыня. В пустынях никто не живет. Но Земля большая.

Маленький принц сел на камень и поднял глаза к небу.

- Хотел бы я знать, зачем звезды светятся, - задумчиво сказал он. - Наверно, затем, чтобы рано или поздно каждый мог снова отыскать свою. Смотри, вот моя планета - прямо над нами... Но как до нее далеко!

- Красивая планета, - сказала змея. - А что ты будешь делать здесь, на Земле?

- Я поссорился со своим цветком, - признался Маленький принц.

- А, вот оно что...

И оба умолкли.

- А где же люди? - вновь заговорил наконец Маленький принц. - В пустыне все-таки одиноко...

- Среди людей тоже одиноко, - заметила змея.

Маленький принц внимательно посмотрел на нее.

- Странное ты существо, - сказал он. - Не толще пальца...

- Но могущества у меня больше, чем в пальце короля, - возразила змея.

Маленький принц улыбнулся.

- Ну, разве ты уж такая могущественная? У тебя даже лап нет. Ты и путешествовать не можешь...

- Я могу унести тебя дальше, чем любой корабль, - сказала змея.

И обвилась вокруг щиколотки Маленького принца, словно золотой браслет.

- Всех, кого я коснусь, я возвращаю земле, из которой они вышли, - сказала она. - Но ты чист и явился со звезды...

Маленький принц не ответил.

- Мне жаль тебя, - продолжала змея. - Ты так слаб на этой Земле, жесткой, как гранит. В тот день, когда ты горько пожалеешь о своей покинутой планете, я сумею тебе помочь. Я могу...

- Я прекрасно понял, - сказал Маленький принц. - Но почему ты все время говоришь загадками?

- Я решаю все загадки, - сказала змея. И оба умолкли.

## Глава 18

Маленький принц пересек пустыню и никого не встретил. За все время ему попался только один цветок - крохотный, невзрачный цветок о трех лепестках...

- Здравствуй, - сказал Маленький принц.

- Здравствуй, - отвечал цветок.

- А где люди? - вежливо спросил Маленький принц.

Цветок видел однажды, как мимо шел караван.

- Люди? Ах да... Их всего-то, кажется, шесть или семь. Я видел их много лет назад. Но где их искать - неизвестно. Их носит ветром. У них нет корней - это очень неудобно.

- Прощай, - сказал Маленький принц.

- Прощай, - сказал цветок.

## Глава 19

Маленький принц поднялся на высокую гору. Прежде он никогда не видал гор, кроме своих трех вулканов, которые были ему по колено. Потухший вулкан служил ему табуретом. И теперь он подумал: "С такой высокой горы я сразу увижу всю планету и всех людей". Но увидел только скалы, острые и тонкие, как иглы.

- Добрый день, - сказал он на всякий случай.

"Добрый день... день... день..." - откликнулось эхо.

- Кто вы? - спросил Маленький принц.

"Кто вы... кто вы... кто вы..." - откликнулось эхо.

- Будем друзьями, я совсем один, - сказал он.

"Один... один... один..." - откликнулось эхо.

"Какая странная планета! - подумал Маленький принц. - Совсем сухая, вся в иглах и соленая. И у людей не хватает воображения. Они только повторяют то, что им скажешь... Дома у меня был цветок, моя краса и радость, и он всегда заговаривал первым".

## Глава 20

Долго шел Маленький принц через пески, скалы и снега и наконец набрел на дорогу. А все дороги ведут к людям.

- Добрый день, - сказал он.

Перед ним был сад, полный роз.

- Добрый день, - отозвались розы.

И Маленький принц увидел, что все они похожи на его цветок.

- Кто вы? - спросил он, пораженный.

- Мы - розы, - отвечали розы.

- Вот как... - промолвил Маленький принц.

И почувствовал себя очень-очень несчастным. Его красавица говорила ему, что подобных ей нет во всей Вселенной. И вот перед ним пять тысяч точно таких же цветов в одном только саду!

"Как бы она рассердилась, если бы увидела их! - подумал Маленький принц. - Она бы ужасно раскашлялась и сделала вид, что умирает, лишь бы не показаться смешной. А мне пришлось бы ходить за ней, как за больной, - ведь иначе она и вправду бы умерла, лишь бы унизить и меня тоже..."

А потом он подумал: "Я-то воображал, что владею единственным в мире цветком, какого больше ни у кого и нигде нет, а это была самая обыкновенная роза. Только всего у меня и было что простая роза да три вулкана ростом мне по колено, и то один из них потух, и, может быть, навсегда... Какой же я после этого принц?.."

Он лег в траву и заплакал.

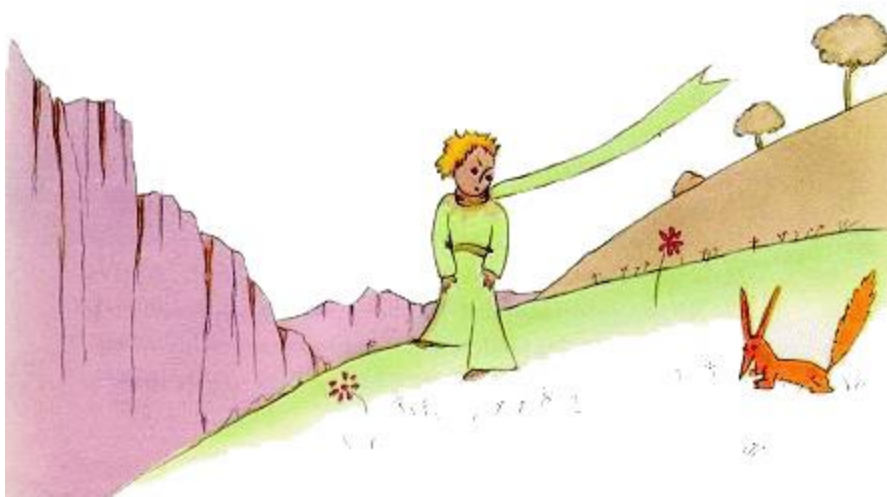
## Глава 21

Вот тут-то и появился Лис.

- Здравствуй, - сказал он.

- Здравствуй, - вежливо ответил Маленький принц и оглянулся, но никого не увидел.

- Я здесь, - послышался голос. - Под яблоней...



- Кто ты? - спросил Маленький принц. - Какой ты красивый!

- Я Лис, - сказал Лис.

- Поиграй со мной, - попросил Маленький принц. - Мне так грустно...

- Не могу я с тобой играть, - сказал Лис. - Я не приручен.

- Ах, извини, - сказал Маленький принц.

Но, подумав, спросил:

- А как это - приручить?

- Ты нежданный, - заметил Лис. - Что ты здесь ищешь?

- Людей ищу, - сказал Маленький принц. - А как это - приручить?

- У людей есть ружья, и они ходят на охоту. Это очень неудобно! И еще они разводят кур. Только этим они и хороши. Ты ищешь кур?

- Нет, - сказал Маленький принц. - Я ищу друзей. А как это - приручить?

- Это давно забытое понятие, - объяснил Лис. - Оно означает: создать узы.

- Узы?

- Вот именно, - сказал Лис. - Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

- Я начинаю понимать, - сказал Маленький принц. - Есть одна роза... Наверно, она меня приручила...

- Очень возможно, - согласился Лис. - На Земле чего только не бывает.

- Это было не на Земле, - сказал Маленький принц.

Лис очень удивился:

- На другой планете?

- Да.

- А на той планете есть охотники?

- Нет.

- Как интересно! А куры там есть?

- Нет.

- Нет в мире совершенства! - вздохнул Лис.

Но потом он опять заговорил о том же:

- Скучная у меня жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мною. Все куры одинаковы, и люди все одинаковы. И живется мне скучновато. Но если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом - смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно

будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...

Лис замолчал и долго смотрел на Маленького принца. Потом сказал:

- Пожалуйста... приручи меня!

- Я бы рад, - ответил Маленький принц, - но у меня так мало времени.

Мне еще надо найти друзей и узнать разные вещи.

- Узнать можно только те вещи, которые приручишь, - сказал Лис. - У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

- А что для этого надо делать? - спросил Маленький принц.

- Надо запастись терпением, - ответил Лис. - Сперва сядь вон там, поодаль, на траву - вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе...

Назавтра Маленький принц вновь пришел на то же место.

- Лучше приходи всегда в один и тот же час, - попросил Лис. - Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трех часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты приходишь всякий раз в другое время, я не знаю, к какому часу готовить свое сердце... Нужно соблюдать обряды.

- А что такое обряды? - спросил Маленький принц.

- Это тоже нечто давно забытое, - объяснил Лис. - Нечто такое, отчего один какой-то день становится не похож на все другие дни, один час - на все другие часы. Вот, например, у моих охотников есть такой обряд: по четвергам они танцуют с деревенскими девушками. И какой же это чудесный день - четверг! Я отправляюсь на прогулку и дохожу до самого

виноградника. А если бы охотники танцевали когда придется, все дни были бы одинаковы, и я никогда не знал бы отдыха.

Так Маленький принц приручил Лиса. И вот настал час прощанья.

- Я буду плакать о тебе, - вздохнул Лис.

- Ты сам виноват, - сказал Маленький принц. - Я ведь не хотел, чтобы тебе было больно; ты сам пожелал, чтобы я тебя приручил...

- Да, конечно, - сказал Лис.

- Но ты будешь плакать!

- Да, конечно.

- Значит, тебе от этого плохо.

- Нет, - возразил Лис, - мне хорошо. Вспомни, что я говорил про золотые колосья.

Он умолк. Потом прибавил:

- Поди взгляни еще раз на розы. Ты поймешь, что твоя роза - единственная в мире. А когда вернешься, чтобы проститься со мной, я открою тебе один секрет. Это будет мой тебе подарок.

Маленький принц пошел взглянуть на розы.

- Вы ничуть не похожи на мою розу, - сказал он им. - Вы еще ничто. Никто вас не приручил, и вы никого не приручили. Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он - единственный в целом свете.

Розы очень смутились.

- Вы красивые, но пустые, - продолжал Маленький принц. - Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это ее, а не вас я поливал каждый день. Ее, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Ее загоразивал ширмой, оберегая от ветра. Для нее убивал гусениц, только двух или трех оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвастала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она - моя.

И Маленький принц возвратился к Лису.

- Прощай... - сказал он.

- Прощай, - сказал Лис. - Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.

- Самого главного глазами не увидишь, - повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

- Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей все свои дни.

- Потому что я отдавал ей все свои дни... - повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

- Люди забыли эту истину, - сказал Лис, - но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу.

- Я в ответе за мою розу... - повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить.

## Глава 22

- Добрый день, - сказал Маленький принц.

- Добрый день, - отозвался стрелочник.

- Что ты делаешь? - спросил Маленький принц.

- Сортирую пассажиров, - отвечал стрелочник. - Отправляю их в поездах по тысяче человек зараз - один поезд направо, другой налево.

И скорый поезд, сверкая освещенными окнами, с громом промчался мимо, и будка стрелочника вся задрожала.

- Как они спешат! - удивился Маленький принц. - Что они ищут?

- Даже сам машинист этого не знает, - сказал стрелочник.

И в другую сторону, сверкая огнями, с громом пронесся еще один скорый поезд.

- Они уже возвращаются? - спросил Маленький принц.

- Нет, это другие, - сказал стрелочник. - Это встречный.

- Им было нехорошо там, где они были прежде?



- Там хорошо, где нас нет, - сказал стрелочник.

И прогремел, сверкая, третий скорый поезд.

- Они хотят догнать тех, первых? - спросил Маленький принц.

- Ничего они не хотят, - сказал стрелочник. - Они спят в вагонах или просто сидят и зевают. Одни только дети прижимаются носами к окнам.

- Одни только дети знают, что ищут, - промолвил Маленький принц. - Они отдают все свои дни тряпочной кукле, и она становится им очень-очень дорога, и, если ее у них отнимут, дети плачут...

- Их счастье, - сказал стрелочник.

## **Глава 23**

- Добрый день, - сказал Маленький принц.

- Добрый день, - ответил торговец.

Он торговал самоновейшими пилюлями, которые утоляют жажду. Проглотишь такую пилюлю - и потом целую неделю не хочется пить.

- Для чего ты их продаешь? - спросил Маленький принц.

- От них большая экономия времени, - ответил торговец. - По подсчетам специалистов, можно сэкономить пятьдесят три минуты в неделю.

- А что делать в эти пятьдесят три минуты?

- Да что хочешь.

"Будь у меня пятьдесят три минуты свободных, - подумал Маленький принц, - я бы просто-напросто пошел к роднику..."

## **Глава 24**

Миновала неделя с тех пор, как я потерпел аварию, и, слушая про торговца пилюлями, я выпил последний глоток воды.

- Да, - сказал я Маленькому принцу, - все, что ты рассказываешь, очень интересно, но я еще не починил самолет, у меня не осталось ни капли воды, и я тоже был бы счастлив, если бы мог просто-напросто пойти к роднику.

- Лис, с которым я подружился...

- Милый мой, мне сейчас не до Лиса!

- Почему?

- Да потому, что придется умереть от жажды...

Он не понял, какая тут связь. Он возразил:

- Хорошо, если у тебя когда-то был друг, пусть даже надо умереть. Вот я очень рад, что дружил с Лисом...

"Он не понимает, как велика опасность. Он никогда не испытывал ни голода, ни жажды. Ему довольно солнечного луча..."

Я не сказал этого вслух, только подумал. Но Маленький принц посмотрел на меня и промолвил:

- Мне тоже хочется пить... Пойдем поищем колодец...

Я устало развел руками: что толку наугад искать колодцы в бескрайней пустыне? Но все-таки мы пустились в путь.

Долгие часы мы шли молча. Наконец стемнело и в небе стали загораться звезды. От жажды меня немного лихорадило, и я видел их будто во сне. Мне все вспоминались слова Маленького принца, и я спросил:

- Значит, и ты тоже знаешь, что такое жажда?

Но он не ответил. Он сказал просто:

- Вода бывает нужна и сердцу...

Я не понял, но промолчал. Я знал, что не следует его спрашивать.

Он устал. Опустился на песок. Я сел рядом. Помолчали. Потом он сказал:

- Звезды очень красивые, потому что где-то там есть цветок, хоть его и не видно...

- Да, конечно, - сказал я только, глядя на волнистый песок, освещенный луною.

- И пустыня красивая... - прибавил Маленький принц.

Это правда. Мне всегда нравилось в пустыне. Сидишь на песчаной дюне. Ничего не видно. Ничего не слышно. И все же тишина словно лучится...

- Знаешь, отчего хороша пустыня? - сказал он. - Где-то в ней скрываются родники...

Я был поражен. Вдруг я понял, почему таинственно лучится песок. Когда-то, маленьким мальчиком, я жил в старом-престаром доме - рассказывали, будто в нем запрятан клад. Разумеется, никто его так и не открыл, а может быть, никто никогда его и не искал. Но из-за него дом был словно заколдован: в сердце своем он скрывал тайну...

- Да, - сказал я. - Будь то дом, звезды или пустыня - самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами.

- Я очень рад, что ты согласен с моим другом Лисом, - отозвался Маленький принц.

Потом он уснул, я взял его на руки и пошел дальше. Я был взволнован. Мне казалось, я несу хрупкое сокровище. Мне казалось даже, ничего более хрупкого нет на нашей Земле. При свете луны я смотрел на его бледный лоб, на сомкнутые ресницы, на золотые пряди волос, которые перебирал ветер, и говорил себе: все это лишь оболочка. Самое главное - то, чего не увидишь глазами...

Его полуоткрытые губы дрогнули в улыбке, и я сказал себе: трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность цветку, образ розы, который лучится в нем, словно пламя светильника, даже когда он спит... И я понял, он еще более хрупок, чем кажется. Светильники надо беречь: порыв ветра может их погасить...

Так я шел... и на рассвете дошел до колодца.

## Глава 25

- Люди забираются в скорые поезда, но они уже сами не понимают, чего ищут, - сказал Маленький принц. - Поэтому они не знают покоя и бросаются то в одну сторону, то в другую...

- Потом прибавил:

- И все напрасно...

Колодец, к которому мы пришли, был не такой, как все колодцы в Сахаре. Обычно здесь колодец - просто яма в песке. А это был самый настоящий деревенский колодец. Но деревни тут нигде не было, и я подумал, что это сон.

- Как странно, - сказал я Маленькому принцу, - тут все приготовлено: и ворот, и ведро, и веревка...

Он засмеялся, тронул веревку, стал раскручивать ворот. И ворот заскрипел, точно старый флюгер, долго ржавевший в безветрии.

- Слышишь? - сказал Маленький принц. - Мы разбудили колодец, и он запел...

Я боялся, что он устанет.

- Я сам зачерпну воды, - сказал я, - тебе это не под силу.

Медленно вытащил я полное ведро и надежно поставил его на каменный край колодца. В ушах у меня еще отдавалось пенье скрипучего ворота, вода в ведре еще дрожала, и в ней играли солнечные зайчики.

- Мне хочется глотнуть этой воды, - промолвил Маленький принц. - Дай мне напиться...

И я понял, что он искал!

Я поднес ведро к его губам. Он пил, закрыв глаза. Это было как самый прекрасный пир. Вода эта была не простая. Она родилась из долгого пути под звездами, из скрипа ворота, из усилий моих рук. Она была как подарок сердцу. Когда я был маленький, так светились для меня рождественские

подарки: сияньем свеч на елке, пением органа в час полночной мессы, ласковыми улыбками.

- На твоей планете, - сказал Маленький принц, - люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут...

- Не находят, - согласился я.

- А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной-единственной розе, в глотке воды...

- Да, конечно, - согласился я.

И Маленький принц сказал:

- Но глаза слепы. Искать надо сердцем.

Я выпил воды. Дышалось легко. На рассвете песок становится золотой, как мед. И от этого тоже я был счастлив. С чего бы мне грустить?..

- Ты должен сдержать слово, - мягко сказал Маленький принц, снова садясь рядом со мною.

- Какое слово?

- Помнишь, ты обещал... намордник для моего барашка... Я ведь в ответе за тот цветок.

Я достал из кармана свои рисунки. Маленький принц поглядел на них и засмеялся:

- Баобабы у тебя похожи на капусту...

А я-то гордился своими баобабами!

- А у лисицы твоей уши... точно рога! И какие длинные!

И он опять засмеялся.

- Ты несправедлив, дружок. Я ведь никогда и не умел рисовать - разве только удавов снаружи и изнутри.

- Ну ничего, - успокоил он меня. - Дети и так поймут.

И я нарисовал намордник для барашка. Я отдал рисунок Маленькому принцу, и сердце у меня сжалось.

- Ты что-то задумал и не говоришь мне...

Но он не ответил.

- Знаешь, - сказал он, - завтра исполнится год, как я попал к вам на Землю... - И умолк. Потом прибавил: - Я упал совсем близко отсюда.. -. И покраснел.

И опять, бог весть почему, тяжело стало у меня на душе. Все-таки я спросил:

- Значит, неделю назад, в то утро, когда мы познакомились, ты не случайно бродил тут совсем один, за тысячу миль от человеческого жилья? Ты возвращался к месту, где тогда упал?

Маленький принц покраснел еще сильнее.

А я прибавил нерешительно:

- Может быть, это потому, что исполняется год?..

И снова он покраснел. Он не ответил ни на один мой вопрос, но ведь когда краснеешь, это значит "да", не так ли?

- Непокойно мне... - начал я.

Но он сказал:

- Пора тебе приниматься за работу. Иди к своей машине. Я буду ждать тебя здесь. Возвращайся завтра вечером...

Однако мне не стало спокойнее. Я вспомнил о Лисе. Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать.

## **Глава 26**

Неподалеку от колодца сохранились развалины древней каменной стены. На другой вечер, покончив с работой, я вернулся туда и еще издали увидел, что Маленький принц сидит на краю стены, свесив ноги. И услышал его голос.

- Разве ты не помнишь? - говорил он. - Это было совсем не здесь.

Наверно, кто-то ему отвечал, потому что он возразил:

- Ну да, это было ровно год назад, день в день, но только в другом месте...

Я зашагал быстрее. Но нигде у стены я больше никого не видел и не слышал. А между тем Маленький принц снова ответил кому-то:

- Ну конечно. Ты найдешь мои следы на песке. И тогда жди. Сегодня ночью я туда приду.

До стены оставалось двадцать метров, а я все еще ничего не видел.

После недолгого молчания Маленький принц спросил:

- А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?

Я остановился, и сердце мое сжалось, но я все еще не понимал.

- Теперь уходи, - сказал Маленький принц. - Я хочу спрыгнуть вниз.

Тогда я опустил глаза да так и подскочил! У подножья стены, подняв голову к Маленькому принцу, свернулась желтая змейка, из тех, чей укус убивает в полминуты.

Нащупывая в кармане револьвер, я бегом бросился к ней, но при звуке шагов змейка тихо заструилась по песку, словно умирающий ручеек, и с еле слышным металлическим звоном неторопливо скрылась меж камней.

Я подбежал к стене как раз вовремя и подхватил моего Маленького принца. Он был белее снега.

- Что это тебе вздумалось, малыш! - воскликнул я. - Чего ради ты заводишь разговоры со змеями?

Я развязал его неизменный золотой шарф. Смочил ему виски и заставил выпить воды. Но не смел больше ни о чем спрашивать. Он серьезно посмотрел на меня и обвинил мою шею руками. Я услышал, как бьется его сердце, словно у подстреленной птицы. Он сказал:

- Я рад, что ты нашел, в чем там была беда с твоей машиной. Теперь ты можешь вернуться домой...

- Откуда ты знаешь?!

Я как раз собирался сказать ему, что, вопреки всем ожиданиям, мне удалось исправить самолет!

Он не ответил, он только сказал:

- И я тоже сегодня вернусь домой.

Потом прибавил печально:

- Это гораздо дальше... и гораздо труднее...

Все было как-то странно. Я крепко обнимал его, точно маленького ребенка, и, однако, мне казалось, будто он ускользает, его затягивает бездна, и я не в силах его удержать...

Он задумчиво смотрел куда-то вдаль.

- У меня останется твой барашек. И ящик для барашка. И намордник...

Он печально улыбнулся.

Я долго ждал. Он словно бы приходил в себя.

- Ты напугался, малыш...

Ну еще бы не напугаться! Но он тихонько засмеялся:

- Сегодня вечером мне будет куда страшнее...

И опять меня оледенило предчувствие непоправимой беды. Неужели, неужели я никогда больше не услышу, как он смеется? Этот смех для меня - точно родник в пустыне.

- Малыш, я хочу еще послушать, как ты смеешься...

Но он сказал:

- Сегодня ночью исполнится год. Моя звезда станет как раз над тем местом, где я упал год назад...

- Послушай, малыш, ведь все это - и змея, и свиданье со звездой - просто дурной сон, правда?

Но он не ответил.

- Самое главное - то, чего глазами не увидишь... - сказал он.

- Да, конечно...

- Это как с цветком. Если любишь цветок, что растет где-то на далекой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звезды расцветают.

- Да, конечно...

- Это как с водой. Когда ты дал мне напиться, та вода была как музыка, а все из-за ворота и веревки. Помнишь? Она была очень хорошая.

- Да, конечно...



- Ночью ты посмотришь на звезды. Моя звезда очень маленькая, я не могу ее тебе показать. Так лучше. Она будет для тебя просто - одна из звезд. И ты полюбишь смотреть на звезды... Все они станут тебе друзьями. И потом, я тебе кое-что подарю...

И он засмеялся.

- Ах, малыш, малыш, как я люблю, когда ты смеешься!

- Вот это и есть мой подарок... Это будет как с водой...

- Как так?

- У каждого человека свои звезды. Одним - тем, кто странствует, - они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для ученых они - как задача, которую надо решить. Для моего дельца они - золото. Но для всех этих людей звезды - немые. А у тебя будут совсем особенные звезды...

- Как так?

- Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, - и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!

И он сам засмеялся.

- И когда ты утешься - в конце концов всегда утешься, - ты будешь рад, что знал меня когда-то. Ты всегда будешь мне другом. Тебе захочется посмеяться со мною. Иной раз ты вот так распахнешь окно, и тебе будет приятно... И твои друзья станут удивляться, что ты смеешься, глядя на небо. А ты им скажешь: "Да, да, я всегда смеюсь, глядя на звезды!" И они подумают, что ты сошел с ума. Вот какую злую шутку я с тобой сыграю...

Он опять засмеялся.

- Как будто вместо звезд я подарил тебе целую кучу смеющихся бубенцов...

И он опять засмеялся. Потом снова стал серьезен:

- Знаешь... сегодня ночью... лучше не приходи.

- Я тебя не оставлю.

- Тебе покажется, что мне больно. Покажется даже, что я умираю. Так уж оно бывает. Не приходи, не надо.

- Я тебя не оставлю.

Но он был чем-то озабочен.

- Видишь ли... это еще из-за змеи. Вдруг она тебя ужалит... Змеи ведь злые. Кого-нибудь ужалить для них удовольствие.

- Я тебя не оставлю.

Он вдруг успокоился:

- Правда, на двоих у нее не хватит яда...

В ту ночь я не заметил, как он ушел. Он ускользнул неслышно. Когда я наконец нагнал его, он шел быстрым, решительным шагом.

- А, это ты... - сказал он только.

И взял меня за руку. Но что-то его тревожило.

- Напрасно ты идешь со мной. Тебе будет больно на меня смотреть. Тебе покажется, будто я умираю, но это неправда...

Я молчал.

- Видишь ли... это очень далеко. Мое тело слишком тяжелое. Мне его не унести.

Я молчал.

- Но это все равно что сбросить старую оболочку. Тут нет ничего печального...

Я молчал.

Он немного пал духом. Но все-таки сделал еще одно усилие:

- Знаешь, будет очень славно. Я тоже стану смотреть на звезды. И все звезды будут точно старые колодцы со скрипучим воротом. И каждая даст мне напиток...

Я молчал.

- Подумай, как забавно! У тебя будет пятьсот миллионов бубенцов, а у меня - пятьсот миллионов родников...

И тут он тоже замолчал, потому что заплакал.

- Вот мы и пришли. Дай мне сделать еще шаг одному.

И он сел на песок, потому что ему стало страшно.

Потом он сказал:

- Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У нее только и есть что четыре жалких шипа, больше ей нечем защищаться от мира.

Я тоже сел, потому что у меня подкосились ноги. Он сказал:

- Ну... вот и все...

Помедлил еще минуту и встал. И сделал один только шаг. А я не мог шевельнуться.

Точно желтая молния мелькнула у его ног. Мгновенье он оставался недвижим. Не вскрикнул. Потом упал - медленно, как падает дерево. Медленно и неслышно, ведь песок приглушает все звуки.



## Глава 27

И вот прошло уже шесть лет... Я еще ни разу никому об этом не рассказывал. Когда я вернулся, товарищи рады были вновь увидеть меня живым и невредимым. Грустно мне было, но я говорил им:

- Это я просто устал...

И все же понемногу я утешился. То есть не совсем... Но я знаю: он возвратился на свою планетку, ведь, когда рассвело, я не нашел на песке его тела. Не такое уж оно было тяжелое. А по ночам я люблю слушать звезды. Словно пятьсот миллионов бубенцов...

Но вот что поразительно. Когда я рисовал намордник для барашка, я забыл про ремешок! Маленький принц не сможет надеть его на барашка. И я спрашиваю себя: что-то делается там, на его планете? Вдруг барашек съел розу?

Иногда я говорю себе: нет, конечно, нет! Маленький принц на ночь всегда накрывает розу стеклянным колпаком, и он очень следит за барашком... Тогда я счастлив. И все звезды тихонько смеются.

А иногда я говорю себе: бываешь же порой рассеянным... Тогда все может случиться! Вдруг он как-нибудь вечером забыл про стеклянный колпак или барашек ночью втихомолку выбрался на волю... И тогда бубенцы плачут...

Все это загадочно и непостижимо. Вам, кто тоже полюбил Маленького принца, как и мне, это совсем-совсем не все равно: весь мир становится для нас иным оттого, что где-то в безвестном уголке Вселенной барашек, которого мы никогда не видели, быть может, съел незнакомую нам розу.

Взгляните на небо. И спросите себя: жива ли та роза или ее уже нет? Вдруг барашек ее съел? И вы увидите: все станет по-другому...

И никогда ни один взрослый не поймет, как это важно!



Это, по-моему, самое красивое и самое печальное место на свете. Этот же уголок пустыни нарисован и на предыдущей странице, но я нарисовал еще раз, чтобы вы получше его разглядели. Здесь Маленький принц впервые появился на Земле, а потом исчез.

*Всмотритесь внимательней, чтобы непременно узнать это место, если когда-нибудь вы попадете в Африку, в пустыню. Если вам случится тут проезжать, заклинаю вас, не спешите, помедлите немного под этой звездой! И если к вам подойдет маленький мальчик с золотыми волосами, если он будет звонко смеяться и ничего не ответит на ваши вопросы, вы, уж конечно, догадаетесь, кто он такой. Тогда - очень прошу вас! - не забудьте утешить меня в моей печали. Скорей напишите мне, что он вернулся...*

## ЗАДАНИЯ

### 1. Прокомментируйте цитаты из повести «Маленький принц»

- У каждого человека свои звезды.
- Мы в ответе за тех, кого приручили...
- Тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвал.
- Это очень печально – когда забывают друзей. Не у всякого был друг.

- Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.
  - Ты живешь в своих поступках, а не в теле. Ты – это твои действия, и нет другого тебя.
  - Слова только мешают понимать друг друга.
  - Себя судить куда труднее, чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, значит ты поистине мудр.
  - Среди людей тоже одиноко.
  - Вода бывает нужна и сердцу...
  - Ведь все взрослые сначала были детьми, только мало кто из них об этом помнит.
  - Хотел бы я знать, зачем звезды светятся. Наверное, затем, чтобы рано или поздно каждый мог вновь отыскать свою.
  - Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться.
  - Смех, как родник в пустыне.
  - Все дороги ведут к людям.
- 2. Напишите сочинение на тему «Главные ценности в жизни человека» по мотивам повести-сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц».**

## **ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ**

### **(1899-1961)**

Эрнест Хемингуэй — знаменитый американский писатель, лауреат Нобелевской премии. Родился писатель в 1899 году, в пригороде Чикаго – Оук-Парк, США. Отец Эрни был врачом и мечтал вырастить из сына медика, обучал его всему, что связано с естествознанием. Поэтому Эрнест уже к восьми годам знал всю флору и фауну, существовавшую на Среднем Западе.

Помимо естествознания, Хемингуэй имел множество других увлечений. Уже в школьные годы он начал создавать первые художественные произведения; активно занимался футболом и боксом.

Окончив школу, полный энергией Эрнест устраивается на работу в газету в Канзас-Сити, благодаря чему знакомится с самыми темными сторонами городской жизни: с проституцией, уголовниками и тюрьмами, с притонами и мошенниками. Позже его опыт окажется бесценным материалом для литературной деятельности.

Между тем, в мире разгорается первая мировая война. Хемингуэй неоднократно пытается записаться в армию, но его не берут из-за плохого зрения. Не привыкший к поражениям, он во всех смыслах «рвется в бой» и в итоге добивается своего. Начиная служить шофером Красного Креста в Италии, Эрнест вскоре переходит на передовые позиции. На войне писатель получает тяжелые ранения и возвращается в родную Америку героем.

В 20-е годы XX века Хемингуэй переезжает во Францию, которая дарит ему мощный заряд вдохновения. На свет появляются уже вполне серьезные, даже выдающиеся работы:

- в 1925 году выходит первый сборник рассказов под названием «В наше время»;
- в 1926 году – романы «Вешние воды» и «И восходит солнце («Фиеста»)»;
- в 1927 году – сборник рассказов «Мужчины без женщин»;
- в 1929 году – роман «Прощай, оружие», имевший небывалый успех в родной писателю Америке.

Пиком славы Хемингуэя принято считать 30-е годы XX века, когда он вернулся в США. Его рассказы вызывают огромный интерес читателей, со всей страны к писателю едут многочисленные поклонники. Но, к сожалению, именно в этот период Хемингуэй попадает в серьезную аварию, полгода его жизни уходят на восстановление здоровья, ломаются привычные жизненные принципы, а в творчестве наблюдается затянувшийся кризис.

После выздоровления, Эрнест пускается в «большое путешествие», чтобы разобраться в себе и в окружающем его мире. Много времени проводит в Африке, отразив свои впечатления в новой книге «Зеленые холмы Африки».

Будучи сознательным человеком, Хемингуэй внимательно следит за гражданской войной в Испании, и вскоре сам отправляется в Мадрид – сражаться на стороне республиканцев. В результате в течении короткого времени в свет выходят романы «По ком звонит колокол», «Иметь и не иметь», пьеса «Пятая колонна», сценарий «Испанская земля».

Эрнест Хемингуэй участвовал во всех войнах, какие выпали на его время. Виной тому были его неутомимый, очень «живой» характер, а также желание всегда находиться в гуще событий. С началом Второй мировой войны писатель становится военным журналистом, но не желая отсиживаться в тылу, очень быстро оказывается на передовой. Создает контрразведку против фашистов на Кубе, на личном катере выслеживает немецкие подлодки в Карибском море, участвует в боевых вылетах в Германию и Францию.

Период жизни Хемингуэя на Кубе стоит выделить особо, ведь именно там он создал свое лучшее произведение – повесть «Старик и море», за которое получил Пулитцеровскую премию. Эта повесть – пик карьеры писателя, его лучшая работа, достойное завершение литературной деятельности. Она была опубликована в 1952-м году, а в 1954-м Эрнест Хемингуэй получил Нобелевскую премию по литературе «за повествовательное мастерство, в очередной раз продемонстрированное в «Старике и море», за влияние, которое он оказал на современный стиль».

Жизнь писателя оборвалась 21 июня 1961 года – он покончил с собой, застрелившись. Причиной была тяжелая депрессия, которая мучила его уже долгое время. Но хотя Хемингуэй и рано ушёл из жизни, сделать в области литературы он успел многое. Произведения американского писателя привлекают простой стили, четкостью и ёмкостью построения фраз. Главной



особенностью его индивидуальной манеры является «эффект айсберга», когда вокруг лаконичного, строгого сюжета создаётся скрытый подтекст. Именно в подтексте заключены все символы, ассоциации, вся «художественность» текста произведений, что в итоге вызывает сильнейшие чувства читателей, затрагивает саму душу человека. Об этом наиболее ярко свидетельствует философская повесть-притча «Старик и море».

## ЗАДАНИЯ

- 1. Прочитайте отрывки из произведения Э. Хемингуэя. Определите проблему, заявленную автором в каждом из них. Ссылки на электронную версию книги:**
  - <http://book-online.com.ua/read.php?book=1905>
  - <https://reading-books.me/prosa/slassic-proza/126-starik-i-more.html>
  - <http://hemingway-lib.ru/starik-i-more/index.html>
- 2. Составьте облака тегов по каждому из отрывков.**
- 3. Составьте устное сообщение на тему «Главные ценности в жизни человека», взяв за основу повесть «Старик и море».**

## СТАРИК И МОРЕ

\*\*\*\*\*

Старик рыбачил один на своей лодке в Гольфстриме. Вот уже восемьдесят четыре дня он ходил в море и не поймал ни одной рыбы. Первые сорок дней с ним был мальчик. Но день за днем не приносил улова, и родители сказали мальчику, что старик теперь уже явно *salao*, то есть «самый что ни на есть невезучий», и велели ходить в море на другой лодке, которая действительно привезла три хорошие рыбы в первую же неделю. Мальчику тяжело было смотреть, как старик каждый день возвращается ни с чем, и он выходил на берег, чтобы помочь ему отнести домой снасти или багор, гарпун

и обернутый вокруг мачты парус. Парус был весь в заплатках из мешковины и, свернутый, напоминал знамя наголову разбитого полка.

Старик был худ и изможден, затылок его прорезали глубокие морщины, а щеки были покрыты коричневыми пятнами неопасного кожного рака, который вызывают солнечные лучи, отраженные гладью тропического моря. Пятна спускались по щекам до самой шеи, на руках виднелись глубокие шрамы, прорезанные бечевой, когда он вытаскивал крупную рыбу. Однако свежих шрамов не было. Они были стары, как трещины в давно уже безводной пустыне. Все у него было старое, кроме глаз, а глаза были цветом похожи на море, веселые глаза человека, который не сдается.

— Сантьяго, — сказал ему мальчик, когда они вдвоем поднимались по дороге от берега, где стояла на причале лодка, — теперь я опять могу пойти с тобой в море. Мы уже заработали немного денег. Старик научил мальчика рыбачить, и мальчик его любил.

— Нет, — сказал старик, — ты попал на счастливую лодку. Оставайся на ней.

— А помнишь, один раз ты ходил в море целых восемьдесят семь дней и ничего не поймал, а потом мы три недели кряду каждый день привозили по большой рыбе.

— Помню, — сказал старик. — Я знаю, ты ушел от меня не потому, что не верил.

— Меня заставил отец, а я еще мальчик и должен слушаться.

— Знаю, — сказал старик. — Как же иначе.

— Он-то не очень верит.

— Да, — сказал старик. — А вот мы верим. Правда?

\*\*\*\*\*

Они поднялись по дороге к хижине старика и вошли в дверь, растворенную настежь. Старик прислонил мачту с обернутым вокруг нее парусом к стене, а мальчик положил рядом снасти. Мачта была почти такой

же длины, как хижина, выстроенная из листьев королевской пальмы, которую здесь зовут guano. В хижине были кровать, стол и стул и в глинобитном полу — выемка, чтобы стряпать пищу на древесном угле. Коричневые стены, сложенные из спрессованных волокнистых листьев, были украшены цветными олеографиями Сердца господня и Santa Maria del Cobre. Они достались ему от покойной жены. Когда-то на стене висела и раскрашенная фотография самой жены, но потом старик ее спрятал, потому что смотреть на нее было уж очень тоскливо. Теперь фотография лежала на полке в углу, под чистой рубахой. — Что у тебя на ужин? — спросил мальчик.

— Миска желтого риса с рыбой. Хочешь?

— Нет, я поем дома. Развести тебе огонь?

— Не надо. Я сам разведу попозже. А может, буду есть рис так, холодный.

— Можно взять сеть?

— Конечно.

Никакой сети давно не было — мальчик помнил, когда они ее продали. Однако оба каждый день делали вид, будто сеть у старика есть. Не было и миски с желтым рисом и рыбой, и это мальчик знал тоже. — Восемьдесят пять — счастливое число, — сказал старик. — А ну как я завтра поймаю рыбу в тысячу фунтов?

\*\*\*\*\*

Когда мальчик вернулся, солнце уже зашло, а старик спал, сидя на стуле. Мальчик снял с кровати старое солдатское одеяло и прикрыл им спинку стула и плечи старика. Это были удивительные плечи — могучие, несмотря на старость, да и шея была сильная, и теперь, когда старик спал, уронив голову на грудь, морщины были не так заметны. Рубаха его была такая же латаная-перелатаная, как и парус, а заплатки были разных оттенков, потому что неровно выгорели на солнце. Однако лицо у старика было все же очень

старое, и теперь, во сне, с закрытыми глазами, оно казалось совсем неживым. Газета лежала у него на коленях, прижатая локтем, чтобы ее не сдуло. Ноги были босы. Мальчик не стал его будить и ушел, а когда он вернулся снова, старик все еще спал.

— Проснись! — позвал его мальчик и положил ему руку на колено. Старик открыл глаза и несколько мгновений возвращался откуда-то издалека. Потом он улыбнулся.

— Что ты принес?

— Ужин. Сейчас мы будем есть.

— Да я не так уж голоден.

— Давай есть. Нельзя ловить рыбу не евши.

— Мне случалось, — сказал старик, поднимаясь и складывая газету; потом он стал складывать одеяло.

— Не снимай одеяла, — сказал мальчик. — Покуда я жив, я не дам тебе ловить рыбу не евши.

— Тогда береги себя и живи как можно дольше, — сказал старик.

\*\*\*\*\*

Мальчик ушел. Они ели, не зажигая света, и теперь старик, сняв штаны, лег спать в темноте. Он скатал их, чтобы положить себе под голову вместо подушки, а в сверток сунул еще и газету. Завернувшись в одеяло, он улегся на старые газеты, которыми были прикрыты голые пружины кровати. Уснул он быстро, и ему снилась Африка его юности, длинные золотистые ее берега и белые отмели — такие белые, что глазам больно, — высокие утесы и громадные бурые горы. Каждую ночь он теперь вновь приставал к этим берегам, слышал во сне, как ревет прибой, и видел, как несет на сушу лодки туземцев. Во сне он снова вдыхал запах смолы и пакли, который шел от палубы, вдыхал запах Африки, принесенный с берега утренним ветром. Обычно, когда его настигал этот запах, он просыпался и, одевшись, отправлялся будить мальчика. Но сегодня запах берега настиг его очень рано,

он понял, что слышит его во сне, и продолжал спать, чтобы увидеть белые вершушки утесов, встающие из моря, гавани и бухты Канарских островов. Ему теперь уже больше не снились ни бури, ни женщины, ни великие события, ни огромные рыбы, ни драки, ни состязания в силе, ни жена. Ему снились только далекие страны и львята, выходящие на берег. Словно котята, они резвились в сумеречной мгле, и он любил их так же, как любил мальчика. Но мальчик ему никогда не снился.

\*\*\*\*\*

Старик заранее решил, что уйдет далеко от берега; он оставил позади себя запахи земли и греб прямо в свежее утреннее дыхание океана. Проплывая над той его частью, которую рыбаки прозвали «великим колодцем», он видел, как светятся в глубине водоросли. Дно в этом месте круто опускается на целых семьсот морских саженей, и здесь собираются всевозможные рыбы, потому что течение, натолкнувшись на крутые откосы океанского дна, образует водоворот. Тут скапливаются огромные стаи креветок и мелкой рыбешки, а на самых больших глубинах порою толпится множество каракатиц; ночью они поднимаются на поверхность и служат пищей для всех бродячих рыб. В темноте старик чувствовал приближение утра; загребая веслами, он слышал дрожащий звук — это летучая рыба выходила из воды и уносилась прочь, со свистом рассекая воздух жесткими крыльями. Он питал нежную привязанность к летучим рыбам — они были его лучшими друзьями здесь, в океане. Птиц он жалел, особенно маленьких и хрупких морских ласточек, которые вечно летают в поисках пищи и почти никогда ее не находят, и он думал: «Птичья жизнь много тяжелее нашей, если не считать стервятников и больших, сильных птиц. Зачем птиц создали такими хрупкими и беспомощными, как вот эти морские ласточки, если океан порой бывает так жесток? Он добр и прекрасен, но иногда он вдруг становится таким жестоким, а птицы, которые летают над ним, ныряя за пищей и перекликаясь слабыми, печальными голосами, — они слишком

хрупки для него». Мысленно он всегда звал море *la mar*, как зовут его по-испански люди, которые его любят. Порою те, кто его любит, говорят о нем дурно, но всегда как о женщине, в женском роде. Рыбаки помоложе, из тех, кто пользуется буюми вместо поплавков для своих снастей и ходит на моторных лодках, купленных в те дни, когда акулья печенка была в большой цене, называют море *el mar*, то есть в мужском роде. Они говорят о нем как о пространстве, как о сопернике, а порою даже как о враге. Старик же постоянно думал о море как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые поступки, — что поделаешь, такова уж ее природа. «Луна волнует море, как женщину», — думал старик. Он мерно греб, не напрягая сил, потому что поверхность океана была гладкой, за исключением тех мест, где течение образовывало водоворот. Старик давал течению выполнять за себя треть работы, и когда стало светать, он увидел, что находится куда дальше, чем надеялся быть в этот час. "Я рыбачил в глубинных местах целую неделю и ничего не поймал, — подумал старик. — Сегодня я попытаю счастья там, где ходят стаи бонито и альбакоре. Вдруг там плавают и большая рыба?"» Еще не рассвело, а он уже закинул свои крючки с приманкой и медленно поплыл по течению.

\*\*\*\*\*

Теперь старик наблюдал, не пригибаются ли к борту зеленые прутья, и тихонечко греб, следя за тем, чтобы леса уходила в воду прямо и на должную глубину. Стало уже совсем светло, вот-вот должно было взойти солнце. Солнце едва приметно поднялось из моря, и старику стали видны другие лодки; они низко сидели в воде по всей ширине течения, но гораздо ближе к берегу. Потом солнечный свет стал ярче и вода отразила его сияние, а когда солнце совсем поднялось над горизонтом, гладкая поверхность моря стала отбрасывать его лучи прямо в глаза, причиняя резкую боль, и старик греб, стараясь не глядеть на воду. Он смотрел в темную глубь моря, куда уходили

его лески. У него они всегда уходили в воду прямее, чем у других рыбаков, и рыбу на разных глубинах ожидала в темноте приманка на том самом месте, которое он для нее определил. Другие рыбаки позволяли своим снастям плыть по течению, и порою они оказывались на глубине в шестьдесят саженей, когда рыбаки считали, что опустили их на сто.

«Я же, — подумал старик, — всегда закидываю свои снасти точно. Мне просто не везет. Однако кто знает? Может, сегодня счастье мне улыбнется. День на день не приходится. Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к нему готов».

\*\*\*\*\*

Он ждал, держа бечеву между большим и указательным пальцами, следя одновременно за ней и за другими лесками, потому что рыба могла переплыть с места на место. И вдруг он снова почувствовал легкое, чуть приметное подергивание лески.

— Клюнет, — сказал старик вслух. — Клюнет, дай ей бог здоровья!

Но она не клюнула. Она ушла, и леска была неподвижна.

— Она не могла уйти, — сказал старик. — Видит бог, она не могла уйти. Она просто поворачивается и делает новый заплыв. Может быть, она уже попадалась на крючок и помнит об этом.

Тут он снова почувствовал легкое подергивание лески; и у него отлегло от сердца.

— Я же говорил, что она только поворачивается, — сказал старик. — Теперь-то уж она клюнет!

Он был счастлив, ощущая, как рыба потихоньку дергает леску, и вдруг почувствовал какую-то невероятную тяжесть. Он почувствовал вес огромной рыбы и, выпустив бечеву, дал ей скользнуть вниз, вниз, вниз, разматывая за собой один из запасных мотков. Леска уходила вниз, легко скользя между

пальцами, но хотя он едва придерживал ее, он все же чувствовал огромную тяжесть, которая влекла ее за собой.

— Что за рыба! — сказал он вслух. — Зацепила крючок губой и хочет теперь удрать вместе с ним подальше.

«Она все равно повернется и проглотит крючок», — подумал старик. Однако он не произнес своей мысли вслух, чтобы не сглазить. Он знал, как велика эта рыба, и мысленно представлял себе, как она уходит в темноте все дальше с тунцом, застрявшим у нее поперек пасти. На какой-то миг движение прекратилось, но он по-прежнему ощущал вес рыбы. Потом тяга усилилась, и он снова отпустил бечеву. На секунду он придерживал ее пальцами; напряжение увеличилось, и бечеву потянуло прямо вниз.

— Клынула, — сказал старик. — Пусть теперь поест как следует. Он позволил лесе скользить между пальцами, а левой рукой привязал свободный конец двух запасных мотков к петле двух запасных мотков второй удочки. Теперь все было готово. У него в запасе было три мотка леси по сорок саженей в каждом, не считая той, на которой он держал рыбу. — Поешь еще немножко, — сказал он. — Ешь, не стесняйся. "Ешь так, чтобы острие крючка попало тебе в сердце и убило тебя насмерть, — подумал он. — Всплыви сама и дай мне всадить в тебя гарпун. Ну вот и ладно. Ты готова? Насытилась вволю?»

— Пора! — сказал он вслух и, сильно дернув обеими руками лесу, выбрал около ярда, а потом стал дергать ее снова и снова, подтягивая бечеву поочередно то одной, то другой рукой и напрягая при каждом рывке всю силу рук и тела.

Усилия его были тщетны. Рыба медленно уходила прочь, и старик не мог приблизить ее к себе ни на дюйм.

\*\*\*\*\*

Насколько старик мог судить по звездам, рыба плыла всю ночь, не меняя направления. После захода солнца похолодало, пот высох у него на спине, на



плечах и на старых ногах, и ему стало холодно. Днем он вытащил мешок, покрывавший ящик с наживкой, и расстелил его на солнце сушить. Когда солнце зашло, он обвязал мешок вокруг шеи и спустил его себе на спину, осторожно просунув под бечеву. Бечева резала теперь куда меньше, и, прислонившись к носу, он согнулся так, что ему было почти удобно. По правде говоря, в этом положении ему было только чуточку легче, но он уверял себя, что теперь ему почти совсем удобно.

«Я ничего не могу с ней поделаться, но и она ничего не может поделаться со мной, — сказал себе старик. — Во всяком случае, до тех пор, пока не придумает какой-нибудь новый фокус».

Разок он встал, чтобы помочиться через борт лодки, поглядеть на звезды и определить, куда идет лодка. Бечева казалась тоненьким лучиком, уходящим от его плеча прямо в воду. Теперь они двигались медленнее, и огни Гаваны потускнели, — по-видимому, течение уносило их на восток. «Раз огни Гаваны исчезают — значит, мы идем все больше на восток, — подумал старик. — Если бы рыба не изменила своего курса, я их видел бы еще много часов. Интересно, чем окончились сегодня матчи? Хорошо бы иметь на лодке радио!» Но он прервал свои мысли: «Не отвлекайся! Думай о том, что ты делаешь. Думай, чтобы не совершить какую-нибудь глупость».

Вслух он сказал:

— Жаль, что со мной нет мальчика. Он бы мне помог и увидел бы все это сам.

\*\*\*\*\*

Потом ему стало жалко большую рыбу, которую он поймал на крючок. "Ну не чудо ли эта рыба, и один бог знает, сколько лет она прожила на свете. Никогда еще мне не попадалась такая сильная рыба. И подумать только, как странно она себя ведет! Может быть, она потому не прыгает, что уж очень умна. Ведь она погубила бы меня, если бы прыгнула или рванулась изо всех сил вперед. Но, может быть, она не раз уже попадалась на крючок и

понимает, что так ей лучше бороться за жизнь. Почему ей знать, что против нее всего один человек, да и тот старик. Но какая большая эта рыба и сколько она принесет денег, если у нее вкусное мясо! Она схватила наживку, как самец, тянет, как самец, и борется со мной без всякого страха. Интересно, знает она, что ей делать, или плывет очертя голову, как и я?»

...«Ее судьба была оставаться в темной глубине океана, вдали от всяческих ловушек, приманок и людского коварства. Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти ее там, куда не проникал ни один человек. Ни один человек на свете. Теперь мы связаны друг с другом с самого полудня. И некому помочь ни ей, ни мне».

«Может быть, мне не нужно было становиться рыбаком, — думал он. — Но ведь для этого я родился.

...— Рыба, — позвал он тихонько, — я с тобой не расстанусь, пока не умру. «Да и она со мной, верно, не расстанется», — подумал старик и стал дожидаться утра. В этот предрассветный час было холодно, и он прижался к доскам, чтобы хоть немножко согреться. «Если она терпит, значит, и я стерплю».

\*\*\*\*\*

— Рыба, — сказал он, — я тебя очень люблю и уважаю. Но я убью тебя прежде, чем настанет вечер.

«Будем надеяться, что это мне удастся», — подумал он. С севера к лодке приблизилась маленькая птичка. Она летела низко над водой. Старик видел, что она очень устала.

Птица села на корму отдохнуть. Потом она покружилась у старика над головой и уселась на бечеву, где ей было удобнее. — Сколько тебе лет? — спросил ее старик. — Наверно, это твое первое путешествие?

Птица посмотрела на него в ответ. Она слишком устала, чтобы проверить, достаточно ли прочна бечева, и лишь покачивалась, обхватив ее своими нежными лапками.

— Не бойся, веревка натянута крепко, — заверил ее старик. — Даже слишком крепко. Тебе не полагалось бы так уставать в безветренную ночь. Ах, не те нынче пошли птицы!

«А вот ястребы, — подумал он, — выходят в море вам навстречу». Но он не сказал этого птице, да она все равно его бы не поняла. Ничего, сама скоро все узнает про ястребов.

— Отдохни хорошенько, маленькая птичка, — сказал он. — А потом лети к берегу и борись, как борется каждый человек, птица или рыба. Разговор с птицей его подбодрил, а то спина у него совсем одеревенела за ночь, и теперь ему было по-настоящему больно. — Побудь со мной, если хочешь, птица, — сказал он. — Жаль, что я не могу поставить парус и привезти тебя на сушу, хотя сейчас и поднимается легкий ветер. Но у меня тут друг, которого я не могу покинуть. В это мгновение рыба внезапно рванулась и повалила старика на нос; она стащила бы его за борт, если бы он не уперся в него руками и не отпустил бы лесу.

\*\*\*\*\*

— Поднимается, — сказал он. — Ну-ка, рука, оживай! Пожалуйста! Леса вытягивалась в длину все больше и больше, и наконец поверхность океана перед лодкой вздулась, и рыба вышла из воды. Она все выходила и выходила, и казалось, ей не будет конца, а вода потоками скатывалась с ее боков. Вся она горела на солнце, голова и спина у нее были темно-фиолетовые, а полосы на боках казались при ярком свете очень широкими и нежно-сиреневыми. Вместо носа у нее был меч, длинный, как бейсбольная клюшка, и острый на конце, как рапира. Она поднялась из воды во весь рост, а потом снова опустилась, бесшумно, как пловец, и едва ушел в глубину ее огромный хвост, похожий на лезвие серпа, как леса начала стремительно разматываться.

— Она на два фута длиннее моей лодки, — сказал старик. Леса уходила в море быстро, но равномерно, и рыба явно не была напугана. Старик обеими руками натягивал лесу до отказа. Он знал, что если ему не удастся замедлить

ход рыбы таким же равномерным сопротивлением, она заберет все запасы его бечевы и сорвется.

«Она громадина, эта рыба, и я не дам ей почувствовать свою силу, — думал он. — Нельзя, чтобы она поняла, что может сделать со мной, если пустится наутек. На ее месте я бы сейчас поставил все на карту и шел бы вперед до тех пор, покуда что-нибудь не лопнет. Но рыбы, слава богу, не так умны, как люди, которые их убивают; хотя в них гораздо больше и ловкости и благородства».

Старик встречал на своем веку много больших рыб. Он видел много рыб, весивших более тысячи фунтов, и сам поймал в свое время две такие рыбы, но никогда еще ему не приходилось делать это в одиночку. А теперь один, в открытом море, он был накрепко привязан к такой большой рыбе, какой он никогда не видел, о какой даже никогда не слышал, и его левая рука по-прежнему была сведена судорогой, как сжатые когти орла. «Ну, рука у меня разойдется, — подумал он. — Конечно, разойдется, хотя бы для того, чтобы помочь правой руке. Жили-были три брата: рыба и мои две руки... Непременно разойдется. Просто стыд, что ее свело». Рыба замедлила ход и теперь шла с прежней скоростью. «Интересно, почему она вдруг вынырнула, — размышлял старик. — Можно подумать, что она вынырнула только для того, чтобы показать мне, какая она громадная. Ну что ж, теперь я знаю. Жаль, что я не могу показать ей, что я за человек. Положим, она бы тогда увидела мою сведенную руку. Пусть она думает обо мне лучше, чем я на самом деле, и я тогда буду и в самом деле лучше. Хотел бы я быть рыбой и чтобы у меня было все, что есть у нее, а не только воля и сообразительность».

...«Хоть это и несправедливо, — прибавил он мысленно, — но я докажу ей, на что способен человек и что он может вынести». — Я ведь говорил мальчику, что я не обыкновенный старик, — сказал он. — Теперь пришла пора это доказать.

Он доказывал это уже тысячу раз. Ну так что ж? Теперь приходится доказывать это снова. Каждый раз счет начинается сызнова; поэтому когда он что-нибудь делал, то никогда не вспоминал о прошлом.

\*\*\*\*\*

Сам он теперь чувствовал огромную усталость, знал, что скоро наступит ночь, и поэтому старался думать о чем-нибудь постороннем.

... Когда солнце зашло, старик, чтобы подбодриться, стал вспоминать, как однажды в таверне Касабланки он состязался в силе с могучим негром из Сьенфуэгос, самым сильным человеком в порту. Они просидели целые сутки друг против друга, уперев локти в черту, прочерченную мелом на столе, не сгибая рук и крепко сцепив ладони. Каждый из них пытался пригнуть руку другого к столу. Кругом держали пари, люди входили и выходили из комнаты, тускло освещенной керосиновыми лампами, а он не сводил глаз с руки и локтя негра и с его лица. После того как прошли первые восемь часов, судьи стали меняться через каждые четыре часа, чтобы поспать. Из-под ногтей обоих противников сочилась кровь, а они все глядели друг другу в глаза, и на руку, и на локоть. Люди, державшие пари, входили и выходили из комнаты; они рассаживались на высокие стулья у стен и ждали, чем это кончится. Деревянные стены были выкрашены в ярко-голубой цвет, и лампы отбрасывали на них тени. Тень негра была огромной и шевелилась на стене, когда ветер раскачивал лампы.

Преимущество переходило от одного к другому всю ночь напролет; негра поили ромом и зажигали ему сигареты. Выпив рому, негр делал отчаянное усилие, и один раз ему удалось пригнуть руку старика — который тогда не был стариком, а звался Сантьяго El Campeon — почти на три дюйма. Но старик снова выпрямил руку. После этого он уже больше не сомневался, что победит негра, который был хорошим парнем и большим силачом. И на рассвете, когда люди стали требовать, чтобы судья объявил ничью, а тот только пожал плечами, старик внезапно напряг свои силы и стал пригибать

руку негра все ниже и ниже, покуда она не легла на стол. Поединок начался в воскресенье утром и окончился утром в понедельник. Многие из державших пари требовали признать ничью, потому что им пора было выходить на работу в порт, где они грузили уголь для Гаванской угольной компании или мешки с сахаром. Если бы не это, все бы хотели довести состязание до конца. Но старик победил, и победил до того, как грузчикам надо было выйти на работу.

Долго еще потом его звали Чемпионом, а весной он дал негру отыграться. Однако ставки уже были не такими высокими, и он легко победил во второй раз, потому что вера в свою силу у негра из Сьенфуэгос была сломлена еще в первом матче. Потом Сантьяго участвовал еще в нескольких состязаниях, но скоро бросил это дело. Он понял, что если очень захочет, то победит любого противника, и решил, что такие поединки вредны для его правой руки, которая нужна ему для рыбной ловли.

\*\*\*\*\*

— Как ты себя чувствуешь, рыба? — спросил он громко. — Я себя чувствую прекрасно. Левая рука болит меньше, и пищи хватит на целую ночь и еще на день. Ладно, тащи лодку, рыба.

Старик совсем не так уж хорошо себя чувствовал, потому что боль, которую причиняла его спине веревка, почти перестала быть болью и превратилась в глухую ломоту, а это его беспокоило. «Со мной случались вещи и похуже, — утешал он себя. — Рука у меня поранена совсем легко, а другую больше не сводит судорога. Ноги у меня в порядке. Да и в смысле пищи мне куда лучше, чем рыбе».

Было темно; в сентябре темнота всегда наступает внезапно, сразу же после захода солнца. Он лежал, прислонившись к изъеденным солью доскам, и изо всех сил старался отдохнуть. На небе показались первые звезды. Он не знал названия звезды Ригель, но, увидев ее, понял, что скоро покажутся и все остальные и тогда эти далекие друзья будут снова с ним. — Рыба — она тоже

мне друг, — сказал он. — Я никогда не видел такой рыбы и не слышал, что такие бывают. Но я должен ее убить. Как хорошо, что нам не приходится убивать звезды!

«Представь себе: человек что ни день пытается убить луну! А луна от него убегает. Ну, а если человеку пришлось бы каждый день охотиться за солнцем? Нет, что ни говори, нам еще повезло», — подумал он. Потом ему стало жалко большую рыбу, которой нечего есть, но печаль о ней нисколько не мешала его решимости ее убить. Сколько людей он насытит! Но достойны ли люди ею питаться? Конечно, нет. Никто на свете не достоин ею питаться: поглядите только, как она себя ведет и с каким великим благородством.

«Я многого не понимаю, — подумал он. — Но как хорошо, что нам не приходится убивать солнце, луну и звезды. Достаточно того, что мы вымогаем пищу у моря и убиваем своих братьев».

\*\*\*\*\*

Рыбу он увидел во время ее третьего круга. Сначала он увидел темную тень, которая так долго проходила у него под лодкой, что он просто глазам не поверил.

— Нет, — сказал он. — Не может быть, чтобы она была такая большая. Но рыба была такая большая, и к концу третьего круга она всплыла на поверхность всего в тридцати ярдах от лодки, и старик увидел, как поднялся над морем ее хвост. Он был больше самого большого серпа и над темно-синей водой казался бледно-сиреневым. Рыба нырнула снова, но уже неглубоко, и старик мог разглядеть ее громадное туловище, опоясанное фиолетовыми полосами. Ее спинной плавник был опущен, а огромные грудные плавники раскинуты в стороны.

Пока она делала свой круг, старик разглядел глаз рыбы и плывших подле нее двух серых рыб-прилипал. Время от времени прилипалы присасывались к рыбе, а потом стремглав бросались прочь. Порою же они весело плыли в тени, которую отбрасывала большая рыба. Каждая из прилипал была длиною

более трех футов, и когда они плыли быстро, они извивались всем телом, как угри. По лицу старика катился пот, но теперь уже не только от солнца. Во время каждого нового круга, который так спокойно и, казалось, безмятежно проплывала рыба, старик выбирал все больше лесы и теперь был уверен, что через два круга ему удастся всадить в рыбу гарпун. «Но я должен подтянуть ее ближе, гораздо ближе, — подумал он. — И не надо целиться в голову. Надо бить в сердце».

«Будь спокойным и сильным, старик», — сказал он себе. Во время следующего круга спина рыбы показалась над водой, но плыла она все еще слишком далеко от лодки. Рыба сделала еще один круг, но была по-прежнему слишком далеко от лодки, хотя и возвышалась над водой куда больше. Старик знал, что, выбери он еще немного лесы, он мог бы подтащить рыбу к самому борту.

Он уже давно приготовил гарпун; связка тонкого троса лежала в круглой корзине, а конец он привязал к битенгу на носу. Рыба приближалась, делая свой круг, такая спокойная и красивая, чуть шевеля огромным хвостом. Старик тянул лесу что было силы, стараясь подтащить рыбу как можно ближе к лодке. На секунду рыба слегка завалилась на бок. Потом она выпрямилась и начала новый круг.

— Я сдвинул ее с места, — сказал старик. — Я все-таки заставил ее перевернуться.

У него снова закружилась голова, но он тянул лесу с большой рыбой изо всех сил. «Ведь мне все-таки удалось перевернуть ее на бок, — думал он. — Может быть, на этот раз я сумею перевернуть ее на спину. Тяните! — приказывал он своим рукам. — Держите меня, ноги! Послужи мне еще, голова! Послужи мне. Ты ведь никогда меня не подводила. На этот раз я переверну ее на спину».

Еще задолго до того, как рыба приблизилась к лодке, он напряг все свои силы и стал тянуть что было мочи. Но рыба лишь слегка повернулась на бок, потом снова выпрямилась и уплыла вдаль.



— Послушай, рыба! — сказал ей старик. — Ведь тебе все равно умирать. Зачем же тебе надо, чтобы и я тоже умер?

«Этак мне ничего не добиться», — подумал старик. Во рту у него так пересохло, что он больше не мог говорить, и не было сил дотянуться до бутылки с водой. «На этот раз я должен подтащить ее к лодке, — подумал он. — Надолго меня не хватит». — «Нет, хватит, — возразил он себе. — Тебя, старик, хватит навеки».

\*\*\*\*\*

Во время следующего круга старик чуть было ее не достал, но рыба снова выпрямилась и медленно поплыла прочь.

«Ты губишь меня, рыба, — думал старик. — Это, конечно, твое право. Ни разу в жизни я не видел существа более громадного, прекрасного, спокойного и благородного, чем ты. Ну что же, убей меня. Мне уже все равно, кто кого убьет».

«Опять у тебя путается в голове, старик! А голова у тебя должна быть ясная. Приведи свои мысли в порядок и постарайся переносить страдания, как человек... Или как рыба», — мысленно добавил он. — А ну-ка, голова, работай, — сказал он так тихо, что едва услышал свой голос. — Работай, говорят тебе.

Еще два круга все оставалось по-прежнему.

«Что делать? — думал старик. Всякий раз, когда рыба уходила, ему казалось, что он теряет сознание. — Что делать? Попробую еще раз». Он сделал еще одну попытку и почувствовал, что теряет сознание, но он все-таки перевернул рыбу на спину. Потом рыба перевернулась обратно и снова медленно уплыла прочь, помахивая в воздухе своим громадным хвостом. «Попробую еще раз», — пообещал старик, хотя руки у него совсем ослабли и перед глазами стоял туман.

Он попробовал снова, и рыба снова ушла. «Ах, так? — подумал он и сразу же почувствовал, как жизнь в нем замирает. — Я попробую еще раз».

Он собрал всю свою боль, и весь остаток своих сил, и всю свою давно утраченную гордость и кинул их на поединок с муками, которые терпела рыба, и тогда она перевернулась на бок и тихонько поплыла на боку, едва-едва не доставая мечом до обшивки лодки; она чуть было не проплыла мимо, длинная, широкая, серебряная, перевитая фиолетовыми полосами, и казалось, что ей не будет конца.

Старик бросил лесу, наступил на нее ногой, поднял гарпун так высоко, как только мог, и изо всей силы, которая у него была и которую он сумел в эту минуту собрать, вонзил гарпун рыбе в бок, как раз позади ее громадного грудного плавника, высоко вздымавшегося над морем до уровня человеческой груди. Он почувствовал, как входит железо в мякоть, и, упершись в гарпун, всаживал его все глубже и глубже, помогая себе всей тяжестью своего тела. И тогда рыба ожила, хоть и несла уже в себе смерть, — она высоко поднялась над водой, словно хвастая своей огромной длиной и шириной, всей своей красотой и мощью. Казалось, что она висит в воздухе над стариком и лодкой. Потом она грохнулась в море, залив потоками воды и старика, и всю его лодку.

Старика одолела слабость и дурнота; он почти ничего не видел. Но, опустив бечеву гарпуна, он стал медленно перебирать ее в изрезанных руках, а когда зрение вернулось, он увидел, что рыба лежит на спине, серебряным брюхом кверху. Рукоятка гарпуна торчала наискось из ее спины, а море вокруг было окрашено кровью ее сердца. Сначала пятно было темное, словно голубую воду на целую милю вглубь заполнила стая рыб. Потом пятно расплылось и стало похоже на облако. Серебристая рыба тихо покачивалась на волнах. Старик не сводил с нее глаз, пока зрение у него опять не затуманилось.

Тогда он дважды обмотал веревку гарпуна о битенг и опустил голову на руки. «Что же это с моей головой? — сказал он, прижавшись лицом к обшивке носа. — Я старый человек, и я очень устал. Но я все-таки убил эту рыбу, которая мне дороже брата, и теперь мне осталось сделать черную

работу. Теперь я должен приготовить веревку и связать ее в петли, чтобы принайтовить рыбу к лодке. Даже если бы нас было двое и мы затопили бы лодку, чтобы погрузить в нее рыбу, а потом вычерпали воду, — все равно лодка не выдержала бы такой тяжести. Я должен подготовить все, что нужно, а потом подтянуть рыбу к борту, привязать ее накрепко к лодке, поставить парус и отправиться восвояси».

\*\*\*\*\*

Лодка шла хорошо, несмотря на сопротивление, которое ей приходилось преодолевать, и старик правил, придерживая румпель локтем. Ему все время была видна рыба, а стоило ему взглянуть на свои руки или дотронуться до лодки спиной — и он чувствовал, что все это не было сном и случилось с ним на самом деле. Одно время, уже к самому концу, когда ему стало дурно, старику вдруг показалось, что все это только сон. Да и потом, когда он увидел, как рыба вышла из воды и, прежде чем упасть в нее снова, неподвижно повисла в небе, ему почудилась во всем этом какая-то удивительная странность, и он не поверил своим глазам. Правда, тогда он и видел-то совсем плохо, а теперь глаза у него опять были в порядке. Теперь он знал, что рыба существует на самом деле и что боль в руках и в спине — это тоже не сон. «Руки заживают быстро, — подумал он. — Я пустил достаточно крови, чтобы не загрязнить раны, а соленая вода их залечит. Темная вода залива — лучший в мире целитель. Только бы не путались мысли! Руки свое дело сделали, и лодка идет хорошо. Рот у рыбы закрыт, хвост она держит прямо, мы плывем с ней рядом, как братья». В голове у него снова немножко помутилось, и он подумал: «А кто же кого везет домой — я ее или она меня? Если бы я тащил ее на буксире, все было бы ясно. Или если бы она лежала в лодке, потеряв все свое достоинство, все тоже было бы ясно. Но ведь мы плывем рядом, накрепко связанные друг с другом. Ну и пожалуйста, пусть она меня везет, если ей так нравится. Я ведь взял над нею верх только хитростью; она не замышляла против меня никакого зла». Они плыли и плыли, и старик полоскал руки в соленой воде и старался, чтобы мысли у

него не путались. Кучевые облака шли высоко, над ними плыли перистые; старик знал, что ветер будет дуть всю ночь. Он то и дело поглядывал на рыбу, чтобы проверить, в самом ли деле она ему не приснилась. Прошел целый час, прежде чем его настигла первая акула. Акула догнала его не случайно. Она выплыла из самой глубины океана, когда темное облако рыбьей крови сгустилось, а потом разошлось по воде глубиной в целую милю. Она всплыла быстро, без всякой опаски, разрешила голубую гладь моря и вышла на солнце. Потом она снова ушла в воду, снова почуяла запах крови и поплыла по следу, который оставляли за собой лодка и рыба.

Порою она теряла след. Но она либо попадала на него снова, либо чуяла едва слышный его запах и преследовала его неотступно. Это была очень большая акула породы мако, созданная для того, чтобы плавать так же быстро, как плавают самая быстрая рыба в море, и все в ней было красиво, кроме пасти. Спина у нее была такая же голубая, как у меч-рыбы, брюхо серебряное, а кожа гладкая и красивая, и вся она была похожа на меч-рыбу, если не считать огромных челюстей, которые сейчас были плотно сжаты. Она быстро плыла у самой поверхности моря, легко прорезая воду своим высоким спинным плавником. За плотно сжатыми двойными губами ее пасти в восемь рядов шли косо посаженные зубы. Они были не похожи на обычные пирамидальные зубы большинства акул, а напоминали человеческие пальцы, скрюченные, как звериные когти. Длиною они не уступали пальцам старика, а по бокам были остры, как лезвия бритвы. Акула была создана, чтобы питаться всеми морскими рыбами, даже такими подвижными, сильными и хорошо вооруженными, что никакой другой враг им не был страшен. Сейчас она спешила, чуя, что добыча уже близко, и ее синий спинной плавник так и резал воду.

\*\*\*\*\*

«Дело шло уж больно хорошо, так не могло продолжаться», — думал он. Наблюдая за тем, как подходит акула, старик кинул взгляд на большую рыбу.

"Лучше бы, пожалуй, все это оказалось сном. Я не могу помешать ей напасть на меня, но, может быть, я смогу ее убить? Dentuso, — подумал он. — Чума на твою мать!"» Акула подплыла к самой корме, и когда она кинулась на рыбу, старик увидел ее разинутую пасть и необыкновенные глаза и услышал, как щелкнули челюсти, вонзившись в рыбу чуть повыше хвоста. Голова акулы возвышалась над водой, вслед за головой показалась и спина, и старик, слыша, как акульи челюсти с шумом раздирают кожу и мясо большой рыбы, всадил свой гарпун ей в голову в том месте, где линия, соединяющая ее глаза, перекрещивается с линией, уходящей вверх от ее носа. На самом деле таких линий не было. Была только тяжелая, заостренная голубая голова, большие глаза и лязгающая, выпяченная, всеядная челюсть. Но в этом месте у акулы находится мозг, и старик ударил в него своим гарпуном. Он изо всех сил ударил в него гарпуном, зажатым в иссеченных до крови руках. Он ударил в него, ни на что не надеясь, но с решимостью и яростной злобой.

Акула перевернулась, и старик увидел ее потухший глаз, а потом она перевернулась снова, дважды обмотав вокруг себя веревку. Старик понял, что акула мертва, но сама она не хотела с этим мириться. Лежа на спине, она била хвостом и лязгала челюстями, вспенивая воду, как гоночная лодка. Море там, где она взбивала его хвостом, было совсем белое. Туловище акулы поднялось на три четверти над водой, веревка натянулась, задрожала и наконец лопнула. Акула полежала немножко на поверхности, и старик все глядел на нее. Потом очень медленно она погрузилась в воду.

— Она унесла с собой около сорока фунтов рыбы, — вслух сказал старик. «Она утащила на дно и мой гарпун, и весь остаток веревки, — прибавил он мысленно, — а из рыбы снова течет кровь, и вслед за этой акулой придут другие».

Ему больше не хотелось смотреть на рыбу теперь, когда ее так изуродовали. Когда акула кинулась на рыбу, ему показалось, что она кинулась на него самого.

«Но я все-таки убил акулу, которая напала на мою рыбу, — подумал он. — И это была самая большая *dentuso*, какую я когда-либо видел. А мне, ей-богу, пришлось повстречать на своем веку немало больших акул. Дела мои шли слишком хорошо. Дольше так не могло продолжаться. Хотел бы я, чтобы все это было сном: я не поймал никакой рыбы, а сплю себе один на кровати, застеленной газетами».

— Но человек не для того создан, чтобы терпеть поражения, — сказал он.

— Человека можно уничтожить, но его нельзя победить.

\*\*\*\*\*

Он плыл уже два часа, полулежа на корме, пожевывая рыбье мясо и стараясь поскорее набраться сил и отдохнуть, когда заметил первую из двух акул.

— Ай! — произнес старик слово, не имеющее смысла, скорее звук, который невольно издает человек, чувствуя, как гвоздь, пронзив его ладонь, входит в дерево.

— *Galanos*, — сказал он вслух. Он увидел, как за первым плавником из воды показался другой, и по этим коричневым треугольным плавникам, так же как и по размашистому движению хвоста, понял, что это широконосые акулы. Они почуяли запах рыбы, взволновались и, совсем одурев от голода, то теряли, то вновь находили этот заманчивый запах. Но они с каждой минутой приближались. Старик намертво закрепил парус и заклинил руль. Потом он поднял весло с привязанным к нему ножом. Он поднял весло совсем легонько, потому что руки его нестерпимо болели. Он сжимал и разжимал пальцы, чтобы хоть немножко их размять. Потом ухватился за весло крепче, чтобы заставить руки сразу почувствовать боль в полную меру и уже больше не отвливать от работы, и стал наблюдать за тем, как подплывают акулы. Он видел их приплюснутые, широконосые головы и большие, отороченные белым грудные плавники. Это были самые гнусные из

всех акул — вонючие убийцы, пожирающие и падаль; когда их мучит голод, они готовы укусить и весло, и руль лодки. Такие акулы откусывают лапы у черепах, когда те засыпают на поверхности моря, а сильно оголодав, набрасываются в воде и на человека, даже если от него не пахнет рыбьей кровью или рыбьей слизью.

— Ай! — сказал старик. — Ну что ж, плывите сюда, galanos. И они приплыли. Но они приплыли не так, как приплыла мако. Одна из них, сверкнув, скрылась под лодкой, и старик почувствовал, как лодка задрожала, когда акула рвала рыбу. Другая следила за стариком своими узкими желтыми глазками, затем, широко разинув полукружье пасти, кинулась на рыбу в том самом месте, где ее обглодала мако. Старику была ясно видна линия, бегущая с верхушки ее коричневой головы на спину, где мозг соединяется с хребтом, и он ударил ножом, надетым на весло, как раз в это место; потом вытащил нож и всадил его снова в желтые кошачьи глаза акулы. Акула, издыхая, отвалилась от рыбы и скользнула вниз, доглатывая то, что откусила. Лодка все еще дрожала от той расправы, которую вторая акула чинила над рыбой, и старик, отпустив парус, дал лодке повернуться боком, чтобы выманить из-под нее акулу. Увидев ее, он перегнулся через борт и ткнул ее ножом. Он попал ей в мякоть, а жесткая кожа не дала ножу проникнуть глубже. От удара у старика заболели не только руки, но и плечо. Но акула, выставив из воды пасть, бросилась на рыбу снова, и тогда старик ударил ее в самую середину приплюснутой головы. Он вытащил лезвие и вонзил его в то же самое место вторично. Акула все еще висела на рыбе, плотно сжав челюсти, и старик вонзил ей нож в левый глаз. Акула по-прежнему держалась за рыбу. — Ах, ты так? — сказал старик и вонзил нож между мозгом и позвонками. Сейчас это было нетрудно, и он почувствовал, что рассек хрящ. Старик повернул весло другим концом и всунул его акуле в пасть, чтобы разжать ей челюсти. Он повертел веслом и, когда акула соскользнула с рыбы, сказал:

— Ступай вниз, galano. Ступай вниз на целую милю. Повидайся там со своим дружкой. А может быть, это была твоя мать? Он вытер лезвие ножа и

положил весло в лодку. Потом поставил парус и, когда его надуло ветром, повернул лодку на прежний курс. — Они, наверно, унесли с собой не меньше четверти рыбы, и притом самое лучшее мясо, — сказал он вслух. — Хотел бы я, чтобы все было сном и я не ловил этой рыбы. Мне жалко, рыба, что так нехорошо получилось. Старик замолчал, ему не хотелось теперь глядеть на рыбу. Обескровленная и вымоченная в воде, она по цвету напоминала амальгаму, которой покрывают зеркало, но полосы все еще были заметны.

— Мне не следовало уходить так далеко в море, — сказал он. — Мне очень жаль, рыба, что все так плохо получилось. И для тебя и для меня!

\*\*\*\*\*

— Драться, — сказал он, — драться, пока не умру. Но в темноте не было видно ни огней, ни зарева — были только ветер да надутый им парус, и ему вдруг показалось, что он уже умер. Он сложил руки вместе и почувствовал свои ладони. Они не были мертвы, и он мог вызвать боль, а значит, и жизнь, просто сжимая и разжимая их. Он прислонился к корме и понял, что жив. Об этом ему сказали его плечи. «Мне надо прочесть все те молитвы, которые я обещался прочесть, если поймаю рыбу, — подумал он. — Но сейчас я слишком устал. Возьму-ка я лучше мешок и прикрою плечи».

Лежа на корме, он правил лодкой и ждал, когда покажется в небе зарево от огней Гаваны. «У меня осталась от нее половина, — думал он. — Может быть, мне посчастливится, и я доведу до дому хоть ее переднюю часть. Должно же мне наконец повезти!.. Нет, — сказал он себе. — Ты надругался над собственной удачей, когда зашел так далеко в море».

«Не болтай глупостей, старик! — прервал он себя. — Не спи и следи за рулем. Тебе еще может привалить счастье».

— Хотел бы я купить себе немножко счастья, если его где-нибудь продают, — сказал старик.

«А на что ты его купишь? — спросил он себя. — Разве его купишь на потерянный гарпун, сломанный нож и покалеченные руки? Почему знать! Ты



ведь хотел купить счастье за восемьдесят четыре дня, которые ты провел в море. И, между прочим, тебе его чуть было не продали... Не нужно думать о всякой ерунде. Счастье приходит к человеку во всяком виде, разве его узнаешь? Я бы, положим, взял немножко счастья в каком угодно виде и заплатил за него все, что спросят. Хотел бы я увидеть зарево Гаваны, — подумал он.

— Ты слишком много хочешь сразу, старик. Но сейчас я хочу увидеть огни Гаваны — и ничего больше».

\*\*\*\*\*

«Ну, вот и все, — думал он. — Конечно, они нападут на меня снова. Но что может сделать с ними человек в темноте голыми руками?» Все его тело ломило и саднило, а ночной холод усиливал боль его ран и натруженных рук и ног. "Надеюсь, мне не нужно будет больше сражаться, — подумал он. — Только бы мне больше не сражаться!» Но в полночь он сражался с акулами снова — и на этот раз знал, что борьба бесполезна. Они напали на него целой стаей, а он видел лишь полосы на воде, которые прочерчивали их плавники, и свет, который они излучали, когда кидались рвать рыбу. Он бил дубинкой по головам и слышал, как лязгают челюсти и как сотрясается лодка, когда они хватают рыбу снизу. Он отчаянно бил дубинкой по чему-то невидимому, что мог только слышать и осязать, и вдруг почувствовал, как дубинки не стало.

Он вырвал румпель из гнезда и, держа его обеими руками, бил и колотил им, нанося удар за ударом. Но акулы уже были у самого носа лодки и набрасывались на рыбу одна за другой и все разом, отдирая от нее куски мяса, которые светились в море; акулы разворачивались снова, чтобы снова накинуться на свою добычу.

Одна из акул подплыла наконец к самой голове рыбы, и тогда старик понял, что все кончено. Он ударил румпелем по носу акулы, там, где ее зубы застряли в крепких костях рыбьей головы. Ударил раз, другой и третий.

Услышав, как затрещал и раскололся румпель, он стукнул акулу расщепленной рукояткой. Старик почувствовал, как дерево вонзилось в мясо, и, зная, что обломок острый, ударил акулу снова. Она бросила рыбу и отплыла подальше. То была последняя акула из напавшей на него стаи. Им больше нечего было есть. Старик едва дышал и чувствовал странный привкус во рту. Привкус был сладковатый и отдавал медью, и на минуту старик испугался. Но скоро все прошло. Он сплюнул в океан и сказал:

— Ешьте, galanos, давитесь! И пусть вам приснится, что вы убили человека.

... Теперь ему было все равно, лишь бы поскорее и получше привести лодку к родному берегу. Ночью акулы накинулись на обглоданный остов рыбы, словно обжоры, хватаящие объедки со стола. Старик не обратил на них внимания. Он ни на что больше не обращал внимания, кроме своей лодки. Он только ощущал, как легко и свободно она идет теперь, когда ее больше не тормозит огромная тяжесть рыбы.

\*\*\*\*\*

«Ветер — он-то уж наверняка нам друг, — подумал он, а потом добавил:

— Впрочем, не всегда. И огромное море — оно тоже полно и наших друзей, и наших врагов. А постель... — думал он, — постель — мой друг. Вот именно, обыкновенная постель. Лечь в постель — это великое дело. А как легко становится, когда ты побежден! — подумал он. — Я и не знал, что это так легко... Кто же тебя победил, старик? — спросил он себя...

— Никто, — ответил он. — Просто я слишком далеко ушел в море». Когда он входил в маленькую бухту, огни на Террасе были погашены, и старик понял, что все уже спят. Ветер непрерывно крепчал и теперь дул очень сильно. Но в гавани было тихо, и старик пристал к полосе гальки под скалами. Помочь ему было некому, и он подгрел как можно ближе. Потом вылез из лодки и привязал ее к скале.

Сняв мачту, он скатал на нее парус и завязал его. Потом взвалил мачту на плечо и двинулся в гору. Вот тогда-то он понял всю меру своей усталости. На мгновение он остановился и, оглянувшись, увидел в свете уличного фонаря, как высоко вздымается за кормой лодки огромный хвост рыбы. Он увидел белую обнаженную линию ее позвоночника и темную тень головы с выдающимся вперед мечом.

Старик снова начал карабкаться вверх. Одолев подъем, он упал и полежал немного с мачтой на плече.

Потом постарался встать на ноги, но это было нелегко, и он так и остался сидеть, глядя на дорогу. Пробежала кошка, направляясь по своим делам, и старик долго смотрел ей вслед; потом стал глядеть на пустую дорогу. Наконец он сбросил мачту наземь и встал. Подняв мачту, он снова взвалил ее на плечо и пошел вверх по дороге. По пути к своей хижине ему пять раз пришлось отдыхать.

Войдя в дом, он прислонил мачту к стене. В темноте он нашел бутылку с водой и напился. Потом лег на кровать. Он натянул одеяло на плечи, прикрыл им спину и ноги и заснул, уткнувшись лицом в газеты и вытянув руки ладонями вверх.

Он спал, когда утром в хижину заглянул мальчик. Ветер дул так сильно, что лодки не вышли в море, и мальчик проспал, а потом пришел в хижину старика, как приходил каждое утро. Мальчик убедился в том, что старик дышит, но потом увидел его руки и заплакал. Он тихонько вышел из хижины, чтобы принести кофе, и всю дорогу плакал.

Вокруг лодки собралось множество рыбаков, и все они рассматривали то, что было к ней привязано; один из рыбаков, закатав штаны, стоял в воде и мерил скелет веревкой.

Мальчик не стал к ним спускаться; он уже побывал внизу, и один из рыбаков пообещал ему присмотреть за лодкой.

— Как он себя чувствует? — крикнул мальчику один из рыбаков.

— Спит, — отозвался мальчик. Ему было все равно, что они видят, как он плачет. — Не надо его тревожить.

— От носа до хвоста в ней было восемнадцать футов! — крикнул ему рыбак, который мерил рыбу.

— Не меньше, — сказал мальчик.

Он вошел на Террасу и попросил банку кофе:

— Дайте мне горячего кофе и побольше молока и сахару.

— Возьми что-нибудь еще.

— Не надо. Потом я погляжу, что ему можно будет есть.

— Ох, и рыба! — сказал хозяин. — Прямо-таки небывалая рыба. Но и ты поймал вчера две хорошие рыбы.

— Ну ее совсем, мою рыбу! — сказал мальчик и снова заплакал.

...Мальчик отнес в хижину банку с горячим кофе и посидел около старика, покуда тот не проснулся. Один раз мальчику показалось, что он просыпается, но старик снова забылся в тяжелом сне, и мальчик пошел к соседям через дорогу, чтобы взять у них взаймы немного дров и разогреть кофе. Наконец старик проснулся.

— Лежи, не вставай, — сказал ему мальчик. — Бот выпей! — Он налил ему кофе в стакан.

Старик взял у него стакан и выпил кофе.

— Они одолели меня, Манолин, — сказал он. — Они меня победили.

— Но сама-то она ведь не смогла тебя одолеть! Рыба ведь тебя не победила!

— Нет. Что верно, то верно. Это уж потом случилось.

— Педрико обещал присмотреть за лодкой и за снастью. Что ты собираешься делать с головой?

— Пусть Педрико разрубит ее на приманку для сетей.

— А меч?

— Возьми его себе на память, если хочешь.

— Хочу, — сказал мальчик. — Теперь давай поговорим о том, что нам делать дальше.

— Меня искали?

— Конечно. И береговая охрана, и самолеты.

— Океан велик, а лодка совсем маленькая, ее и не заметишь, — сказал старик. Он почувствовал, как приятно, когда есть с кем поговорить, кроме самого себя и моря. — Я скучал по тебе, — сказал он. — Ты что-нибудь поймал?

— Одну рыбу в первый день, одну во второй и две в третий.

— Прекрасно!

— Теперь мы опять будем рыбачить вместе.

— Нет. Я — несчастливый. Мне больше не везет.

— Да наплевать на это везенье! — сказал мальчик. — Я тебе принесу счастье.

— А что скажут твои родные?

— Не важно. Я ведь поймал вчера две рыбы. Но теперь мы будем рыбачить с тобой вместе, потому что мне еще многому надо научиться.

— Придется достать хорошую острогу и всегда брать ее с собой. Лезвие можно сделать из рессоры старого форда. Заточим его в Гуанабакоа. Оно должно быть острое, но без закалки, чтобы не сломалось. Мой нож, он весь сломался.

— Я достану тебе новый нож и заточу рессору. Сколько дней еще будет дуть сильный brisa?

— Может быть, три. А может быть, и больше.

— К тому времени все будет в порядке, — сказал мальчик. — А ты пока что подлечи свои руки.

— Я знаю, что с ними делать. Ночью я выплюнул какую-то странную жидкость, и мне показалось, будто в груди у меня что-то разорвалось.

— Подлечи и это тоже, — сказал мальчик. — Ложись, старик, я принесу тебе чистую рубаху. И чего-нибудь поесть.

— Захвати какую-нибудь газету за те дни, что меня не было, — попросил старик.

— Ты должен поскорее поправиться, потому что я еще многому должен у тебя научиться, а ты можешь научить меня всему на свете. Тебе было очень больно?

— Очень, — сказал старик.

— Я принесу еду и газеты. Отдохни, старик. Я возьму в аптеке какое-нибудь снадобье для твоих рук.

— Не забудь сказать Педрико, чтобы он взял себе голову рыбы.

— Не забуду.

Когда мальчик вышел из хижины и стал спускаться вниз по старой каменистой дороге, он снова заплакал.

В этот день на Террасу приехала группа туристов, и, глядя на то, как восточный ветер вздувает высокие валы у входа в бухту, одна из приезжих заметила среди пустых пивных жестянок и дохлых медуз длинный белый позвоночник с огромным хвостом на конце, который вздымался и раскачивался на волнах прибоя.

— Что это такое? — спросила она официанта, показывая на длинный позвоночник огромной рыбы, сейчас уже просто мусор, который скоро унесет отливом.

— Tiburon, — сказал официант. — Акулы. — Он хотел объяснить ей все, что произошло.

— Вот не знала, что у акул бывают такие красивые, изящно выгнутые хвосты!

— Да, и я не знал, — согласился ее спутник.

Наверху, в своей хижине, старик опять спал. Он снова спал лицом вниз, и его сторожил мальчик. Старику снились львы.

## ЗАДАНИЕ

1. Дайте развёрнутый ответ на вопрос: «Старик Сантьяго – победитель или побежденный?». Для аргументации своей позиции используйте примеры из текста произведения.

### ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС

(1927-2014)

Габриэль Хосе Гарсиа Маркес родился 6 марта 1927 года в Колумбии, в семье телеграфиста. Мальчик был старшим из 16 детей. Гарсиа Маркес остался на попечении бабушки и дедушки по матери, так как родители вынуждены были из-за недостатка денег переехать в другой город. Бабушка оказала значительное влияние на мальчика, она рассказывала внуку многочисленные легенды и предания родного края. Впоследствии наиболее яркие из них легли в основу ряда будущих произведений писателя.

Дед Г. Гарсиа Маркеса был полковником в отставке – именно от него внук впервые услышал о кровопролитной гражданской войне, долгие годы сотрясавшей Латинскую Америку.

Получив начальное образование в иезуитском колледже, в 1946 году Г. Гарсиа Маркес поступил на юридический факультет Колумбийского университета. Вскоре был опубликован первый сборник его рассказов – «Глаза голубой собаки». Прервав учёбу раньше срока, в 1950 году Маркес начал работать репортером в г. Барранкилья, а также стал членом местной группы писателей. Через пять лет он показал себя как серьезный прозаик, опубликовав повесть «Палая листва».

В целом перу Г. Гарсиа Маркеса принадлежит множество выдающихся произведений: повесть «Полковнику никто не пишет» (1961), сборник рассказов «Похороны Великой мамы» (1962), роман «Осень патриарха» (1975), повесть «Хроника объявленной смерти» (1981) и другие. Но мировую славу писателю принес его роман «Сто лет одиночества». После публикации

в 1967 году, на протяжении многих десятилетий книга оставалась объектом пристального внимания литературоведов и критиков, о ней было написано множество монографии, статей, очерков, насыщенных тонкими наблюдениями и глубокими размышлениями. Кроме того, роман открыл для читателей волшебный мир «магического реализма» – стилевого течения, характерного для творчества Г. Гарсиа Маркеса в целом.

**Магический реализм** – уникальная эстетическая концепция, созданная латиноамериканскими писателями в середине XX века. Она соединила в себе противоположные понятия: необычное, вымысел и реальное, настоящее. Как следствие, в основу эстетики «магического реализма» был положен художественный принцип переплетения истории с легендами, реальности с фантастикой, факта с вымыслом, романтической мечты с ироничным взглядом на жизнь. Несуществующее в произведениях подобной направленности изображалось как обыденное, не вызывающее никаких сомнений; мифологическому времени не были свойственны последовательность и хронология, размеренность и линейность. Учитывая специфику мышления народов Латинской Америки, писатели тяготели к иррациональной, интуитивной логике, активно использовали образы тотемных животных и растений, символику чисел и цветов. В рамках «магического реализма» гармонично соединялись объективность изображения с элементами фантастики и мифа, особое значение приобретало обращение к «чуду» как неотъемлемой части повседневной человеческой жизни, стремление к универсальности, глобальности поднятых в произведении проблем. В итоге литература «магического реализма» заняла должное место в современном искусстве, а ее лучшие образцы, в частности и произведения Г. Гарсиа Маркеса, по праву получили мировое признание.



В 1982 г. писатель был удостоен Нобелевской премии по литературе «за романы и рассказы, в которых фантазия и реальность, совмещаясь, отражают жизнь и конфликты целого континента».

На протяжении всей творческой жизни Г. Гарсиа Маркес рассматривал литературу как инструмент для достижения своей главной цели – презентовать собственное видение проблем современного мира так, чтобы заставить читателя безоговорочно поверить художественной интерпретации действительности. Скончался писатель лишь в апреле 2014 года, дожив до 87 лет. В связи с его смертью в Колумбии был объявлен трёхдневный траур.

### **ЗАДАНИЯ**

- 1. Прочитайте рассказ Г. Гарсиа Маркеса «Очень старый человек с огромными крыльями».**
- 2. Проанализируйте образную систему произведения, дайте аргументированную оценку действиям персонажей.**
- 3. Дайте своё толкование образу старика с крыльями.**
- 4. Подумайте, чему учит нас рассказ Г. Гарсиа Маркеса?**

### **ОЧЕНЬ СТАРЫЙ ЧЕЛОВЕК С ОГРОМНЫМИ КРЫЛЬЯМИ**

Дождь лил третий день подряд, и они едва успевали справляться с крабами, заползающими в дом; вдвоем они били их палками, а потом Пелайо тащил их через залитый водой двор и выбрасывал в море. Минувшей ночью у новорожденного был жар; видимо, это было вызвано сыростью и зловонием. Мир со вторника погрузился в уныние: небо и море смешались в какую-то пепельно-серую массу; пляж, сверкавший в марте искрами песчинок, превратился в жидкую кашу из грязи и гниющих моллюсков. Даже в полдень свет был такой неверный, что Пелайо никак не мог разглядеть, что это там шевелится и жалобно стонет в дальнем углу патио. Лишь подойдя совсем близко, он обнаружил, что это был старый,

очень старый человек, который упал ничком в грязь и все пытался подняться, но не мог, потому что ему мешали огромные крылья.

Напуганный привидением, Пелайо побежал за женой Элисендой, которая в это время прикладывала компрессы больному ребенку. Вдвоем они смотрели в молчаливом оцепенении на лежащее в грязи существо. На нем было нищенское одеяние. Несколько прядей бесцветных волос прилипло к голому черепу, во рту почти не осталось зубов, и во всем его облике не было никакого величия. Огромные ястребиные крылья, наполовину ощищенные, увязли в непролазной грязи двора. Пелайо и Элисенда так долго и так внимательно его рассматривали, что наконец привыкли к его странному виду, он им показался чуть ли не знакомым. Тогда, осмелев, они заговорили с ним, и он ответил на каком-то непонятном диалекте хриплым голосом мореплавателя.

Без долгих размышлений, тотчас забыв о его странных крыльях, они решили, что это матрос с какого-нибудь иностранного судна, потерпевшего крушение во время бури. И все-таки они позвали на всякий случай соседку, которая знала все о том и об этом свете, и ей хватило одного взгляда, чтобы опровергнуть их предположения.

- Это ангел, - сказала она им. - Наверняка его прислали за ребенком, но бедняга так стар, что не выдержал такого ливня да и свалился на землю.

Вскоре все уже знали, что Пелайо поймал настоящего ангела. Ни у кого не поднялась рука убить его, хотя всезнающая соседка утверждала, что современные ангелы не кто иные, как участники давнего заговора против Бога, которым удалось избежать небесной кары и укрыться на земле. Остаток дня Пелайо присматривал за ним из окна кухни, держа на всякий случай в руке веревку, а вечером вытащил ангела из грязи и запер в курятнике вместе с курами.

В полночь, когда дождь кончился, Пелайо и Элисенда все еще продолжали бороться с крабами. Чуть погодя проснулся ребенок и попросил есть - жар совсем прошел. Тогда они почувствовали прилив великодушия и

решили между собой, что сколотят для ангела плот, дадут ему пресной воды и продуктов на три дня и отпустят на волю волн. Но когда на рассвете они вышли в патио, то увидели там почти всех жителей поселка: столпившись перед курятником, они глазели на ангела без всякого душевного трепета и просовывали в отверстия проволочной сетки кусочки хлеба, словно это было животное из зоопарка, а не небесное создание.

К семи часам пришел падре Гонсага, встревоженный необычной новостью. В это время у курятника появилась более почтенная публика - теперь все толковали о том, какое будущее ожидает пленника. Простаки считали, что его назначат алькальдом мира. Более рассудительные предполагали, что ему выпало счастье стать генералом, который выиграет все войны. Некоторые фантазеры советовали оставить его как производителя, чтобы вывести новую породу крылатых и мудрых людей, которые навели бы порядок во вселенной. Падре Гонсага, прежде чем стать священником, был дровосеком. Подойдя к проволочной сетке, он поспешно припомнил все, что знал из катехизиса, и затем попросил открыть дверцу курятника, чтобы разглядеть вблизи этого тщедушного самца, который в окружении остолбеневших кур и сам походил на огромную беспомощную птицу. Он сидел в углу, подставив солнцу раскинутые крылья, среди помета и остатков завтрака, которым его угощали на рассвете. Безразличный к происходящему, он едва поднял свои глаза, словно покрытые паутиной, и пробормотал что-то на своем диалекте, когда падре Гонсага вошел в курятник и приветствовал его по-латыни. Приходский священник заподозрил неладное, увидев, что эта тварь не понимает язык Господа Бога и не обучена чтить его слуг. Приглядевшись внимательно, он обнаружил, что уж слишком похож на человека этот мнимый ангел: от него исходил невыносимый запах бродяжничества, в крыльях его кишели паразиты, крупные перья были истрепаны земными ветрами, и вообще ничто в его нищенском облике не соответствовало высокому ангельскому сану. Падре Гонсага покинул курятник и обратился

к прихожанам с краткой проповедью об опасностях, которые таит в себе легковерие. Он напоминал им, что дьявол имеет дурной обычай надевать маски, чтобы попутать простодушных. В заключение падре справедливо заметил, что если крылья не являются существенным элементом для определения разницы между ястребом и самолетом, тем в меньшей степени они могут служить для распознавания ангелов. И все же он пообещал написать письмо епископу, чтобы тот написал письмо примасу, а тот в свою очередь - папе римскому, дабы окончательный вердикт поступил из самой высокой инстанции.

Его призыв к осторожности пал на бесплодную почву. Новость о пленном ангеле распространилась с такой быстротой, что через несколько часов патио превратился в рыночную площадь, и пришлось вызвать войска, чтобы штыками разогнать толпу, которая каждую минуту могла разнести дом. У Элисенды заболела спина от бесконечной уборки мусора, и ей пришла в голову хорошая мысль: огородить патио забором и за вход брать пять сентаво с каждого, кто хочет посмотреть на ангела.

Люди приходили аж с самой Мартиники. Приехал как-то бродячий цирк с летающим акробатом, который несколько раз пролетал, жужжа, над толпой, но на него никто не обратил внимания, потому что у него были крылья звездной летучей мыши, а не ангела. Отчаявшиеся больные прибывали со всего Карибского побережья в поисках исцеления: несчастная женщина, с детства считавшая удары своего сердца и уже сбившаяся со счета; мученик с Ямайки, который никак не мог заснуть, потому что его мучил шум звезд; лунатик, каждую ночь встававший, чтобы разрушить то, что делал днем, и другие с менее опасными болезнями. Посреди этого столпотворения, от которого дрожала земля, Пелайо и Элисенда хотя и бесконечно устали, но были счастливы - меньше чем за неделю они набили деньгами матрасы, а вереница паломников, ожидавшая своей очереди посмотреть на ангела, все тянулась, пропадая за горизонтом.

Ангел был всем этим очень недоволен. Доведенный до отчаяния адским жаром лампадок и свечей, что оставляли паломники у входа в его пристанище, он только тем и занимался, что искал в курятнике места, где бы устроиться поудобнее. Сначала его пытались кормить кристаллами камфары, которые, если верить ученой соседке, были основной пищей ангелов. Но он от них отказался, как отказывался и впредь от аппетитных завтраков, что приносили ему паломники,-- никто не знал, то ли потому, что действительно был ангел, то ли просто от старости. Ел он только баклажанную икру. Казалось, единственным его сверхъестественным качеством было терпение, особенно в первые дни, когда его клевали куры, охотясь за звездными паразитами, расплодившимися в его крыльях, и когда калеки выдергивали его перья, чтобы приложить их к ранам, а менее благочестивые бросали в него камни, чтобы он поднялся и можно было бы получше его разглядеть. Один только раз его вывели из себя - прижгли ему бок каленой железякой, которой клеймят телят; он так долго лежал неподвижно, что люди решили проверить, не умер ли. Он встрепенулся, вскочил, крича что-то на своем непонятном языке, с глазами, полными слез, несколько раз ударил крыльями, подняв тучи куриного помета и лунной пыли, и внезапный холодящий душу порыв ветра показался дыханием того света. Хотя многие считали, что была то обычная реакция боли, а не гнева, после этого случая, старались его не волновать, ибо все поняли, что его спокойствие было спокойствием затихшего урагана, а не пассивностью серафима на пенсии.

В ожидании высочайшего истолкования природы пленника падре Гонсага безуспешно пытался на месте вразумить свою ветреную паству. Но, по-видимому, в Риме понятия не имеют о том, что значит срочность. Время уходило на то, чтобы установить, имеется ли у пришельца пуп, обнаружилось ли в его языке что-либо сходное с арамейским, сколько таких, как он, могут поместиться на острие булавки и не есть ли это просто-напросто норвежец с крыльями. Обстоятельные письма так и шли бы,

наверно, взад и вперед до скончания века, если бы однажды провидение не положило конец терзаниям приходского священника.

Случилось так, что в те дни в местечко прибыл один из многих ярмарочных аттракционов, блуждающих по Карибскому побережью. Грустное зрелище - женщина, превращенная в паука за то, что однажды ослушалась родителей. Посмотреть женщину-паука стоило дешевле, чем посмотреть ангела, кроме того, разрешалось задавать ей любые вопросы о ее странном обличье, рассматривать ее и так и эдак, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений в отношении истинности свершившейся священной кары. Это был отвратительный тарантул размером с барашка и с головой печальной девы. Люди поражались не столько внешнему виду этого исчадия ада, сколько той скорбной правдивости, с которой женщина-паук рассказывала подробности своего несчастья. Девчонкой она сбежала однажды из дому на танцы вопреки воле родителей, и когда, протанцевав всю ночь, она возвращалась домой по лесной тропе, страшный удар грома расколол небо надвое, в открывшуюся расщелину метнулась из бездны ослепительная молния и превратила девушку в паука. Ее единственной пищей были комочки мясного фарша, что добрые люди бросали иногда ей в рот.

Подобное чудо - воплощение земной правды и суда Божьего, - естественно, должно было затмить высокомерного ангела, который почти не удостаивал взглядом простых смертных. Кроме того, те несколько чудес, что приписывала ему людская молва, выдавали его некоторую умственную неполноценность: слепой старик, пришедший издалека в поисках исцеления, зрения не обрел, зато у него выросли три новых зуба, паралитик так и не встал на ноги, но чуть было не выиграл в лотерею, а у прокаженного проросли из язв подсолнухи. Все это скорее выглядело насмешками, нежели святыми деяниями, и основательно подмочило репутацию ангела, а женщина-паук своим появлением и вовсе зачеркнула ее. Вот тогда-то падре Гонсага навсегда избавился от мучившей его бессонницы и в патио у

Пелайо снова стало так же пустынно, как в те времена, когда три дня подряд шел дождь и крабы разгуливали по комнатам.

Хозяева дома на судьбу не жаловались. На вырученные деньги они построили просторный двухэтажный дом с балконом и садом, на высоком цоколе, чтобы зимой не заползали крабы, и с железными решетками на окнах, чтобы не залетали ангелы. Неподалеку от городка Пелайо завел кроличий питомник и навсегда отказался от должности альгвасила, а Элисенда купила себе лаковые туфли на высоком каблуке и много платьев из переливающегося на солнце шелка, которые в те времена носили по воскресеньям самые знатные сеньоры. Курятник был единственным местом в хозяйстве, которому не уделяли внимания. Если его иной раз и мыли или жгли внутри мирру, то делалось это отнюдь не в угоду ангелу, а чтобы как-то бороться с исходившей оттуда вонью, которая, как злой дух, проникала во все уголки нового дома.

Вначале, когда ребенок научился ходить, они следили, чтобы он не подходил слишком близко к курятнику. Но постепенно они привыкли к этому запаху, и все их страхи прошли. Так что еще до того, как у мальчика начали выпадать молочные зубы, он стал беспрепятственно забираться в курятник через дыры в прохудившейся проволочной сетке. Ангел был с ним так же неприветлив, как и с другими смертными, но переносил с собачьей покорностью все жестокие ребячьи проделки. Ветрянкой они заболели одновременно. Врач, лечивший ребенка, не устоял перед соблазном осмотреть ангела и обнаружил, что у него совсем плохое сердце, да и почки никуда не годятся - удивительно, как он еще был жив. Однако больше всего врача поразило строение его крыльев. Они так естественно воспринимались в этом абсолютно человеческом организме, что оставалось загадкой, почему у других людей не было таких же крыльев.

К тому времени, как мальчик пошел в школу, солнце и дождь окончательно разрушили курятник. Освобожденный ангел бродил взад-вперед, как обессиленный лунатик. Не успевали его веником выгнать из

спальни, как он уже путался под ногами в кухне. Казалось, он мог одновременно находиться в нескольких местах, хозяева подозревали, что он раздваивается, повторяя самого себя в разных уголках дома, и отчаявшаяся Элисенда кричала, что это настоящая пытка - жить в этом аду, набитом ангелами. Ангел так ослаб, что есть почти не мог. Глаза, затянутые патиной, уже ничего не различали, и он еле ковылял, натываясь на предметы; на его крыльях оставалось всего несколько куцых перьев. Пелайо, жалея его, закутал в одеяло и отнес спать под навес, и только тогда они заметили, что по ночам у него был жар и он бредил, как тот старый норвежец, которого когда-то подобрали на берегу моря местные рыбаки. Пелайо и Элисенда не на шутку встревожились - ведь даже мудрая соседка не могла сказать им, что следует делать с мертвыми ангелами.

Но ангел и не думал умирать: он пережил эту самую свою тяжелую зиму и с первым солнцем стал поправляться. Несколько дней он просидел неподвижно в патио, скрываясь от посторонних глаз, и в начале декабря глаза его посветлели, обретая былую стеклянную прозрачность. На крыльях стали вырастать большие упругие перья - перья старой птицы, которая словно бы задумала надеть новый саван. Сам-то ангел, видно, знал причину всех этих перемен, но тщательно скрывал их от посторонних. Иной раз, думая, что его никто не слышит, он тихонько напевал под звездами песни моряков.

Однажды утром Элисенда резала лук для завтрака, и вдруг в кухню ворвался ветер, какой дует с моря. Женщина выглянула в окно и застала последние минуты ангела на земле. Он готовился к полету как-то неловко, неумело: передвигаясь неуклюжими прыжками, он острыми своими когтями перепахал весь огород и едва не развалил навес ударами крыльев, тускло блестевших на солнце. Наконец ему удалось набрать высоту. Элисенда вздохнула с облегчением за себя и за него, увидев, как он пролетел над последними домами поселка, едва не задевая крыши и рьяно размахивая своими огромными, как у старого ястреба, крыльями. Элисенда



следила за ним, пока не закончила резать лук и пока ангел совсем не скрылся из виду, и он был уже не помехой в ее жизни, а просто воображаемой точкой над морским горизонтом.

## **ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ XX ВЕКА**

Предпосылки **Второй мировой войны** (1939-1945) начали формироваться задолго до основных событий: еще с 1919 года, когда был заключен Версальский мирный договор, закрепивший результаты Первой мировой.

### **Ключевые причины, приведшие к новому военному конфликту:**

- отсутствие у Германии возможности выполнить некоторые условия Версальского договора в полном объеме (выплаты пострадавшим странам) и нежелание мириться с военными ограничениями;
- смена власти в Германии: националисты, возглавляемые Адольфом Гитлером, умело использовали недовольство немецкого населения и страхи мировых лидеров перед коммунистической Россией. Их внутренняя политика была направлена на установление диктатуры и пропаганду превосходства арийской расы;
- внешняя агрессия Германии, Италии, Японии, против которой крупные державы не предпринимали активных действий, боясь открытого противостояния.

Началом Второй мировой войны принято считать вторжение войск Германии в Польшу 1 сентября 1939 года, поводом для которого была Гляйвицкая провокация (инсценированное нацистами нападение поляков на немецкую радиостанцию). Немцам оказала военную поддержку Словакия. Гитлер не принял предложение решить конфликт мирным путем.

3 сентября 1939 года правительствами Великобритании и Франции было объявлено о начале войны с Германией.

СССР, который в то время был союзником Германии, 16 сентября 1939 года объявил о взятии под свой контроль западных территорий Белоруссии и Украины, входивших в состав Польши. Вскоре польская армия сдалась окончательно, а Гитлер предложил англичанам и французам мирные переговоры, которые не состоялись из-за отказа Германии вывести войска с польской территории.

**К первому периоду Второй мировой войны относят:**

- морские сражения англичан и немцев в Атлантическом океане в пользу вторых (на суше между ними активных столкновений не происходило);
- война СССР с Финляндией (ноябрь 1939 – март 1940): победа российской армии, заключен мирный договор;
- захват Германией Дании, Норвегии, Нидерландов, Люксембурга, Бельгии (апрель-март 1940);
- оккупация Италией юга Франции, захват немцами остальной территории: заключено немецко-французское перемирие, большая часть Франции остается оккупированной;
- включение Литвы, Латвии, Эстонии, Бессарабии, Северной Буковины в состав СССР без ведения военных действий (август 1940);
- отказ Англии от заключения мира с Германией: в результате авиационных сражений (июль-октябрь 1940) англичанам удалось отстоять страну;
- сражения итальянцев с англичанами и представителями французского освободительного движения за африканские земли (июнь 1940 – апрель 1941): перевес на стороне вторых;
- победа Греции над итальянскими захватчиками (ноябрь 1940, вторая попытка в марте 1941);
- захват немцами Югославии, совместное немецко-испанское вторжение в Грецию (апрель 1941);
- оккупация немцами Крита (май 1941);

- захват Японией юго-востока Китая (1939-1941).

В годы войны состав участников двух противоборствующих союзов менялся, но основными были:

- **Антигитлеровская коалиция:** Великобритания, Франция, СССР, США, Нидерланды, Китай, Греция, Норвегия, Бельгия, Дания, Бразилия, Мексика;
- **Страны «Оси» (нацистский блок):** Германия, Италия, Япония, Венгрия, Болгария, Румыния.

Франция и Англия вступили в войну из-за союзных соглашений с Польшей. В 1941 году Германия напала на СССР, Япония на США, тем самым изменив расстановку сил воюющих сторон.

### **Основные события Второй мировой войны**

Начиная со второго периода (июнь 1941 – ноябрь 1942 годов) ход военных действий отражен в хронологической таблице:

<b>Дата</b>	<b>Событие</b>
22.06.1941	Германия напала на СССР. Начало Великой Отечественной войны.
Июль 1941	Немцы захватили Литву, Эстонию, Латвию, Молдавию, Белоруссию, часть Украины (Киев не удалось), Смоленск.
Август-сентябрь 1941	Англо-французские войска освобождают Ливан, Сирию, Эфиопию.
Октябрь 1941	Англо-советские войска оккупируют Иран. Захвачен Крым (без Севастополя), Харьков, Донбасс, Таганрог. Немцы проигрывают сражение за Москву.
Декабрь 1941	Япония нападает на американскую военную базу Перл-Харбор, захватывает Гонконг.
Январь-май 1942	Япония захватывает Юго-Восточную Азию. Немецко-итальянские войска теснят англичан в Ливии. Англо-африканские войска захватывают Мадагаскар. Поражение советских войск под Харьковом.

Июнь 1942	Американский флот разгромил японский в сражении за острова Мидуэй.
Июль 1942	Потерян Севастополь. Началась Сталинградская битва (до февраля 1943). Захвачен Ростов.
Август-октябрь 1942	Англичане освобождают Египет, часть Ливии. Немцы захватили Краснодар, но проиграли советским войскам в предгорьях Кавказа, у Новороссийска. Переменный успех в боях за Ржев.
Ноябрь 1942	Англичане заняли западную часть Туниса, немцы – восточную. Начало третьего этапа войны (ноябрь 1942 – июнь 1944).
Ноябрь-декабрь 1942	Второе сражение под Ржевом проиграно советскими войсками.
Август 1942-февраль 1943	Американцы выигрывают у японцев в битве за Гуадалканал.
Февраль 1943	Победа СССР под Сталинградом.
Февраль-май 1943	Англичане разгромили немецко-итальянские войска в Тунисе.
Июль-август 1943	Поражение немцев в Курской битве. Победа союзных войск в Сицилии. Английская и американская авиации совершают бомбардировки Германии.
Ноябрь 1943	Союзные войска занимают японский остров Тарава.
Август-декабрь 1943	Серия побед советских войск в сражениях на берегах Днепра. Освобождена Левобережная Украина.
Сентябрь 1943-июнь 1944	Англо-американская армия захватила юг Италии, освободила Рим.
Декабрь 1943-апрель 1944	Немцы отступили с Правобережной Украины.
Апрель-май 1944	Освобожден Крым.
Июнь 1944	Высадка союзных войск в Нормандии. Начало четвертого этапа войны (июнь 1944 – май 1945). Американцы заняли Марианские острова.
Июнь-август 1944	Отвоевана Белоруссия, юг Франции, Париж.
Август-сентябрь 1944	Советские войска отвоевали Финляндию, Румынию, Болгарию.
Октябрь 1944	Японцы проиграли американцам морское сражение у

	острова Лейте.
Сентябрь-ноябрь 1944	Освобождена Прибалтика, часть Бельгии. Возобновились активные бомбардировки Германии.
Ноябрь 1944-февраль 1945	Освобожден северо-восток Франции, прорвана западная граница Германии. Советские войска освободили Венгрию.
Февраль-март 1945	Захвачена Западная Германия, началось форсирование Рейна. Советская армия освобождает Восточную Пруссию, север Польши.
Апрель 1945	СССР начинает наступление на Берлин. Англо-канадо-американские войска разгромили немцев в Рурском регионе и встретились с советской армией на Эльбе. Прорвана последняя оборона Италии.
Май 1945	Союзные войска захватили север и юг Германии, освободили Данию, Австрию; американцы перешли через Альпы и присоединились к союзникам на севере Италии.
09.05.1945	Германия сдалась.
15.05.1945	Освободительные войска Югославии разгромили остатки немецкой армии на севере Словении.
Май-сентябрь 1945	Пятый заключительный этапа войны.
Июнь 1945	У Японии отвоевана Индонезия, Индокитай.
Август-сентябрь 1945	Советско-японская война: разгромлена Квантунская армия Японии. США сбрасывает атомные бомбы на японские города (6, 9 августа 1945).
02.09.1945	Япония сдалась. Конец войны.

### **Главные итоги Второй мировой войны:**

- война в разной степени затронула 62 страны. Погибло около 70 млн человек. Разрушены десятки тысяч населенных пунктов.
- Германия и ее союзники потерпели поражение: прекратился захват стран и распространение нацистского режима;
- сменились мировые лидеры – ими стали СССР и США.
- изменились границы государств, появились новые независимые страны;
- в Германии и Японии осуждены военные преступники;

- создана Организация Объединенных Наций (24 октября 1945 года);
- возросла военная мощь основных стран-победителей.

События и уроки Второй мировой войны нашли широкое освещение не только в исторических трудах, но и в литературе разных стран. С отдельными образцами военной поэзии предлагаем вам познакомиться.

### **ЗАДАНИЕ**

- 1. Прочитайте стихотворения зарубежных поэтов, посвященные Второй мировой войне. Расскажите, какие мысли и чувства возникли у вас после их прочтения.**
- 2. Проанализируйте каждое стихотворение, используя ориентировочную схему**

#### **Схема анализа лирического произведения**

1. Автор, название
2. Жанр лирического произведения
3. Разновидность лирики по тематике (пейзажная, интимная, гражданская, философская)
4. Форма и содержание
  - тема, идея, проблематика, пафос
  - особенности композиции, наличие сюжета
5. Образная структура произведения (образы, мотивы)
6. Метрика, ритмика, строфика
  - система стихосложения
  - стихотворный размер
  - виды рифм по созвучности
  - вид строфы
  - способ рифмовки
7. Изобразительно-выразительные средства (тропика)

## ЛУИ АРАГОН

(Франция)

### РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Сегодня мир похож на каземат,  
А Франция для нас застенком стала.  
Чужие танки на полях гремят,  
Нет ни конца у суток, ни начала.

Ползут часы – считай их не считай.  
За что ж меня могли возненавидеть?  
Ты перестал собою быть, мой край,  
О Франция, как больно это видеть!

Не смей глядеть на ласточкин полет,  
Запрещен и язык ее певучий,  
Не убегай, хотя гроза ползет, –  
Твою мечту, твой сон проносят тучи.

Все мысли при себе держи, молчи!  
Не смей шептать своих любимых песен,  
Молчанья бойся, шелеста в ночи  
И даже солнца. Мир сегодня тесен.

Они – гроза, но ведь миллионы нас,  
Поруганных, страдающих миллионы.  
Пусть ночь темна, пускай огонь погас,  
В темнице песнь споеет приговоренный.

Она подобна ключевой воде,  
Она заветна, как мечта о хлебе,  
Она под стать рождественской звезде,  
Ее волхвы заметят в черном небе,

Волхвы, ученые и шкипера,  
И тот, кто пашет высохший суглинок,  
Мастеровые кисти и пера,  
И женщины, бегущие на рынок,  
Ремесленники и торговый люд,  
И тот, кто варит сталь, и тот, который  
Идет в забой, и те, что сукна ткут,  
И пастухи, и электромонтеры.

В любом французе жив, как прежде жил,  
Блонделя дух, отважный дух народа,  
И грозным шумом распростертых крыл  
Ответит песне Ричарда свобода.

## **ЖЮЛЬ СЮПЕРВЬЕЛЬ**

**(Франция)**

### **ПАРИЖ**

Париж, открытый город,  
Твоя душа живая,  
Томясь, исходит кровью,  
Как рана ножевая.

И стук чужих шагов



Тревожит наши стены,  
И на мерцанье Сены  
Глядят глаза врагов.

Как будто в яме черной,  
Под окрики штыка,  
Струится удрученно  
Французская река.

Века французской славы,  
Отлитые в гранит,  
Ваш облик величавый  
Великий гнев таит.

Нависшая над вами  
Невыносима тень —  
И гаснет ваше пламя,  
И меркнет ясный день,

И льется с неба мрак.  
Ведь было бы изменой  
Струить лазурь над Сеной,  
Когда в Париже враг.

## ВЛАДИСЛАВ БРОНЕВСКИЙ

(Польша)

### ПОЛЬСКИЙ СОЛДАТ

Шел из германского плена солдат,  
очи опущены, в землю глядят.  
Под золотой осенью польской  
движется вражье гудящее войско.  
Сел под березой солдат, у дороги,  
перевязать изболевшие ноги.  
Полк его немцы разбили под Равой,  
как он ни бился, а бился кроваво,  
как со штыком на танки ни лез он –  
двигались танки, давили железом.  
Дал под Варшавой выстрел последний.  
После пошел. Сквозь руин лихолетье.  
Отческий дом немец поджег.  
Он безоружен. Отмстить он не смог...  
Гей ты, береза, я слышу рыданья –  
грустно шумишь о солдатском скитанье,  
плачешь о том, что у Речь Посполитой  
злая судьба и войско разбито...  
Сел под березой солдат и сквозь слезы  
слушает причитанья березы.  
Нету ружья, с шапки содран орел.  
В отческий дом он бездомным пришел.

## ЭРИХ ВАЙНЕРТ

(Германия)

### СОН НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА

Я видел сон, страшней всех прежних снов, –  
Я был убит на линии огня.  
Не помню, как меня швырнули в ров,  
Как трупы навалили на меня.

Земля сырая на лицо легла.  
И тишина могильная за ней.  
И умер я, но мысль моя была  
Отчетливей, чем раньше, и ясней.

Так я лежал и думал много дней.  
Но вдруг шаги услышал над собой,  
Услышал песню, звонкий смех детей...  
О, белый свет! О, полдень голубой!

И голос над собой услышал я:  
«Вот здесь фашисты спят в сырой могиле.  
Они несли смерть в дальние края  
И полземли в пустыню превратили».

И кровь в лицо мне бросилась в тот миг.  
И захотел я крикнуть людям в дали:  
«Я невиновен, я боялся их.  
Они меня вас убивать послали».

От ужаса вскочил я. День вставал.  
Кивали мертвецы на смертной тризне.  
Я от собачьей смерти в плен бежал,  
Сюда – навстречу новой, честной жизни.

**ТОМАС ДИЛАН**  
**(Великобритания)**

### **СРЕДИ ЖЕРТВ УТРЕННЕГО НАЛЁТА БЫЛ СТОЛЕТНИЙ СТАРИК**

Когда утро едва забрезжило над войной,  
Он встал, оделся, из комнаты вышел и умер.  
Взрывной волной все двери в домах распахнуло.  
Он рухнул на камни, на свой разбитый паркет.  
Пусть любимая улочка с траурной черной каймой  
Знает, что здесь он на миг задержал рассвет,  
Что глаза его были весенние почки и пламя,  
Когда со звоном ключи из замков вылетали.  
Не ищите обломков жизни в седом его сердце,  
Не ждите звона лопаты – уже несется  
Небесная «скорая помощь», влекомая смертью.  
О, спасите его от этой пошлой кареты!  
Утро парит на крыльях его столетья,  
И сотня аистов села на руку солнца.

**ФРЭН ШАМЛЕЙ**  
**(США)**

**Я ДОЖДАЛАСЬ**

Я спешила с работы домой,  
Чтобы почту проверить срочно.  
Перетряхивала ящик в надежде  
От него получить хоть строчку.  
Он уже давно на войне  
В этой далёкой Европе.  
Дайте только ему показать,  
На что мой мальчик способен!

Рассказы его о полётах я слушала не дыша.  
Он был в таких переплётах  
Что холодела душа.  
Долго не приходило весточки ни одной.  
Это так на него не похоже!  
Так было страшно одной!

Я вспоминала долго самый счастливый год  
Наши споры и слёзы, и наш счастливый смех.  
Эти долгие месяцы он был для меня лучше всех!  
Я знала и верила свято, что он в беду не попал.  
И вот получила известие, «Без вести пропал»

Вот это удар! Что ж делать –  
Надеяться, верить и ждать.  
Плакать, молиться и плакать,

Но веру не потерять...  
И вот дождалась. Вскоре,  
месяца через два  
Пришло письмо. Открываю  
И там такие слова:  
«Ваш муж в плену в Германии...»  
От счастья закружилась моя голова.  
И музыка чудесная взорвала тишину:  
«В Германии, в Германии, в Германии в плену!»

**ДЮЛА ИЙЕШ**  
**(Венгрия)**

**БУДА, МАЙ 1945 ГОДА**

Вот я опять в углу своем,  
повсюду мусор, прах кирпичный.  
Разбит наполовину дом,  
но жизнь идет чредой обычной.  
Я в комнату свою иду,  
где дыры в потолке пробиты.  
Я не боюсь могил в саду,  
я сам копал их для убитых.

Навалено все на полу –  
бумаги, вещи, книги с полки.  
На письменном столе к стеклу  
примешаны от бомб осколки.  
А я сижу и своей норе,  
пишу стихи и слышу лепет

моей дочурки на дворе  
и беззаботный птичий щебет.

Мне кажется, – и это так! –  
сизу я средь развалин края.  
Но вот уже светлеет мрак,  
как грусть и горесть исчеза.  
Над миром прошлого парю  
я мыслью вольной на рассвете,  
и песней встречу я зарю,  
как птицы певчие и дети!

### **ЗАДАНИЕ**

- 1. Прочитайте биографию немецкого писателя Генриха Белля.**
- 2. Прочитайте рассказ «Путник, придешь когда в Спа...».**  
**Определите тему и идею произведения. Назовите художественные приемы, использованные для реализации авторского замысла.**
- 3. Составьте характеристику образа главного героя рассказа.**  
**Подумайте, почему автор не дал ему имя.**
- 4. Подумайте над смыслом названия произведения.**

### **ГЕНРИХ БЁЛЛЬ**

**(1917-1985)**

Генрих Теодор Бёлль родился 21 декабря 1917 года в Кёльне в семье краснодеревщика-католика. После окончания школы он оказался одним из немногих немецких юношей, не вступивших в гитлерюгенд. Однако с началом Второй мировой войны Г. Белля помимо его воли призвали на военную службу в вермахт. Он был капралом на Восточном и Западном

фронтах, а в 1945 году оказался в плену у американцев, попал в лагерь для военнопленных на юге Франции, где провел несколько месяцев.

После освобождения Г. Бёлль учился в Кёльнском университете, а затем стал работать в мастерской своего отца. Однако ещё с юных лет он чувствовал интерес к литературной деятельности, что и решило его дальнейшую судьбу. В 1949 году была опубликована первая повесть писателя – «Поезд приходит вовремя». В произведении рассказывалось о молодом солдате, которому предстоит возвращение на фронт и скорая смерть. Автору удалось создать яркий психологический портрет человека, чувствующего глубокое противоречие между неприятием фашизма и обязанностью служить его идеям. Решение нарушить присягу и стать дезертиром писатель оценивает как личный подвиг солдата, выбравшего гуманизм.

За первой повестью последовала серия книг, в которых Г. Бёлль говорил о бессмысленности войны и о тяготах послевоенных лет: «Путник, придешь когда в Спа...» (1950), «Где ты был, Адам?» (1951), «Хлеб ранних лет» (1955), «Бильярд в половине десятого» (1959), «Глазами клоуна» (1963), «Самовольная отлучка» (1964), «Чем кончилась одна командировка» (1966), «Групповой портрет с дамой» (1971), «Под конвоем заботы» (1979) и другие. В общей сложности литературное наследие писателя составило почти сорок томов.

Критики высоко ценили творчество Г. Бёлля. По мнению английского литературоведа У. Е. Йуилла, он «всегда был писателем большого масштаба, озабоченным судьбой как целого поколения немцев, так и отдельной личности, вынужденной жить в колоссальных современных городских муравейниках». В 1972 году Г. Бёлль был удостоен Нобелевской премии «за творчество, в котором сочетается широкий охват действительности с высоким искусством создания характеров и которое стало весомым вкладом в возрождение немецкой литературы».



## ПУТНИК, ПРИДЕШЬ КОГДА В СПА...

Машина остановилась, но мотор еще несколько минут урчал; где-то распахнулись ворота. Сквозь разбитое окошечко в машину проник свет, и я увидел, что лампочка в потолке тоже разбита вдребезги; только цоколь ее торчал в патроне — несколько поблескивающих проволочек с остатками стекла. Потом мотор затих, и на улице кто-то крикнул:

— Мертвых сюда, есть тут у вас мертвецы?

— Ч-черт! Вы что, уже не затемняетесь? — откликнулся водитель.

— Какого дьявола затемняться, когда весь город горит, точно факел, крикнул тот же голос. — Есть мертвецы, я спрашиваю?

— Не знаю.

— Мертвецов сюда, слышишь? Остальных наверх по лестнице, в рисовальный зал, понял?

— Да, да.

Но я еще не был мертвецом, я принадлежал к остальным, и меня понесли в рисовальный зал, наверх по лестнице. Сначала несли по длинному, слабо освещенному коридору с зелеными, выкрашенными масляной краской стенами и гнутыми, наглухо вделанными в них старомодными черными вешалками; на дверях белели маленькие эмалевые таблички: «VI-a» и «VI-b»; между дверями, в черной раме, мягко поблескивая под стеклом и глядя вдаль, висела «Медея» Фейербаха. Потом пошли двери с табличками «V-a» и «V-b», а между ними снимок со скульптуры «Мальчик, вытаскивающий занозу», превосходная, отсвечивающая красным фотография в коричневой раме.

Вот и колонна перед выходом на лестничную площадку, за ней чудесно выполненный макет — длинный и узкий, подлинно античный фриз Парфенона из желтоватого гипса — и все остальное, давно привычное: вооруженный до зубов греческий воин, воинственный и страшный, похожий на взъерошенного петуха. В самой лестничной клетке, на стене,

выкрашенной в желтый цвет, красовались все — от великого курфюрста до Гитлера...

А на маленькой узкой площадке, где мне в течение нескольких секунд удалось лежать прямо на моих носилках, висел необыкновенно большой, необыкновенно яркий портрет старого Фридриха — в небесно-голубом мундире, с сияющими глазами и большой блестящей золотой звездой на груди.

И снова я лежал скатившись на сторону, и теперь меня несли мимо породистых арийских физиономий: нордического капитана с орлиным взором и глупым ртом, уроженки Западного Мозеля, пожалуй, чересчур худой и костлявой, остзейского зубоскала с носом луковицей, длинным профилем и выступающим кадыком киношного горца; а потом добрались еще до одной площадки, и опять в течение нескольких секунд я лежал прямо на своих носилках, и еще до того, как санитары начали подниматься на следующий этаж, я успел его увидеть — украшенный каменным лавровым венком памятник воину с большим позолоченным Железным крестом наверху.

Все это быстро мелькало одно за другим: я не тяжелый, а санитары торопились. Конечно, все могло мне только почудиться; у меня сильный жар и решительно все болит: голова, ноги, руки, а сердце колотится как сумасшедшее — что только не привидится в таком жару.

Но после породистых физиономий промелькнуло и все остальное: все три бюста — Цезаря, Цицерона и Марка Аврелия, рядышком, изумительные копии; совсем желтые, античные и важные стояли они у стен; когда же мы свернули за угол, я увидел и колонну Гермеса, а в самом конце коридора — этот коридор был выкрашен в темно-розовый цвет, — в самом-самом конце над входом в рисовальный зал висела большая маска Зевса; но до нее было еще далеко. Справа в окне алело зарево пожара, все небо было красное, и по нему торжественно плыли плотные черные тучи дыма...

И опять я невольно перевел взгляд налево и увидел над дверьми таблички «X-a» и «X-b», а между этими коричневыми, словно пропахшими затхлостью дверьми виднелись в золотой раме усы и острый нос Ницше, вторая половина портрета была заклеена бумажкой с надписью «Легкая хирургия»...

Если сейчас будет... мелькнуло у меня в голове. Если сейчас будет... Но вот и она, я вижу ее: картина, изображающая африканскую колонию Германии Того, — пестрая и большая, плоская, как старинная гравюра, великолепная олеография. На переднем плане, перед колониальными домиками, перед неграми и немецким солдатом, неизвестно для чего торчащим тут со своей винтовкой, — на самом-самом переднем плане желтела большая, в натуральную величину, связка бананов; слева гроздь, справа гроздь, и на одном банане в самой середине этой правой грозди что-то нацарапано, я это видел; я сам, кажется, и нацарапал...

Но вот рывком открылась дверь в рисовальный зал, и я проплыл под маской Зевса и закрыл глаза. Я ничего не хотел больше видеть. В зале пахло йодом, испражнениями, марлей и табаком и было шумно. Носилки поставили на пол, и я сказал санитарам:

— Суньте мне сигарету в рот. В верхнем левом кармане.

Я почувствовал, как чужие руки пошарили у меня в кармане, потом чиркнула спичка, и во рту у меня оказалась зажженная сигарета. Я затаился.

— Спасибо, — сказал я.

Все это, думал я, еще ничего не доказывает. В конце концов в любой гимназии есть рисовальный зал, есть коридоры с зелеными и желтыми стенами, в которых торчат гнутые старомодные вешалки для платья; в конце концов, это еще не доказательство, что я нахожусь в своей школе, если между «IV-a» и «IV-b» висит «Медая», а между «X-a» и «X-b» — усы Ницше. Несомненно, существуют правила, где сказано, что именно там они и должны висеть. Правила внутреннего распорядка для классических гимназий в Пруссии: «Медая» — между «IV-a» и «IV-b», там же «Мальчик,

вытаскивающий занозу», в следующем коридоре — Цезарь, Марк Аврелий и Цицерон, а Ницше на верхнем этаже, где уже изучают философию. Фриз Парфенона и универсальная олеография — Того. «Мальчик, вытаскивающий, занозу» и фриз Парфенона это, в конце концов, не более чем добрый старый школьный реквизит, переходящий из поколения в поколение, и наверняка я не единственный, кому взбрело в голову написать на банане «Да здравствует Того!». И выходки школьников, в конце концов, всегда одни и те же. А кроме того, вполне возможно, что от сильного жара у меня начался бред.

Боли я теперь не чувствовал. В машине я еще очень страдал; когда ее швыряло на мелких выбоинах, я каждый раз начинал кричать. Уж лучше глубокие воронки: машина поднимается и опускается, как корабль на волнах. Теперь, видно, подействовал укол; где-то в темноте мне всадили шприц в руку, и я почувствовал, как игла проткнула кожу и ноге стало горячо...

Да это просто невозможно, думал я, машина наверняка не прошла такое большое расстояние — почти тридцать километров. А кроме того, ты ничего не испытываешь, ничто в душе не подсказывает тебе, что ты в своей школе, в той самой школе, которую покинул всего три месяца назад. Восемь лет — не пустяк, неужели после восьми лет ты все это узнаешь только глазами?

Я закрыл глаза и опять увидел все как в фильме: нижний коридор, выкрашенный зеленой краской, лестничная клетка с желтыми стенами, памятник воину, площадка, следующий этаж: Цезарь, Марк Аврелий... Гермес, усы Ницше, Того, маска Зевса...

Я выплюнул сигарету и закричал; когда кричишь, становится легче, надо только кричать погромче; кричать — это так хорошо, я кричал как полоумный. Кто-то надо мной наклонился, но я не открывал глаз, я почувствовал чужое дыхание, теплое, противно пахнущее смесью лука и табака, и услышал голос, который спокойно спросил:

— Чего ты кричишь?

— Пить, — сказал я. — И еще сигарету. В верхнем кармане.

Опять чужая рука шарил в моем кармане, опять чиркнула спичка и кто-то сунул мне в рот зажженную сигарету.

— Где мы? — спросил я.

— В Бендорфе.

— Спасибо, — сказал я и затянулся.

Все-таки я, видимо, действительно в Бендорфе, а значит, дома, и, если бы не такой сильный жар, я мог бы с уверенностью сказать, что я в классической гимназии; что это школа, во всяком случае, бесспорно. Разве не крикнул внизу чей-то голос: «Остальных в рисовальный зал!»? Я был одним из остальных, я жил, остальные и были, очевидно, живыми. Это — рисовальный зал, и если слух меня не обманул, то почему бы глазам меня подвести? Значит, нет сомнения в том, что я узнал Цезаря, Цицерона и Марка Аврелия, а они могли быть только в классической гимназии; не думаю, чтобы в других школах стены коридоров украшали скульптурами этих молодцов.

Наконец-то он принес воду; опять меня обдало смешанным запахом лука и табака, и я поневоле открыл глаза, надо мной склонилось усталое, дряблое, небритое лицо человека в форме пожарника, и старческий голос тихо сказал:

— Выпей, дружок.

Я начал пить; вода, вода — какое наслаждение; я чувствовал на губах металлический привкус котелка, я ощущал упругую полноводность глотка, но пожарник отнял котелок от моих губ и ушел; я закричал, он даже не обернулся, только устало передернул плечами и пошел дальше, а тот, кто лежал рядом со мной, спокойно сказал:

— Зря орешь, у них нет воды; весь город в огне, сам видишь.

Я это видел, несмотря на затемнение, — за черными шторами полыхала и бушевала огненная стихия, черно-красная, как в печи, куда только что засыпали уголь. Да, я видел: город горел.

— Какой это город? — спросил я у раненого, лежавшего рядом.

— Бендорф, — сказал он.

— Спасибо.

Я смотрел прямо перед собой на ряды окон, а иногда на потолок. Он был еще безупречно белый и гладкий, с узким классическим лепным карнизом; но такие потолки с классическими лепными карнизами есть во всех рисовальных залах всех школ, по крайней мере всех добрых старых классических гимназий. Это ведь бесспорно.

Я не мог более сомневаться: я в рисовальном зале одной из классических гимназий в Бендорфе. В Бендорфе всего три классические гимназии: гимназия Фридриха Великого, гимназия Альберта и... может быть, лучше вовсе не упоминать о ней... гимназия имени Адольфа Гитлера. Разве на лестничной площадке в гимназии Фридриха Великого не висел портрет Старого Фрица, необыкновенно яркий, необыкновенно красивый, необыкновенно большой? Я учился в этой школе восемь лет подряд, но разве точно такой же портрет не мог висеть в другой школе, на том же самом месте, и настолько же яркий, настолько же бросающийся в глаза, что взгляд каждого, кто поднимался на второй этаж, невольно на нем останавливался?

Вдали постреливала тяжелая артиллерия. А вообще было почти спокойно, лишь время от времени прожорливое пламя вырывалось на волю и где-то во тьме рушилась крыша. Артиллерийские орудия стреляли равномерно, с одинаковыми промежутками, и я думал: славная артиллерия. Я знаю, это подло, но я так думал. О боже, как она успокаивала, эта артиллерия, каким родным был ее густой и низкий рокот, мягкий, нежный, как рокот органа, в нем есть даже что-то благородное; по-моему, в артиллерии есть что-то благородное, даже когда она стреляет. Все это так солидно, совсем как в той войне, про которую мы читали в книжках с картинками... Потом я подумал о том, сколько имен будет высечено на новом памятнике воину, если новый памятник поставят, и о том, что на него водрузят еще более грандиозный позолоченный Железный крест и еще более грандиозный каменный лавровый венок; и вдруг меня пронзила мысль: если я в самом деле нахожусь в своей старой школе, то мое имя тоже будет

красоваться на памятнике, высеченное на цоколе, а в школьном календаре против моей фамилии будет сказано: «Ушел на фронт из школы и пал за...»

Но я еще не знал, за что... И я еще не был уверен, нахожусь ли я в своей старой школе. Теперь я непременно хотел это установить. В памятнике воину тоже нет ничего особенного, ничего исключительного, он такой, как всюду, стандартный памятник массового изготовления, все памятники такого образца поставляются каким-то одним управлением...

Я оглядывал рисовальный зал, но картины были сняты, а о чем можно судить по нескольким партам, сваленным в углу, да по узким и высоким окнам, частым-частым, как полагается в рисовальном зале, где должно быть много света? Сердце мне ничего не подсказывало. Но разве оно молчало бы, если б я оказался там, где восемь лет, из года в год, рисовал вазы, прелестные, стройные вазы, изумительные копии с римских подлинников, учитель рисования обычно ставил их перед классом на подставку; там, где я выводил шрифты — рондо, латинский прямой, римский, итальянский? Ничто я так не ненавидел в школе, как эти уроки, часами глотал я скуку и никогда не мог нарисовать вазу или воспроизвести какой-нибудь шрифт. Но где же мои проклятия, где моя ненависть к этим тоскливым тусклым стенам? Ничто во мне не заговорило, и я молча покачал головой.

Снова и снова я рисовал, стирал нарисованное, оттачивал карандаш... и ничего, ничего...

Я не помнил, как меня ранило, чувствовал лишь, что не могу пошевелить руками и правой ногой, только левой, и то еле-еле; это оттого, думал я, что всего меня очень туго спеленали.

Я выплюнул сигарету в пространство между набитыми соломой мешками и попытался шевельнуть рукой, но от страшной боли опять закричал; я кричал не переставая, кричал с наслаждением; помимо боли, меня доводило до бешенства то, что я не могу пошевелить руками.

Потом я увидел перед собой врача; он снял очки и, часто моргая, смотрел на меня; он ничего не говорил; за ним стоял пожарник, тот, что дал

мне воды. Пожарник что-то шепнул врачу на ухо, и врач надел очки, за их толстыми стеклами я отчетливо увидел большие серые глаза с чуть подрагивающими зрачками. Врач долго смотрел на меня, так долго, что я невольно отвел глаза. Он сказал:

— Одну минуту, ваша очередь сейчас подойдет...

Затем они подняли того, кто лежал рядом со мной, и понесли за классную доску; я смотрел им вслед; доска была раздвинута и поставлена наискосок, между нею и стенкой висела простыня, за простыней горел яркий свет...

Ни звука не было слышно, пока простыню не откинули и не вынесли того, кто лежал только что рядом со мной; санитары с усталыми, безучастными лицами тащили носилки к дверям.

Я опять закрыл глаза и подумал: ты непременно должен узнать, что у тебя за ранение и действительно ли ты находишься в своей старой школе.

Все здесь казалось мне таким холодным и чужим, как если бы меня пронесли по музею мертвого города; этот мирок был мне совершенно безразличен и далек, и хотя я его узнавал, но только глазами. А если так, то мог ли я поверить, что всего три месяца назад я сидел здесь, рисовал вазы и писал шрифты, на переменах сбегал по лестнице, держа в руках принесенные из дому бутерброды с повидлом, проходил мимо Ницше, Гермеса, Того, Цезаря, Цицерона, Марка Аврелия, потом шел по нижнему коридору с его «Медеей» и заходил к швейцару Биргелеру выпить молока, выпить молока в этой полутемной каморке, где можно было рискнуть выкурить сигарету, хоть это и строго воспрещалось? Наверняка они понесли того, кто лежал раньше рядом со мной, вниз, куда сносили мертвецов; быть может, мертвецов клали в мглистую каморку, где пахло теплым молоком, пылью и дешевым табаком Биргелера...

Наконец-то санитары вернулись в зал, и теперь они подняли меня и понесли за классную доску. Я опять поплыл мимо дверей и, проплывая, обнаружил еще одно совпадение: в те времена, когда эта школа называлась



школой св. Фомы, над этой самой дверью висел крест, его потом сняли, но на стене так и осталось неисчезающее темно-желтое пятно — отпечаток креста, четкий и ясный, более четкий, пожалуй, чем сам этот ветхий, хрупкий, маленький крест, который сняли; ясный и красивый отпечаток креста так и остался на выцветшей стене. Тогда новые хозяева со злости перекрасили всю стену, но это не помогло, маляр не сумел найти правильного колера, крест остался на своем месте, светло-коричневый и четкий на розовой стене. Они злились, но тщетно, крест оставался, коричневый, четкий на розовом фоне стены, и думаю, что они исчерпали все свои ресурсы на краски, но сделать ничего не смогли. Крест все еще был там, и если присмотреться, то можно разглядеть даже кривой след на правой перекладине, где много лет подряд висела самшитовая ветвь, которую швейцар Биргелер прикреплял туда в те времена, когда еще разрешалось вешать в школах кресты...

Все это промелькнуло в голове в ту короткую секунду, когда меня несли мимо двери за классную доску, где горел яркий свет.

Я лежал на операционном столе и в блестящем стекле электрической лампы видел себя самого, свое собственное отражение, очень маленькое, укороченное — совсем крохотный, белый, узенький марлевый сверток, словно куколка в коконе; это и был я.

Врач повернулся ко мне спиной; он стоял у стола и рылся в инструментах; старик пожарник, широкий в плечах, загоразивал собой классную доску и улыбался мне; он улыбался устало и печально, и его бородатое лицо казалось лицом спящего; взглянув поверх его плеча, я увидел на исписанной стороне доски нечто, заставившее встрепетаться мое сердце впервые за все время, что я находился в этом мертвом доме. Где-то в тайниках души я отчаянно, страшно испугался, сердце учащенно забилося: на доске я увидел свой почерк — вверху, на самом верху. Узнать свой почерк — это хуже, чем увидеть себя в зеркале, это куда более неопровержимо, и у меня не осталось никакой возможности усомниться в подлинности моей руки. Все остальное еще не служило доказательством — ни «Медея», ни

Ницше, ни профиль киношного горца, ни банан из Того, ни даже сохранившийся над дверью след креста, все это существовало во всех школах, но я не думаю, чтобы в других школах кто-нибудь писал на доске моим почерком. Она еще красовалась здесь, эта строка, которую всего три месяца назад, в той проклятой жизни, учитель задал нам каллиграфически написать на доске: «Путник, придешь когда в Спа...»

О, я помню, доска оказалась для меня короткой, и учитель сердился, что я плохо рассчитал, выбрал чрезмерно крупный шрифт, а сам он тем же шрифтом, покачивая головой, вывел ниже: «Путник, придешь когда в Спа...»

Семь раз была повторена эта строка — моим почерком, латинским прямым, готическим шрифтом, курсивом, римским, староитальянским и рондо; семь раз, четко и беспощадно: «Путник, придешь когда в Спа...»

Врач тихо окликнул пожарника, и он отошел в сторону, теперь я видел все строчки, не очень красиво написанные, потому что я выбрал слишком крупный шрифт, вывел слишком большие буквы.

Я подскочил, почувствовав укол в левое бедро, хотел опереться на руки, но не смог; я оглядел себя сверху донизу — и все увидел. Они распеленали меня, и у меня не было больше рук, не было правой ноги, и я внезапно упал навзничь: мне нечем было держаться; я закричал; пожарник и врач с ужасом смотрели на меня; передернув плечами, врач все нажимал на поршень шприца, медленно и ровно погружавшегося все глубже; я хотел опять взглянуть на доску, но пожарник загоразживал ее; он крепко держал меня за плечи, и я чувствовал запах гари, грязный запах его перепачканного мундира, видел усталое, печальное лицо — и вдруг узнал его: это был Биргелер.

— Молока, — сказал я тихо...

## ПРОБЛЕМА ОТЦОВ И ДЕТЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖЕЙМСА ОЛДРИДЖА

**ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ  
(1918-2015)**

Джеймс Олдридж – английский писатель, публицист, журналист, общественный деятель. Родился в австралийском городке Уайт-Хилл в большой многодетной семье англичан. В середине 1920-х семья Олдриджа переехала в Суон-Хилл, и большинство его австралийских произведений основываются на его жизни в этом городке.

Образование Дж. Олдридж получил в мельбурнском коммерческом колледже, а после – в Лондонском университете. После окончания университета остался жить в Англии, где с 1938 года начинает карьеру журналиста.

Во время Второй мировой войны Дж. Олдридж работает военным корреспондентом на Среднем (Иран) и Ближнем Востоке, пишет о вторжении стран Оси в Грецию и на остров Крит, освещает боевые события в Норвегии, Албании, Египте, Ливии. В это же время начинает свою творческую деятельность: пишет художественные произведения, наполненные гуманистическим пафосом. В них четко прослеживается убеждение автора, что силы разума, справедливости должны стать основой жизни человеческого сообщества.

В целом творческое наследие писателя разнообразное: очерки, репортажи, политические выступления, повести, рассказы, романы. Первые произведения посвящены борьбе партизан Греции против немецкой оккупации (романы «Дело чести» (1942), «Морской орел» (1944)), борьбе колониальных народов за свою независимость («Дипломат» (1949), «Герои пустынных горизонтов» (1954), «Не хочу, чтобы он умирал» (1957), «Последний изгнанник» (1961), «Плененный чужой страной» (1962), «Горы и

оружие» (1974) и другие). Писатель долго жил в Каире, которому посвятил книгу «Каир. Биография города» (1969).

Но не только социально-политическая проблематика привлекала внимание Дж. Олдриджа. Во многих произведениях прозаик раскрывает красоту души маленького человека, его мужество и благородство. Со середины 1960-х годов пишет, в основном, для детей и юношества.

В 1972 году Дж. Олдридж стал лауреатом Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», а также награжден Золотой медалью Международной организации журналистов.

Умер писатель в Лондоне в 20015 году в возрасте 96 лет.

### **ЗАДАНИЕ**

- 1. Прочитайте рассказ Джеймса Олдриджа «Последний дюйм». Определите тему этого произведения.**
- 2. Составьте характеристику образов отца и сына, используя цитаты из текста.**
- 3. Подумайте, какую проблему поднимает в рассказе автор.**

### **ПОСЛЕДНИЙ ДЮЙМ**

Хорошо, если после двадцати лет работы летчиком ты и к сорока годам все еще испытываешь удовольствие от полета; хорошо, если ты еще можешь радоваться тому, как артистически точно посадил машину: чуть-чуть отожмешь ручку, поднимешь легкое облачко пыли и плавно отвоюешь последний дюйм над землей. Особенно когда приземляешься на снег: снег — отличная подстилка под колеса, и хорошая посадка на снег — это так же приятно, как прогуляться босиком по пушистому ковру в гостинице.

Но с полетами на «ДС-3», когда старенькую машину поднимешь, бывало, в воздух в любую погоду и летишь над лесами где попало, было покончено. Работа в Канаде дала ему хорошую закалку, и не удивительно,

что он окончил свою летную жизнь над пустыней Красного моря, летая на «Фейрчайльде» для нефтеэкспортной компании Тексегипто, у которой были права на разведку нефти по всему египетскому побережью. Он водил «Фейрчайльд» над пустыней до тех пор, пока самолет совсем не износился. Посадочных площадок не было. Он сажал свою машину везде, где хотелось сойти геологам и гидрологам, то есть и на песок, и на кустарник, и на каменистое дно пересохших ручьев, и на длинные белые отмели Красного моря. Отмели были хуже всего: гладкая с виду поверхность песков всегда бывала усеяна крупными кусками белого коралла, острыми по краям, как бритва, и если бы не низкий центр тяжести «Фейрчайльда», он бы не раз перевернулся из-за прокола камеры.

Но и это все было уже в прошлом. Компания Тексегипто отказалась от дорогостоящих попыток найти большое нефтяное месторождение, которое давало бы такие же прибыли, какие получала Арамко в Саудовской Аравии, а «Фейрчайльд» превратился в жалкую развалину и стоял в одном из египетских ангаров, покрытый толстым слоем разноцветной пыли, весь иссеченный понизу узкими, длинными надрезами, с растрепанными тросами, уже только подобием мотора и приборами, годными разве что в утиль.

Все было кончено: ему стукнуло сорок три, жена уехала от него домой, на Линнен-стрит в город Кембридж, Массачусетс, и зажила, как ей нравилось: ездила на трамвае до Гарвард-сквер, покупала продукты в магазине без продавцов, гостила у своего старика в приличном деревянном доме — одним словом, вела приличную жизнь, достойную приличной женщины. Он пообещал приехать к ней еще весной, но знал, что не сделает этого, так же как знал и то, что не получит в свои годы летной работы, особенно такой, к какой он привык, не получит ее даже в Канаде. В тех краях предложение превышало спрос и тогда, когда дело касалось людей опытных; фермеры Саскачевана сами учились летать на своих «Пайпер-кэбах» и «Остерах». Любительская авиация лишала куса хлеба множество старых летчиков. Они кончали тем, что нанимались обслуживать рудоуправления

или правительство, но и та и другая работа была слишком благопристойной и добропорядочной, чтобы подойти ему на старости лет.

Так он и остался с пустыми руками, если не считать равнодушной жены, которой он не был нужен, да десятилетнего сына, родившегося слишком поздно и, как понимал Бен где-то в глубине души, чужого им обоим — одинокого, неприкаянного ребенка, который в десять лет понимал, что мать им не интересуется, а отец — посторонний человек, не знающий, о чем с ним говорить, резкий и немногословный в те редкие минуты, когда они бывали вместе.

Вот и эта минута была ничем не лучше других. Бен взял с собой мальчика на «Остер», который бешено мотало на высоте в 2 тысячи футов над побережьем Красного моря, и ждал, что мальчишку вот-вот укачает.

— Если тебя стошнит, — сказал Бен, — пригни голову пониже к полу, чтобы не запачкать всю машину.

— Хорошо. — У мальчика был очень несчастный вид.

— Боишься?

Маленький «Остер» безжалостно кидало в накаленном воздухе из стороны в сторону, но перепуганный мальчишка все же не терялся и, отчаянно посасывая леденец, разглядывал приборы, компас, прыгающий авиагоризонт.

— Немножко, — ответил мальчик тихим и застенчивым голосом, непохожим на грубоватые голоса американских ребят. — А от этих толчков самолет не сломается?

Бен не умел успокаивать сына, он сказал правду:

— Если за машиной не следить, она непременно сломается.

— А эта... — начал было мальчик, но его здорово тошнило, и он не мог продолжать.

— Эта в порядке, — с раздражением сказал отец. — Вполне годный самолет.

Мальчик опустил голову и тихонько заплакал.

Бен пожалел, что взял с собой сына. Все великодушные порывы всегда у них в семье кончались неудачей: им обоим давно не хватало этого чувства — сухой, плаксивой, провинциальной матери и резкому, вспыльчивому отцу. Бен как-то попробовал во время одного из редких приступов великодушия поучить мальчика править самолетом, и хотя сын оказался очень понятливым и довольно быстро усвоил основные правила, каждый окрик доводил его до слез...

— Не плачь! — приказал ему теперь Бен. — Нечего тебе плакать! Подыми голову, слышишь, Дэви! Подыми сейчас же!

Но Дэви сидел, опустив голову, а Бен все больше и больше жалел, что взял его, и уныло поглядывал на расстилающуюся под крылом самолета огромную бесплодную пустыню побережья Красного моря — непрерывную полосу в тысячу миль, отделяющую нежно размытые акварельные краски суши от блеклой зелени воды. Все было недвижимо и мертво. Солнце выжигало здесь всякую жизнь, а весною на тысячах квадратных миль ветры вздымали на воздух массы песка и относили песок на ту сторону Индийского океана, где он и оставался навеки: пустыня сливалась с дном морским.

— Сядь прямо, — сказал он Дэви, — если хочешь научиться, как идти на посадку.

Он знал, что тон у него резкий, и всегда удивлялся сам, почему не умеет разговаривать с мальчиком. Дэви поднял голову. Он ухватился за доску управления и нагнулся вперед. Бен двинул рычаг газа, подождал, пока не сбавится скорость, а потом с силой потянул рукоятку триммера, которая была очень неудобно устроена на этих маленьких английских самолетах — наверху слева, чуть не над головой. Внезапный толчок мотнул голову мальчика вниз, но он ее сразу же поднял и стал глядеть поверх опустившегося носа машины на узкую полосу белого песка у залива, похожего на лепешку, кинутую в эту прибрежную пустошь. Отец вел самолет прямо туда.

— А почему ты знаешь, откуда дует ветер? — спросил мальчик.

— По волнам, по облачку, чутьем! — крикнул ему Бен.

Но он уже и сам не знал, чем руководствуется, когда правит самолетом. Не думая, он знал с точностью до одного фута, где посадит машину. Ему приходилось быть точным: голая полоска песка не давала ни одной лишней пяди, и опуститься на нее мог только очень маленький самолет. Отсюда до ближайшей туземной деревни было сто миль, а вокруг — мертвая пустыня.

— Все дело в том, чтобы правильно рассчитать, — сказал Бен. — Когда выравниваешь самолет, надо, чтобы расстояние до земли было шесть дюймов. Не фут и не три, а ровно шесть дюймов! Если выше, ты стукнешься при посадке и самолет будет поврежден. Слишком низко — попадешь на кочку и перевернешься. Все дело в последнем дюйме.

Дэви кивнул. Он уже это знал. Он видел, как в Эль-Бабе, где они брали напрокат машину, однажды перевернулся такой «Остер». Ученик, который на нем летал, был убит.

— Видишь! — закричал отец. — Шесть дюймов. Когда он начнет садиться, я беру назад ручку. Я тяну ее на себя. Вот! — сказал он, и самолет коснулся земли мягко, как снежинка.

Последний дюйм! Бен сразу же выключил мотор и нажал на ножные тормоза — нос самолета задрался кверху, и тормоза не дали ему окунуться в воду — до нее оставалось шесть или семь футов.

\* \* \*

Два летчика воздушной линии, которые открыли эту бухту, назвали ее Акульей — не из-за ее формы, а из-за ее населения. В ней постоянно водилось множество крупных акул, которые заплывали сюда из Красного моря, гоняясь за косяками сельди и кефали, искавшими здесь убежища. Бен и прилетел-то сюда из-за акул, а теперь, когда попал в бухту, совсем забыл о мальчишке и время от времени только давал ему распоряжения: помочь при разгрузке, закопать мешок с продуктами в мокрый песок, смачивать песок, поливая его морской водой, подавать инструменты и всякие мелочи, необходимые для акваланга и камер.



— А сюда кто-нибудь когда-нибудь заходит? — спросил его Дэви.

Бен был слишком занят, чтобы обращать внимание на то, что говорит мальчик, но все же, услышав вопрос, покачал головой:

— Никто! Никто не может сюда попасть иначе, как на легком самолете. Принеси мне два зеленых мешка, которые стоят в машине, и прикрывай голову от солнца. Не хватало еще, чтобы ты получил солнечный удар!

Больше вопросов Дэви не задавал. Когда он о чем-нибудь спрашивал отца, голос у него сразу становился угрюмым: он заранее ожидал резкого ответа. Теперь мальчик и не пытался продолжать разговор и молча выполнял, что ему приказывали. Он внимательно наблюдал за тем, как отец готовит свой акваланг и киноаппарат для подводных съемок, собираясь опуститься в прозрачную воду снимать акул.

— Смотри, не подходи к воде! — приказал отец.

Дэви ничего не ответил.

— Акулы непременно постараются откусить от тебя кусок, особенно если подымутся на поверхность, — не смей даже ступить в воду!

Дэви кивнул головой.

Бену хотелось чем-нибудь порадовать мальчика, но за много лет ему это ни разу не удавалось, а теперь, видно, было поздно. Когда Бен уходил в полет, а это бывало почти постоянно, с тех пор, как ребенок родился, начал ходить, а потом становился подростком, он подолгу не видел сына. Так было в Колорадо, во Флориде, в Канаде, в Иране, в Бахрейне и здесь, в Египте. Это его жене, Джоанне, следовало постараться, чтобы мальчик рос живым и веселым.

Вначале он пытался привязать к себе мальчика. Но разве чего-нибудь добьешься за короткую неделю, проведенную дома, и разве можно назвать домом чужеземный поселок в Аравии, который Джоанна ненавидела и всякий раз поминала только для того, чтобы потосковать о росистых тихих вечерах, ясных морозных зимах и тихих университетских улочках родной Новой Англии? Ее ничто не привлекало ни в глинобитных домишках

Бахрейна, при 110 градусах по Фаренгейту и 100 процентах влажности воздуха, ни в оцинкованных поселках нефтепромыслов, ни даже в пыльных, беспардонных улицах Каира. Но апатия (которая все росла и наконец совсем ее искалечила) должна теперь пройти, раз она вернулась домой. Он отвезет к ней мальчонку, и теперь, когда она живет там, где ей хочется, Джоанна, может быть, сумеет пробудить в себе хоть какой-то интерес к ребенку. Пока что она не проявляла этого интереса, а прошло уже три месяца с тех пор, как она уехала домой.

— Затяни этот ремень у меня между ногами, — сказал он Дэви.

На спине у него был тяжелый акваланг. Два его цилиндра со сжатым воздухом весом в 20 килограммов позволят ему пробыть больше часа на глубине в 30 футов. Глубже опускаться и не надо. Акулы этого не делают.

— И не кидай в воду камней, — сказал отец, поднимая цилиндрический, водонепроницаемый киноаппарат и стирая песок с его рукоятки. — Не то всех рыб поблизости перепугаешь. Даже акул. Дай мне маску.

Дэви передал ему маску со стеклянным забралом.

— Меня не будет минут двадцать. Потом я поднимусь, и мы позавтракаем, потому что солнце стоит уже высоко. Ты пока что обложи камнями оба колеса самолета и посиди под одним из крыльев, в тени. Понял?

— Да, — сказал Дэви.

Бен вдруг почувствовал, что разговаривает с мальчиком так, как разговаривал с женой, чье равнодушие всегда вызывало его на резкий и повелительный тон. Ничего удивительного, что бедный парнишка сторонится их обоих.

— И обо мне не беспокойся! — приказал он мальчику, входя в воду. Взяв в рот трубку, он скрылся под водой, опустив книзу киноаппарат, чтобы груз тянул его на дно.

\* \* \*

Дэви смотрел на море, которое поглотило его отца, словно мог в нем что-нибудь увидеть. Но видеть было нечего, за исключением изредка появлявшихся на поверхности пузырьков воздуха.

Ничего не было видно ни на море, которое далеко вдали сливалось с горизонтом, ни на бескрайних просторах выгоревшего на солнце побережья. А когда он вскарабкался на раскаленный песчаный холм у самого высокого края бухты, он не увидел позади себя ничего, кроме пустыни, то ровной, то слегка волнистой. Сверкая, она уходила вдаль к таявшим в знойном мареве красноватым холмам, таким же голым, как и все вокруг.

Под ним был только самолет, маленький серебряный «Остер», — он все еще потрескивал, потому что мотор никак не остывал. Дэви почувствовал свободу. Кругом на целых сто миль не было никого, и он мог посидеть в самолете и как следует его разглядеть. Но запах, который шел от самолета, снова вызвал у него дурноту, он вылез и облил водой песок, где лежала еда, а потом уселся и стал глядеть, не покажутся ли акулы, которых снимал отец. Под водой ничего не было видно, и в раскаленной тишине, в одиночестве, о котором он не жалел, хотя вдруг его остро почувствовал, мальчик раздумывал, что же с ним будет, если отец так никогда и не выплывет из морской глубины.

\* \* \*

Бен, прижавшись спиной к кораллу, мучился с клапаном, регулирующим подачу воздуха. Он опустил неглубоко, не больше чем на двадцать футов, но клапан работал неравномерно, и ему приходилось с усилием втягивать воздух. А это было изнурительно и небезопасно.

Акул было много, но они держались на расстоянии. Они никогда не приближались так близко, чтобы на них можно было как следует установить объектив. Придется приманить их к себе поближе после обеда. Для этого он взял в самолет половину лошадиной ноги; обернутая в целлофан, она была закопана в песок.

— На этот раз, — сказал он себе, шумно выпуская пузырьки воздуха, — я уж снимаю их не меньше чем на три тысячи долларов.

Телевизионная компания платила ему по тысяче долларов за каждые пятьсот метров фильма об акулах и тысячу долларов отдельно за съемку молота-рыбы. Но в этих водах молот-рыба не водится. Были тут две или три безвредных акулы-великана и довольно крупная пятнистая акула-кошка, бродившая у самого серебристого дна, подальше от кораллового берега. Бен знал, что сейчас он слишком деятелен, чтобы привлечь к себе акул, но его интересовал большой орляк, который жил под навесом кораллового рифа: за него тоже платили пятьсот долларов. Им нужен был кадр с орляком на подходящем фоне. Кишащий тысячами рыб подводный коралловый мир был хорошим фоном, а сам орляк лежал в своей коралловой пещере.

— Ага, ты еще здесь! — сказал Бен тихонько.

Длиною рыба была в четыре фута, а весила один бог знает сколько; она поглядывала на него из своего убежища, как и в прошлый раз — неделю назад. Жила она тут, наверно, не меньше ста лет. Шлепнув у нее перед мордой лапами. Бен заставил ее попятиться и сделал хороший кадр с панорамы, когда рыба неторопливо, но сердито пошла головой вниз на дно.

Пока что это было все, чего он добивался. Акулы никуда не денутся и после обеда. Ему надо беречь воздух, потому что баллоны никак не перезарядишь здесь, на берегу. Повернувшись, Бен почувствовал, как мимо его ног прошелестела плавниками акула. Пока он снимал орляка, акулы зашли к нему в тыл.

— Убирайтесь отсюда к чертям! — заорал он, выпуская огромные пузыри воздуха.

Они уплыли: громкое бульканье спугнуло их. Песчаные акулы пошли на дно, а «кошка» поплыла на уровне его глаз, внимательно наблюдая за человеком. Таковую криком не запугаешь. Бен прижался спиной к рифу и вдруг почувствовал, как его руку обожгло острым выступом коралла. Но он не спускал глаз с «кошки», пока не поднялся на поверхность. Даже теперь он

держал голову под водой, чтобы следить за «кошкой», которая понемножку к нему приближалась. Бен неуклюже попятился на узкий выступ рифа над поверхностью моря, перевернулся и проделал последний дюйм пути до безопасного места.

— Мне эта дрянь совсем не нравится! — сказал он вслух, выплюнув изо рта воду.

И только тут заметил, что над ним стоит мальчик. Он совсем забыл о его существовании и не потрудился объяснить, к кому относятся эти слова.

— Доставай завтрак из песка и приготовь еду на брезенте, в тени под крылом самолета. Кинь-ка мне большое полотенце.

Дэви дал ему полотенце, и Бену пришлось смириться с жизнью на сухой, горячей земле. Он почувствовал, что сделал большую глупость, взявшись за такую работу. Он был хорошим летчиком по неразведанным трассам, а вовсе не каким-нибудь авантюристом, который рад погоняться за акулами с подводным киноаппаратом. И все-таки ему повезло, что он получил хоть эту работу. Два авиационных инженера американской компании Восточных воздушных линий, которые служили в Каире, организовали поставку кинофирмам подводных кадров, снятых в Красном море. Обоих инженеров перевели в Париж, и они передали свое дело Бену. Летчик в свое время помог им, когда они пришли просить консультацию насчет полетов в пустыне на маленькие самолеты. Уезжая, они оплатили услугой за услугу, сообщив о нем Телевизионной компании в Нью-Йорке; ему дали напрокат аппаратуру, а он нанял маленький «Остер» в египетской летной школе.

Ему нужно было быстро заработать деньги, и вот появилась такая возможность. Когда компания Тексегипто свернула разведку нефти, он потерял службу. Деньги, которые он тщательно копил два года, летая над раскаленной пустыней, давали возможность жене прилично жить в Кембридже. Того немногочисленного, что у него оставалось, хватало на содержание его самого, мальчика, француженки из Сирии, которая присматривала за ребенком, и маленькой квартиркой в Каире, где они втроем жили. Но этот

полет был последним. Телевизионная компания сообщила, что у нее запаса отснятой пленки хватит очень надолго. Поэтому его работа подходила к концу, и у него больше не было причин оставаться в Египте. Он теперь уже наверняка отвезет мальчика к матери, а потом поищет работы в Канаде, — а вдруг там что-нибудь подвернется, если, конечно, выпадет удача и он сумеет скрыть свои годы!

\* \* \*

Пока они молча ели, он перемотал пленку во французском киноаппарате, починил клапан акваланга. Откупоривая бутылку пива, он снова вспомнил о мальчике.

— У тебя есть что-нибудь попить?

— Нет, — неохотно ответил Дэви. — Воды нет...

Бен и тут не подумал о сыне. Как всегда, он прихватил с собой из Каира дюжину бутылок пива: оно было чище и безопаснее для желудка, чем вода. Но надо было взять что-нибудь и для сына.

— Придется тебе выпить пива. Открой бутылку и попробуй, но не пей слишком много.

Ему претила мысль о том, что десятилетний ребенок будет пить пиво, но делать было нечего. Дэви откупорил бутылку, быстро отпил немножко прохладной горькой жидкости, но проглотил ее с трудом. Покачав головой, он вернул бутылку отцу.

— Не хочется пить, — сказал он.

— Открой банку персиков.

Банка персиков не может утолить жажду в такую сухую полуденную жару, но выбора у них не было. Поев, Бен прилег, аккуратно прикрыв аппаратуру влажным полотенцем. Мельком удостоверившись в том, что Дэви не болен и сидит в тени, он быстро заснул.

\* \* \*

— А кто-нибудь знает, что мы здесь? — спросил Дэви вспотевшего от сна отца, когда тот снова собирался опуститься под воду.

— Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Просто так.

— Никто не знает, что мы здесь, — сказал Бен. — Мы получили от египтян разрешение лететь в Хургаду; они не знают, что мы залетели так далеко. И не должны знать. Ты это запомни.

— А нас могут найти?

Бен подумал, что мальчик боится, не изобличат ли их в чем-нибудь недозволенном. Ребятишки всегда боятся, что их поймают с поличным.

— Нет, пограничники нас не найдут. С самолета они вряд ли заметят нашу машину. А по суше никто сюда попасть не может, даже на «виллисе». — Он показал на море. — И оттуда никто не придет, там рифы...

— Неужели никто-никто о нас не знает? — тревожно спросил мальчик.

— Я же говорю, что нет! — с раздражением ответил отец. Но он вдруг понял, хотя и поздно, что Дэви беспокоит не возможность поимки, он просто боится остаться один. — Ты не бойся, — проговорил Бен грубовато. — Ничего с тобой не случится.

— Поднимается ветер, — сказал Дэви, как всегда, тихо и слишком серьезно.

— Знаю. Я пробуду под водой всего полчаса. Потом поднимусь, заряджу новую пленку и опущусь еще минут на десять. Найди, чем бы тебе покуда заняться. Напрасно ты не взял с собой удочки.

«Надо было мне ему об этом напомнить», — подумал Бен, погружаясь в воду вместе с приманкой из конины. Приманку он положил на хорошо освещенную коралловую ветку, а камеру установил на выступе. Потом он крепко привязал телефонным проводом мясо к кораллу, чтобы акулам труднее было его отодрать.

Покончив с этим, Бен отступил в небольшую выемку, которая находилась всего в десяти футах от приманки, чтобы обезопасить себя со спины. Он знал, что ждать акул придется недолго.

В серебристом пространстве, там, где кораллы переходили в песок, их было уже пятеро. Он был прав. Акулы пришли сразу же, учуяв запах крови. Бен замер, а когда выдыхал воздух, то прижимал клапан к кораллу за своей спиной, чтобы пузырьки воздуха лопались и не спугнули акул.

— Подходите! Поближе! — тихонько подзадоривал он рыб.

Но им и не требовалось приглашения.

Они кинулись прямо на кусок конины. Впереди шла знакомая пятнистая «кошка», а за ней две или три акулы той же породы, но поменьше. Они не плыли и даже не двигали плавниками; они неслись вперед, как серые струящиеся ракеты. Подойдя к мясу, акулы слегка свернули в сторону, на ходу отрывая куски.

Он заснял на пленку все: приближение акул к цели; какую-то деревянную манеру разевать пасть, словно у них болели зубы; жадный, пакостный укус — самое отвратительное зрелище, какое он видел в жизни.

— Ах вы, гады! — сказал он, не разжимая губ.

Как и всякий подводник, он их ненавидел и очень боялся, но не мог ими не любоваться.

Они пришли снова, хотя ролик его пленки был уже почти весь отснят. Значит, ему придется подняться на сушу, перезарядить камеру и вернуться поскорее назад. Бен взглянул на камеру и убедился, что пленка кончилась. Подняв глаза, он увидел, что враждебно настороженная акула-кошка плывет прямо на него.

— Пошла! Пошла! Пошла! — заорал Бен в трубку.

«Кошка» на ходу слегка повернулась на бок, и Бен понял, что сейчас она бросится в атаку. Только в это мгновение он заметил, что у него руки и грудь измазаны кровью от лошадиного мяса. Бен проклял свою глупость. Но ни времени, ни смысла упрекать себя уже не было, и он стал отбиваться от акулы киноаппаратом.

У «кошки» был выигрыш во времени, и камера едва по ней скользнула. Боковые резцы с размаху схватили правую руку Бена, чуть было не задели



грудь и прошли сквозь другую его руку, как бритва. От страха и боли он стал размахивать руками; кровь его в несколько мгновений замутила воду, но он уже ничего не видел и только чувствовал, что акула сейчас нападет снова. Отбиваясь ногами. Бен пятился назад, ощущая, как его резануло по ногам; судорожные движения запутали его в ветвистых зарослях; он держал трубку правой рукой, боясь ее выронить. И в тот миг, когда он увидел, что на него кинулась одна из акул помельче, он ударил ее ногами и перекувырнулся назад.

Бен ударился спиной о надводный край рифа, кое-как выкатился из воды и, весь в крови, мешком свалился на песок.

\* \* \*

Когда Бен пришел в себя, он сразу вспомнил все, что случилось, хотя и не понимал, долго ли был без сознания и что произошло потом, — все теперь, казалось, было уже не в его власти.

— Дэви! — закричал он.

Откуда-то сверху послышался приглушенный голос сына, но в глазах Бена стояла мгла — он знал, что еще не прошел шок. Но вот он увидел ребенка, его полное ужаса, склоненное к нему лицо и понял, что был без сознания всего несколько мгновений. Двигаться он почти не мог.

— Что мне делать? — кричал Дэви. — Видишь, что с тобой случилось!

Бен закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Он знал, что не сможет больше вести самолет; руки горели, как в огне, и были тяжелы, как свинец, ноги не двигались, а голова была, как в тумане.

— Дэви, — еле-еле выговорил Бен с закрытыми глазами. — Что у меня с ногами?

— У тебя руки... — услышал он невнятный голос Дэви, — руки все изрезаны, просто ужас!

— Знаю, — зло сказал Бен, не разжимая зубов. — А что у меня с ногами?

— Все в крови, изрезаны тоже...

— Сильно?

— Да, но не так, как руки. Что мне делать?

Тогда Бен поглядел на руки и увидел, что правая почти оторвана совсем; он видел мускулы, сухожилия, крови почти не было. Левая была похожа на кусок жеваного мяса и сильно кровоточила; он согнул ее, подтянул кисть к плечу, чтобы остановить кровь, и застонал от боли.

Он знал, что дела его очень плохи.

Но тут же подумал, что надо что-то сделать: если его не станет, мальчик останется один, а об этом страшно было даже думать. Это было еще хуже, чем его собственное состояние. Мальчика вовремя не найдут в этой выжженной насухо стране, если найдут его вообще.

— Дэви, — сказал он настойчиво, с трудом собирая неповоротливые мысли, — послушай... Возьми мою рубашку, разорви и перевяжи мне правую руку. Слышишь?

— Да.

— Крепко обвяжи мне левую руку над ранами, чтобы остановить кровь. Потом как-нибудь привяжи кисть к плечу. Так крепко, как сможешь. Понял? Перевяжи мне обе руки.

— Понял.

— Перевяжи очень крепко. Сначала правую руку, но закрой рану. Понял? Ты понял...

Бен не слышал ответа, потому что снова потерял сознание; на этот раз беспомощность продолжалась дольше, и он пришел в себя, когда мальчик возился с его левой рукой; серьезное, напряженное, бледное личико сына было искажено ужасом, но он с мужеством отчаяния старался выполнить свою задачу.

— Это ты, Дэви? — сказал Бен, слыша сам, как неразборчиво произносит слова. — Послушай, мальчик, — продолжал он с усилием. — Я тебе должен сказать все сразу, на случай, если опять потеряю сознание.

Перебинтуй мне руки, чтобы я не терял слишком много крови. Приведи в порядок ноги и вытащи меня из акваланга. Он меня душит.

— Я старался тебя вытащить, — сказал Дэви упавшим голосом. — Не могу, не знаю, как.

— Тебе надо меня вытащить, ясно? — прикрикнул Бен по обычной своей манере, но тут же понял, что единственная надежда спастись и мальчику и ему — это заставить Дэви самостоятельно думать, уверенно делать то, что он должен сделать. Надо как-то внушить это мальчику.

— Я тебе скажу, сынок, а ты постарайся понять. Слышишь? — Бен едва слышал себя сам и на секунду даже забыл о боли. — Тебе, бедняга, придется все делать самому, так уж получилось. Не расстраивайся, если я на тебя закричу. Тут уж не до обид. На это не надо обращать внимания, понял?

— Да, — Дэви перевязывал левую руку и не слушал его.

— Молодчина! — Бену хотелось приободрить ребенка, но ему это не очень удалось. Он еще не знал, как подойти к мальчику, но понимал, что это необходимо. Десятилетнему ребенку предстояло выполнить дело нечеловеческой трудности. Если он хочет выжить. Но все должно идти по порядку...

— Достань у меня из-за пояса нож, — сказал Бен, — и перережь все ремешки акваланга. — Сам он не успел пустить в ход нож. — Пользуйся тонкой пилкой, так будет быстрее. Не порежься.

— Хорошо, — сказал Дэви, вставая. Он поглядел на свои вымазанные в крови руки и позеленел. — Если сможешь хоть немножко поднять голову, я стащу один из ремней, я его расстегну.

— Ладно. Постараюсь.

Бен приподнял голову и сам удивился, как трудно ему даже пошевелиться. Попытка двинуть шеей снова довела его до обморока; на этот раз он провалился в черную бездну мучительной боли, которая, казалось, никогда не кончится. Он медленно пришел в себя и почувствовал какое-то облегчение.

— Это ты, Дэви?.. — спросил он откуда-то издалека.

— Я снял с тебя акваланг, — услышал он дрожащий голос мальчика. — Но у тебя по ногам все еще течет кровь.

— Не обращай внимания на ноги, — сказал Бен, открывая глаза. Он приподнялся, чтобы посмотреть, в каком он виде, но побоялся снова потерять сознание. Он знал, что не сможет сесть, а тем более встать на ноги, и теперь, когда мальчик перевязал ему руки, верхняя половина туловища у него тоже была скована. Худшее было еще впереди, и ему надо было все обдумать.

\* \* \*

Единственной надеждой спасти мальчика был самолет, и Дэви должен будет его вести. Не было ни другой надежды, ни другого выхода. Но прежде надо было обо всем как следует поразмыслить. Мальчика нельзя пугать. Если Дэви сказать, что ему придется вести самолет, он придет в ужас. Надо хорошенько подумать, как об этом сказать мальчику, как внушить ему эту мысль, убедить ее выполнить, пусть даже безотчетно. Надо было ошупью найти дорогу к объятому страхом, незрелому сознанию ребенка. Он пристально посмотрел на сына и вспомнил, что уже давно как следует в него не вглядывался.

«Он, кажется, парень развитой», — подумал Бен, удивляясь странному ходу своих мыслей. Этот мальчик с серьезным личиком был чем-то похож на него самого: за детскими чертами скрывался, может быть, жесткий и даже необузданный характер. Но бледное, чуть широкое лицо выглядело сейчас несчастным, а когда Дэви заметил пристальный взгляд отца, он отвернулся и заплакал.

— Ничего, малыш, — произнес Бен с трудом. — Теперь уже ничего!

— Ты умрешь? — спросил Дэви.

— Разве я уж так плох? — спросил Бен, не подумав.

— Да, — ответил Дэви сквозь слезы.

Бен понял, что сделал ошибку и что ему нельзя говорить с мальчиком, не обдумывая каждого своего слова.

— Я шучу, — сказал он. — Не придавай значения тому, что из меня здорово течет кровь. Твой старик бывал в таких переделках уже не раз и не два. Ты что, не помнишь, как я попал тогда в больницу в Саскатуне...

Дэви кивнул.

— Помню, но тогда ты был в больнице...

— Конечно, конечно. Верно. — Он упорно думал о своем, стараясь снова не потерять сознания. — Знаешь, что мы с тобой сделаем? Возьми большое полотенце и расстели его возле меня, а я на него перекачусь, и мы кое-как доберемся до самолета. Идет?

— Я не смогу тебя втащить в машину, — сказал мальчик; в его голосе звучало уныние.

— Ах! — сказал Бен, стараясь говорить как можно мягче, хотя это было для него пыткой. — Никогда не знаешь, на что ты способен, пока не попробуешь. Тебе, наверно, пить хочется, а воды-то и нет, а?

— Нет, я не хочу пить...

Дэви пошел за полотенцем, а Бен сказал ему все тем же тоном:

— В следующий раз мы захватим дюжину кока-кола. И лед тоже.

Дэви расстелил возле него полотенце; Бен дернулся на бок, ему показалось, что у него разорвались на части руки, и грудь, и ноги, но ему удалось лечь на полотенце спиной, упершись пятками в песок, и сознания он не потерял.

— Теперь тащи меня к самолету, — едва слышно проговорил Бен. — Ты тяни, а я буду отталкиваться пятками. На толчки не обращай внимания, главное — поскорее добраться!

— Как же ты сможешь вести самолет? — спросил его сверху Дэви.

Бен закрыл глаза: он хотел представить себе, что переживает сейчас сын. «Мальчик не должен знать, что машину придется вести ему, — думал он, — такая мысль перепугает его насмерть».

— Этот маленький «Остер» летает сам, — сказал он. — Стоит только положить его на курс, а это нетрудно.

— Но ты же не можешь двинуть рукой. Да и глаз совсем не открываешь.

— А ты об этом не думай. Я могу летать вслепую, а управлять коленями.

Давай двигаться. Ну, тащи.

Он поглядел на небо и заметил, что становится поздно и поднимается ветер; это поможет самолету взлететь, если, конечно, они сумеют вырулить против ветра. Но ветер будет встречный до самого Каира, а горючего в обрез. Он надеялся, надеялся всей душой, что не задует хамсин, слепящий песчаный ветер пустыни. Ему следовало быть предусмотрительнее— запастись долговременным прогнозом погоды. Вот что получается, когда становишься воздушным извозчиком. Либо ты слишком осторожен, либо действуешь без оглядки. На этот раз — что случилось с ним не часто — он был неосторожен с начала и до самого конца.

\* \* \*

Долго взбирались они по склону; Дэви тащил, а Бен отталкивался пятками, мгновенно теряя сознание и медленно приходя в себя. Два раза он срывался вниз, но наконец они добрались до самолета; ему даже удалось сесть, прислонившись к хвостовой части машины, и оглядеться. Но сидеть было чистым адом, а обмороки все учащались. Все его тело, казалось теперь, раздирали на дыбе.

— Как дела? — спросил он мальчика. Тот задыхался, изнемогая от напряжения. — Ты, видно, совсем измучился.

— Нет! — крикнул Дэви с яростью. — Я не устал.

Тон его удивил Бена: он никогда еще не слышал в голосе мальчика ни протеста, ни, тем более, ярости. Оказывается, лицо его сына могло скрывать эти чувства. Неужели можно годами жить с сыном и не разглядеть его лица? Но сейчас он не мог позволить себе раздумывать об этом. Сейчас он был в полном сознании, но дух захватывало от приступов боли. Шок проходил. Правда, он совсем ослабел, чувствовал, как из его левой руки сочится кровь, и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни даже пальцем (если у него еще

остались пальцы). Дэви самому придется поднять самолет в воздух, вести его и посадить на землю.

— Теперь, — сказал он, с трудом ворочая пересохшим языком, — надо навалить камней у дверцы самолета. — Передохнув, он продолжал: — Если навалить их повыше, ты как-нибудь сумеешь втащить меня в кабину. Возьми камни из-под колес.

Дэви сразу взялся за дело, он стал складывать обломки кораллов у левой дверцы — со стороны сиденья пилота.

— Не у этой дверцы, — осторожно сказал Бен. — У другой. Если я полезу с этой стороны, мне мешает рулевое управление.

Мальчик кинул на него подозрительный взгляд и тут же с ожесточением снова принялся за работу. Когда он пробовал поднимать слишком тяжелые глыбы, Бен говорил ему, чтобы он не напрягался.

— В жизни можно сделать все что угодно, Дэви, — произнес он слабым голосом, — если не надорвешься. Не надрывайся...

Он не помнил, чтобы раньше давал сыну такие советы.

— Да, но ведь скоро стемнеет, — сказал Дэви, когда кончил работу.

— Стемнеет? — открыл глаза Бен. Было непонятно, то ли он задремал, то ли опять потерял сознание. — Это не сумерки. Это дует хамсин.

— Мы не можем лететь, — сказал мальчик. — Ты не сумеешь вести самолет. Лучше и не пытаться.

— Ах! — сказал Бен с той нарочитой мягкостью, от которой ему делалось еще грустнее. — Ветер сам отнесет нас домой.

Ветер мог отнести их куда угодно, только не домой, а если он задует слишком сильно, они не увидят под собой ни посадочных знаков, ни аэродромов — ничего.

— Пошли, — снова сказал он мальчику, и тот опять принялся тащить его, а Бен начал отталкиваться, пока не очутился на самодельной ступеньке из коралловой глыбы у дверцы. Теперь оставалось самое трудное, но отдыхать не было времени.

— Обвяжи мне грудь полотенцем, лезь в самолет и тащи, а я буду отталкиваться ногами.

Эх, если бы он мог двигать ногами! Видно, что-нибудь случилось у него с позвоночником; он уже почти не сомневался, что в конце концов все-таки умрет. Важно было выжить до Каира и показать мальчику, как посадить самолет. Этого будет достаточно. На это он ставил единственную свою ставку, это был самый дальний его прицел.

И эта надежда помогла ему забраться в самолет; он вполз в машину согнувшись, полусидя, почти без сознания. Потом он попытался сказать мальчику, что надо делать, но не смог произнести ни слова. Мальчика охватил страх. Повернув к нему голову. Бен это почувствовал и сделал еще одно усилие.

— Ты не видел, я вытащил из воды киноаппарат? Или оставил его в море?

— Он внизу, у самой воды.

— Ступай принеси его. И маленькую сумку с пленкой. — Тут он вспомнил, что спрятал заснятую пленку в самолет, чтобы уберечь ее от солнца. — Не надо пленки. Возьми только аппарат.

Просьба его звучала буднично и должна была успокоить перепуганного мальчика; Бен почувствовал, как накренился самолет, когда Дэви, спрыгнув на землю, побежал за аппаратом. Он снова подождал, на этот раз уже дольше, чтобы к нему вернулось сознание. Надо было вникнуть в психологию этого бледного, молчаливого, настороженного и слишком послушного мальчика. Ах, если бы он знал его получше!..

— Застегни покрепче ремни, — сказал он. — Будешь мне помогать. Запоминай. Запоминай все, что я скажу. Запри свою дверцу...

«Снова обморок», — подумалось Бену. Он погрузился на несколько минут в приятный, легкий сон, но старался удерживать последнюю нить сознания. Он цеплялся за нее: ведь это было все, что у него оставалось для спасения сына.



Бен не помнил, когда он плакал, но теперь вдруг почувствовал на глазах беспричинные слезы. Нет, он не намерен сдаваться. Ни за что!..

— Расклеился твой старик, а? — сказал Бен и даже почувствовал легкое удовольствие от этой откровенности. Дело шло на лад. Он нащупывал путь к сердцу мальчика. — Теперь слушай...

Он снова ушел далеко, далеко, а потом вернулся.

— Придется тебе взяться за дело самому, Дэви. Ничего не поделаешь. Слушай. Колеса свободны?

— Да, я убрал все камни.

Дэви сидел, сжав зубы.

— Что это нас потряхивает?

— Ветер.

О ветре он позабыл.

— Вот что надо сделать, Дэви, — сказал он медленно. — Потяни рычаг газа на дюйм, не больше. Сразу. Сейчас. Поставь всю ступню на педаль. Хорошо. Молодец! Теперь поверни черный выключатель с моей стороны. Отлично. Теперь нажми ту кнопку, а когда мотор заработает, потянешь рычаг еще немного. Стой! Когда мотор заработает, поставь ногу на левую педаль, включи мотор до отказа и развернись против ветра. Слышишь?..

— Это я могу, — сказал мальчик, и Бену показалось, что он услышал в его голосе резкую нотку нетерпения, чем-то напоминавшую его собственный голос.

— Здорово дует ветер, — добавил мальчик. — Слишком сильно, мне это не нравится.

— Когда будешь выкручивать против ветра, отдай вперед ручку. Начинай! Запускай мотор.

Он почувствовал, что Дэви перегнулся через него и включил стартер, и услышал, как чихнул мотор, — только бы он не слишком сильно передвинул ручку, пока мотор не заработает! «Сделал! Ей-богу, сделал!» — подумал Бен, когда мотор заработал. Он кивнул, и ему сразу же стало дурно от

напряжения. Бен понял, что мальчик дает газ и пытается развернуть самолет. А потом его всего словно поглотил какой-то мучительный шум, — он почувствовал толчки, попробовал поднять руки, но не смог и пришел в себя от слишком сильного рева мотора.

— Сбавь газ! — закричал он как можно громче.

— Ладно! Но ветер не дает мне развернуться.

— Мы встали против ветра? Ты повернул против ветра?

— Да, но ветер нас опрокинет.

Он чувствовал, как самолет раскачивается во все стороны, попытался выглянуть, но поле его зрения было так мало, что ему приходилось целиком полагаться на мальчика.

— Освободи ручной тормоз, — сказал Бен. О нем он забыл.

— Готово! — откликнулся Дэви. — Я его отпустил.

— Ну да, отпустил! Разве я не вижу? Старый дурак... — выругал себя Бен.

Тут он вспомнил, что его не слышно из-за шума мотора и что надо кричать.

— Слушай дальше! Это совсем просто. Тяни рычаг и держи ручку посередине. Если машина будет подсакивать, ничего. Понял? Замедли ход. И держи прямо. Держи ее против ветра, не бери на себя ручки, пока я не скажу. Действуй. Не бойся ветра...

Он слышал, как усиливается рев мотора по мере того, как Дэви давал газ, и чувствовал толчки, покачивание машины, прокладывавшей себе дорогу в песке. Потом она стала скользить, подхваченная ветром, но Бен подождал, пока толчки не стали слабее, и снова потерял сознание.

— Не смей! — услышал он издалека.

Он пришел в себя — они только что оторвались от земли. Мальчик послушно держал ручку и не дергал ее к себе; они еле-еле перевалили через дюны, и Бен понял, что от мальчика потребовалось немало мужества, чтобы

от страха не рвануть ручку. Резкий порыв ветра уверенно подхватил самолет, но затем он провалился в яму, и Бену стало мучительно плохо.

— Поднимись на три тысячи футов, там будет спокойнее, — крикнул он.

Ему следовало растолковать сыну все до отлета: ведь Дэви теперь будет трудно его слышать. Еще одна глупость! Нельзя терять рассудок и непрерывно делать глупости!

— Три тысячи футов! — крикнул он. — Три.

— Куда лететь? — спросил Дэви.

— Сперва поднимись повыше. Выше! — кричал Бен, боясь, что болтанка снова напугает мальчика. По звуку мотора можно было догадаться, что он работает с перегрузкой и что нос самолета слегка задран; но ветер их поддержит, и этого хватит на несколько минут; глядя на спидометр и пытаясь на нем сосредоточиться, он снова погрузился в темноту, полную боли.

Его привело в себя чихание мотора. Было тихо, ветра больше не было, он остался где-то внизу, но Бен слышал, как тяжело дышит и вот-вот сдаст мотор.

— Что-то случилось! — кричал Дэви. — Слушай, проснись! Что случилось?

— Подними рычаг смеси.

Дэви не понял, что нужно сделать, а Бен не сумел этого ему вовремя показать. Он неуклюже повернул голову, поддел щекой и подбородком рукоятку и приподнял ее на дюйм. Он услышал, как мотор чихнул, дал выхлоп и снова заработал.

— Куда лететь? — снова спросил Дэви. — Почему ты мне не говоришь, куда лететь?!

При таком неверном ветре не могло быть прямого курса, несмотря на то, что тут наверху было относительно спокойно. Оставалось держаться берега до самого Суэца.

— Иди вдоль берега. Держись от него справа. Ты его видишь?

— Вижу. А это верный путь?

— По компасу курс должен быть около трехсот двадцати! — крикнул он; казалось, голос его был слишком слаб, чтобы Дэви мог услышать, но он услышал.

«Хороший парень! — подумал Бен. — Он все слышит».

— По компасу триста сорок! — закричал Дэви.

Компас находился наверху, и зеркало рефлектора было видно только с сиденья пилота.

— Вот и хорошо! Хорошо! Правильно! Теперь иди вдоль берега и держись его все время. Только, бога ради, ничего больше не делай, — сказал Бен; он слышал, что уже не говорит, а только неясно бормочет. — Пусть машина сама делает свое дело. Все будет в порядке, Дэви...

Итак, Дэви все-таки запомнил, что нужно выровнять самолет, держать нужные обороты мотора и скорость! Он это запомнил. Славный парень! Он долетит. Он справится! Бен видел резко очерченный профиль Дэви, его бледное лицо с темными глазами, в которых ему так трудно было что-либо прочитать. Отец снова взгляделся в это лицо. «Никто даже не позаботился сводить его к зубному врачу», — сказал себе Бен, заметив слегка торчащие вперед зубы Дэви, — тот болезненно оскалил их, надрываясь от напряжения. «Но он справится», — устало и примиренно подумал Бен.

Казалось, это был последний итог всей его жизни. Бен провалился в пропасть, за край которой он ради мальчика так долго цеплялся. И пока он валился все глубже и глубже, он успел подумать, что на этот раз ему повезет, если он выберется оттуда вообще. Он падал слишком глубоко. Да и мальчику повезет, если он вернется назад. Но, теряя почву под ногами, теряя самого себя. Бен еще успел подумать, что хамсин крепчает и надвигается мгла, а сажать самолет уже придется не ему... Теряя последний проблеск сознания, он повернул голову к дверце.

\* \* \*

Оставшись один на высоте в три тысячи футов, Дэви решил, что уже никогда больше не сможет плакать. У него на всю жизнь высохли слезы.

Только однажды за свои десять лет он похвастался, что отец его летчик. Но он помнил все, что отец рассказывал ему об этом самолете, и догадывался о многом, чего отец не говорил.

Здесь, на высоте, было тихо и светло. Море казалось совсем зеленым, а пустыня — грязной; ветер поднял над ней пелену пыли. Впереди горизонт уже не был таким прозрачным; пыль поднималась все выше, но море он все еще не терял из виду. В картах Дэви разбирался. Это было несложно. Он знал, где лежит их карта, вытащил ее из сумки в дверце и задумался о том, что он будет делать, когда подлетит к Суэцу. Но, в общем, он знал даже и это. От Суэца вела дорога в Каир, она шла на запад через пустыню. Лететь на запад будет легче. Дорогу нетрудно разглядеть, а Суэц он узнает потому, что там кончается море и начинается канал. Там надо повернуть влево.

Он боялся отца. Правда, не сейчас. Сейчас он просто не мог на него смотреть: тот спал с открытым ртом, полуголый, весь залитый кровью. Он не хотел, чтобы отец умер; он не хотел, чтобы умерла мать, но ничего не поделаешь: это бывает. Люди всегда умирают.

Ему не нравилось, что самолет летит так высоко. От этого замирало сердце, да и самолет шел слишком медленно. Но Дэви боялся снизиться и снова попасть в ветер, когда дело дойдет до посадки. Он не знал, как ему быть. Нет, ему не хотелось снижаться в такой ветер, не хотелось, чтобы самолет опять болтало во все стороны! Самолет не будет тогда его слушаться. Он не сможет вести его по прямой и выровнять у земли.

Может быть, отец уже умер? Он оглянулся и заметил: тот дышит порывисто и редко. Слезы, которые, как думал Дэви, все уже высохли, снова наполнили его темные глаза, и он почувствовал, как они выкатываются и текут по щекам. Слизнув их языком, он стал следить за морем.

\* \* \*

Бену казалось, что от толчков его тело пронзают ледяные стрелы, разрывают на части; с пересохшим ртом, он медленно приходил в себя. Взглянув вверх, он увидел пыль, а над нею тусклое небо.

— Дэви! Что случилось? Что ты делаешь? — закричал он сердито.

— Мы почти прилетели, — сказал Дэви. — Но ветер поднялся сейчас высоко и уже темнеет.

Бен закрыл глаза, чтобы осознать то, что произошло, но так ничего и не понял: ему казалось, что он уже приходил в себя, указывая курс мальчику, а потом снова терял сознание. Пытка качкой продолжалась и еще больше усиливала боль.

— Что ты видишь? — крикнул он.

— Аэродромы и здания Каира. Вон большой аэродром, куда приходят пассажирские самолеты.

Качка и толчки оборвали слова мальчика; казалось, потоком воздуха их поднимает вверх на сотню футов, чтобы затем швырнуть вниз в мучительном падении на добрые две сотни; крылья самолета судорожно раскачивались из стороны в сторону.

— Не теряй из виду аэродрома! — крикнул Бен сквозь приступ боли. — Следи за ним! Не спускай с него глаз! — Ему пришлось крикнуть это дважды, прежде чем мальчик расслышал; он тихонько твердил про себя: «Бога ради, Дэви, теперь ты должен слышать все, что я говорю».

— Самолет не хочет идти вниз, — сказал Дэви; глаза его расширились и, казалось, занимали теперь все лицо.

— Выключи мотор.

— Выключал, но ничего не получается. Не могу опустить ручку.

— Потяни рукоятку триммера, — сказал Бен, подняв голову кверху, где была рукоятка. Он вспомнил и о закрылках, но мальчику ни за что не удастся их сдвинуть; придется обойтись без них.

Дэви пришлось привстать, чтобы дотянуться до рукоятки на колесе и сдвинуть ее вперед. Нос самолета опустился, и машина перешла в пике.

— Выключи мотор! — крикнул Бен.

Дэви убрал газ, выключил смесь, и ветер с силой подбрасывал планирующий самолет вверх и вниз.

— Следи за аэродромом, делай над ним круг, — сказал Бен и стал собирать все силы для того последнего напряжения, которое ему предстояло.

Теперь ему надо сесть, выпрямиться и наблюдать через ветровое стекло за приближением земли. Наступала решающая минута. Поднять самолет в воздух и вести его не так трудно, посадить же на землю — вот задача!

— Там большие самолеты, — кричал Дэви. — Один, кажется, стартует...

— Берегись, сверни в сторону! — крикнул Бен.

Это был довольно никчемный совет, но зато дюйм за дюймом Бен приподнимался; ему помогало то, что нос самолета был опущен. Привалившись к дрожащей дверце и упираясь в нее плечом и головой, он упорно карабкался вверх; он сосредоточил на этом все свои силы. Наконец голова его очутилась так высоко, что он смог упереться ею в доску управления. Насколько мог, он поднял голову и увидел, как приближается земля.

— Молодец! — закричал он сыну.

Бен дрожал и обливался потом, он чувствовал, что от всего его тела осталась в живых одна голова. Рук и ног больше не было.

— Левей! — кричал он. — Дай вперед ручку! Нагни ее влево! Гни больше влево! Гни еще! Хорошо! Все в порядке, Дэви. Ты справишься. Влево! Жми ручку вниз...

— Я врежусь в самолет.

Бену был виден большой самолет. До самолета было не больше пятисот футов, и они шли прямо на него. Уже почти стемнело. Пыль висела над землей, словно желтое море, но большой четырехмоторный самолет оставлял за собой полосу чистого воздуха, — значит, моторы запущены на полную мощность. Если он стартовал, а не проверял моторы, все будет в порядке. Нельзя садиться за летной дорожкой: там грунт слишком неровный.

Бен закрыл глаза.

— Стартует...

Бен с усилием открыл глаза и кинул взгляд поверх носа машины, качавшейся вверх и вниз; до большого «ДК-4» оставалось всего двести футов, он прямо преграждал им путь, но шел с такой скоростью, что они должны были разминуться. Да, они разминутся. Бен чувствовал, что Дэви в ужасе стал тянуть ручку на себя.

— Нельзя! — крикнул он. — Гни ее вниз...

Нос самолета задрался, и они потеряли скорость. Если потерять скорость на такой высоте, да еще при этом ветре, их разнесет в щепки.

— Ветер! — кричал мальчик; его маленькое личико застыло и превратилось в трагическую маску; Бен знал, что приближается последний дюйм и все в руках у мальчика...

— Молодец! — крикнул он.

Оставалась минута до посадки.

— Шесть дюймов! — кричал он Дэви; язык его словно распух от напряжения и боли, а из глаз текли горячие слезы. — Шесть дюймов, Дэви!.. Стой! Еще рано. Еще рано... — плакал он.

На последнем дюйме, отделявшем их от земли, он все-таки потерял самообладание; им завладел страх, им завладела смерть, и он не мог больше ни говорить, ни кричать, ни плакать; он привалился к доске; в глазах его был страх за себя, страх перед этим последним головокружительным падением на землю, когда черная взлетная дорожка надвигается на тебя в облаке пыли. Он силился крикнуть: «Пора! Пора! Пора!», — но страх был слишком велик; в последний, смертный миг, который снова вернул его в забытье, он ощутил, как слегка поднялся нос самолета, услышал громкий рев еще не заглохшего мотора, почувствовал, как, ударившись о землю колесами, самолет мягко подскочил в воздух, а потом настало томительное ожидание. Но вот хвост и колеса самолета коснулись земли — это был последний дюйм. Ветер закружил самолет, он забуксовал и описал на земле петлю, а потом замер, и настала тишина.



Ах, какая тишина и какой покой! Он слышал их, чувствовал всем своим существом; он вдруг понял, что выживет, — он так боялся умирать и совсем не хотел сдаваться.

\* \* \*

В жизни не раз наступают решающие минуты и остаются решающие дюймы, а в истерзанном теле летчика нашлись решающие все дело кости и кровеносные сосуды, о которых люди и не подозревали. Когда кажется, что все уже кончено, они берут свое. Египетские врачи с удивлением обнаружили, что у Бена их неисчерпаемый запас, а способность восстанавливать разорванные ткани, казалось, была дана летчику самой природой.

Все это потребовало времени, но что значило время для жизни, висевшей на волоске?.. Бен все равно ничего не сознавал, кроме приливов и отливов боли и редких просветов сознания.

— Все дело в адреналине, — раскатисто хохотал кудрявый врач-египтянин, — а вы его вырабатываете, как атомную энергию!

Казалось, все было хорошо, но Бен все-таки потерял левую руку. («Странно, — думал он, — я бы мог поклясться, что больше досталось правой руке».) Пришлось справиться и с параличом, который курчавый исцелитель упорно называл «небольшим нервным шоком». Потрясение превратило Бена в неподвижный и очень хрупкий обломок — поправка не могла идти быстро. Но все-таки дело шло на лад. Все шло на лад, кроме его левой руки, которая отправилась в мусоросжигалку, но и это было бы ничего, если бы вслед за ней не отправилась туда же и его профессия летчика.

Но, помимо всего, был еще мальчик.

— Он жив и здоров, — сказал врач. — Не получил даже шока. — Кудрявый египтянин отпускал веселые шутки на прекрасном английском языке. — Он куда подвижней вас.

Значит, и с парнем все было в порядке. Даже самолет уцелел. Все обстояло как нельзя лучше, но решала дело встреча с мальчиком: тут либо все начнется, либо снова кончится. И, может быть, навсегда.

Когда привели Дэви, Бен увидел, что это был тот же самый ребенок, с тем же самым лицом, которое он так недавно впервые разглядел. Но дело было совсем не в том, что разглядел Бен: важно было узнать, сумел ли мальчик что-нибудь увидеть в своем отце.

— Ну, как, Дэви? — робко сказал он сыну. — Здорово было, а?

Дэви кивнул. Бен знал: мальчуган вовсе не думает, что было здорово, но придет время, и он поймет. Когда-нибудь мальчик поймет, как было здорово. К этому стоило приложить руки.

— Расклеился твой старик, правда? — спросил он.

Дэви кивнул. Лицо его было по-прежнему серьезным.

Бен улыбнулся. Да что уж греха таить: старик расклеился и в самом деле. Им обоим нужно время. Ему, Бену, теперь понадобится вся жизнь, вся жизнь, которую подарил ему мальчик. Но, глядя в эти темные глаза, на слегка выдающиеся вперед зубы, на это лицо, такое необычное для американца, Бен решил, что игра стоит свеч. Этому стоит отдать время. Он уж доберется до самого сердца мальчишки! Рано или поздно, но он до него доберется. Последний дюйм, который разделяет всех и вся, нелегко преодолеть, если не быть мастером своего дела. Но быть мастером своего дела — обязанность летчика, а ведь Бен был когда-то совсем неплохим летчиком.

## ЗАДАНИЕ

- 1. Прочитайте отрывок из воспоминаний о Джеймсе Олдридже. Подумайте, какие факты из жизни писателя нашли отражение в рассказе «Последний дюйм»?**
- 2. Напишите сочинение-размышление на тему «Взаимоотношения родителей и детей».**

## БОЛЬШАЯ ГЛУБИНА

Из моря вынырнул человек. Взобравшись в лодку, он снял маску. Светлые, местами заметно выгоревшие волосы, волевое лицо, хорошая, спортивная фигура. Он смотрит в сторону берега — там сотни загорающих на пляже людей, и там его семья.

Под водой в Черном море он снимал кинокамерой редких рыб. Во время подводных путешествий он встретил электрического ската — самку, довольно крупную для закрытых морей.

На берегу появляется маленький мальчик.

— Томас! Иди скорей сюда! — кричит какая-то пожилая женщина.

Мальчик усаживается рядом со своей знакомой. Впрочем, у него тут много знакомых.

— Хочешь грушу?.. А яблоко?..

— Сенк'ю, — тихо отвечает мальчуган.

Он с завистью смотрит на старшего брата, Вильяма, который барахтается с приятелями в воде. Малыш простужен, и отец запретил ему купаться.

Вильям уже вышел из воды и пытается объяснить новым друзьям, Ледику Джебава и Вахтангу Мебония, что «у него чуть-чуть насморк и ему купаться больше нельзя». На помощь приходит преподавательница английского языка 31-й московской школы Лидия Семеновна Санькова — с ней Вильям давно успел подружиться.

Человек в лодке — Джеймс Олдридж, английский писатель, автор книг «Морской орел», «Дело чести», «Охотник», «Дипломат». Томас и Вильям — его дети...

...С юношеских лет Олдридж увлекался авиацией. В 1939 году близ Лондона он впервые самостоятельно поднял в воздух учебно-тренировочный самолет. Потом пришло время Второй мировой войны, когда ему пришлось летать в кабине бомбардировщика. Греция и Египет проплывали под

крыльями самолетов, на которых летал военный корреспондент Олдридж. Он и сейчас частенько садится за штурвал.

Небо освоено. Олдридж спускается под воду.

В Австралии писатель видел изуродованных акулами людей, слышал рассказы о подводных хищниках.

Увлечшись подводной охотой, Олдридж проверял достоверность рассказов об акулах и снимал этих хищников кинокамерой.

...Египет. Невыносимая жара. Маленький «Ситроен» пробирается среди песков пустыни. За рулем Джеймс Олдридж. Дина, жена его, уроженка Египта, и та с трудом переносит такую жару. Изредка посматривает в окошко шестилетний сынишка Вильям. Маленький Томас остался в Каире.

— Ехать в Акулью бухту — безумие, — говорили знакомые в Каире. — Сотни миль до ближайшей деревушки.

— Никаких дорог нет, — разводили руками геологи, в домиках которых супруги Олдридж останавливались переночевать.

Олдридж, однако, поехал. Где-то в стороне остался Суэц. «Ситроен» тащился, взбираясь на песчаные дюны, к белым отмелям Красного моря, в Акулью бухту, где водится много акул, — они заплывают сюда вместе с сельдью и кефалью.

Обычно «к акулам» спускаются вдвоем: один снимает, другой следит. Олдридж спускался один. Какой-то француз сконструировал стальную клетку, в которую залезал, надев акваланг. Олдридж сделал такую же клетку, но в машине она не поместилась, и ее пришлось оставить в Каире.

Заряженная кинокамера накрепко завинчена в боксе. Олдридж берет два баллона со сжатым воздухом: они позволят быть под водой больше часа. Маска надета, трубка во рту. Он исчезает под водой.

Дина и Вильям следят за пузырьками воздуха, поднимающимися на поверхность воды. Томительное ожидание...

На глубине Джеймс встретил сразу восемь акул. Опускаясь, он порезал руку о коралл и только позже догадался, что хищников привлек запах крови. Сейчас он продолжал снимать.

Акулы начали ходить вокруг него, постепенно уменьшая радиус. Он снимал, а круги сжимались. Началась атака.

Пора подниматься: кинооператору нечего здесь больше делать.

Вторая экспедиция на Красное море прошла успешно. Фильм был снят.

## **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ**

1. Бертольт Брехт. Мамаша Кураж и ее дети.
2. Вильям Голдинг. Повелитель мух.
3. Дэвид Джером Селинджер. Над пропастью во ржи.
4. Джон Рональд Руэл Толкиен. Хоббит.
5. Диана Винн Джонс. Блуждающий Замок Хаула.
6. Корнелия Функе. Чернильное сердце.
7. Рей Дуглас Бредбери. Вино из одуванчиков.
8. Рей Дуглас Бредбери. Улыбка.
9. Ричард Бах. Чайка по имени Джонатан Ливингстон.
10. Рональд Дал. Чарли и шоколадная фабрика.
11. Стефан Цвейг. Новеллы (2-3 на выбор).
12. Томас Манн. Марио и волшебник.
13. Фридрих Дюрренматт. Визит старой дамы.
14. Харпер Ли. Убить пересмешника.
15. Эрик Вольф Сигел. История одной любви.
16. Эрих Мария Ремарк. Три товарища.
17. Эрнест Хемингуэй. Снега Килиманджаро.